

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

№ 4 (70)
2022

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1813-6230

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-69774 от 18.05.2017
Журнал издается с 2004 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель, издатель:
Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина

Главный редактор

М. В. Рыбкина, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора

Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Виноградов, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Члены редакционной коллегии

Н. В. Бугель, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. С. Емельянов, доктор юридических наук, доцент (Москва, Россия)

М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Г. Павлов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

К. В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. Роганов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. Силина, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

О. Э. Старовойтова, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

И. С. Кокорин, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Глушаченко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Егоров, доктор юридических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь)

В. П. Очередыко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Ф. Попондопуло, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. Сырых, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Ю. Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

ISSN 1813-6230

The certificate of the mass media registration FIM No ФЦ77-69774 of 18.05.2017
The journal is issued since 2004
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Founder, publisher:
Pushkin Leningrad State University

Chief editor

M. V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Deputy Chief editor

R. A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Executive editor

O. V. Vinogradov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

N. V. Bugel', Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

A. S. Emelyanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Moscow, Russia)

M. Yu. Pavlik, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

K. V. Cherkasov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. A. Roganov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

E. V. Silina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

O. E. Starovoitova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

I. S. Kokorin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

N. A. Vasil'chikova, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

A. V. Egorov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus)

V. P. Ochered'ko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. F. Popondopulo, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. M. Syrykh, Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)

Yu. B. Shubnikov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- А. Ю. Глушаков, А. И. Соболевская
Кризис источников права Российской Федерации 8
- П. А. Оль
Генезис и смысловая эволюция содержания термина «нация»
(историко-правовой аспект) 24
- Р. Д. Артамонов, М. А. Охотникова, Н. Г. Дашкевич
Введение к уложению государственных законов» М. М. Сперанского –
попытка внедрения октроированного конституционализма
в Российской империи 35

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- В. В. Мамонов
Конституционные вопросы реализации гражданами права собираться
мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации,
шествия и пикетирование 47
- Р. А. Ромашов
Конституционно-правовые системы современного мира:
опыт сравнительного анализа (статья 4) 58
- Т. Р. Булатов
Зарубежный опыт и его влияние на развитие института омбудсмена
в системе публичной власти Российской Федерации 74
- А. Г. Самусевич, В.Н. Шутова
Проблемы понимания конституционного правоприменения 84
- В. А. Трифонов
Равный доступ граждан к государственной службе:
гендерный аспект (на примере государственной службы
в органах внутренних дел) 99

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Р. Б. Булатов
Развитие нотариата в эпоху цифровизации 109

Е. А. Нахова, Д. В. Волков	
Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в гражданском процессе отдельных стран Содружества Независимых Государств	118

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Е. М. Павлик, В. В. Пасынков, Д. В. Павлов	
Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как одно из приоритетных направлений предупреждения преступности	136
М. Ю. Павлик, О. А. Чабукиани, О. Р. Шепелёва	
Соотношение уголовного преследования и предварительного расследования	148

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Alexey Yu. Glushakov, Alexandra Ig. Sobolevskaya
Crisis of sources of law of the Russian Federation 8
- Pavel A. OI
Genesis and semantic evolution of the content of the term «nation» (historical and legal aspect) 24
- Roman D. Artamonov, Marina A. Okhotnikova, Nikita G. Dashkevich
Introduction to the Code of State Laws» by M. M. Speransky – an attempt to introduce octroed Constitutionalism in the Russian Empire 35

PUBLIC LAW SCIENCES

- Vadim V. Mamonov
Constitutional issues of citizens' exercise of the right to assemble peacefully, without weapons, to hold meetings, rallies and demonstrations, rallies and picketing 47
- Roman A. Romashov
Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis (Article 4) 58
- Timur R. Bulatov
Foreign experience and its impact on the development of the ombudsman institution in the system of public authority of the Russian Federation 74
- Alexey G. Samusevich, Valentina N. Shutova
Problems of understanding constitutional law enforcement 84
- Vitaly A. Trifonov
Equal access of citizens to public service: gender aspect (on the example of public service in the internal affairs bodies) 99

PRIVATE (CIVIL) LAW SCIENCES

- Rashid B. Bulatov
Digitalization and its impact on the development of the notary 109

Elena A. Nakhova, Dmitry V. Volkov
The subject of proof and the distribution of evidentiary duties in the civil proceedings of individual countries of the Commonwealth of Independent States 118

CRIMINAL LAW SCIENCES

Elizaveta M. Pavlik, Vyacheslav V. Pasynkov, Dmitry V. Pavlov
Prevention of neglect and juvenile delinquency as one of the priority areas for crime prevention 136

Mikhail Yu. Pavlik, Oksana A. Chabukiani, Olga R. Shepeleva
The ratio of criminal prosecution and preliminary investigation 148

Кризис источников права Российской Федерации

А. Ю. Глушаков¹, А. И. Соболевская²

¹Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Высшая школа технологии и энергетики, Санкт-Петербург СПбГУПТД, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Преодоление кризисных явлений в праве представляет собой многоаспектную задачу, требующую комплексного решения, с учетом прогнозирования различных вариантов развития, альтернативности решений, сочетания элементов модернизации и сохранения традиционной системы права, нахождения баланса между управленческим и саморегулируемым началом. В фазе кризиса сложно прогнозировать развитие правовых коммуникаций, требуется грамотная «настройка» правового параметра, поддержание юридически значимого поведения субъектов, что позволит стабилизировать правовую и социальную системы. Высокие социальные риски, нестабильность ситуации, внешнеэкономические угрозы, отсутствие четкой стратегии развития законодательного регулирования общественных отношений во многих отраслях определяет актуальность данных вопросов.

В настоящей статье рассмотрена природа кризиса источников права в РФ и связанных с ней проблем устойчивости социальных отношений; обобщены правовые традиции России и пути дальнейшего развития источников права в условиях кризиса.

По результатам исследования предложены подходы к систематизации и идентификации источников права в России, обобщено значение технических нормативных актов, а также подчеркнута значимость темпоральных коллизионных норм и межиндивидуального права в условиях кризиса.

Ключевые слова: источники права, кризис, правовой кризис, правовые коммуникации, правовые традиции, правовая культура, саморегулирование, «регуляторная гильотина», межиндивидуальное право, «темпоральная коллизия», акты технического регулирования.

Для цитирования: Глушаков А. Ю., Соболевская А. И. Кризис источников права Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 8–23. DOI 10.35231/18136230_2022_4_8

Crisis of sources of law of the Russian Federation

Alexey Yu. Glushakov¹, Alexandra Ig. Sobolevskaya²

¹ North-West Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation

² Higher School of Technology and Energy SPSUITD
Saint Petersburg, Russian Federation

Overcoming crisis phenomena in law is a multifaceted task that requires a comprehensive solution, taking into account the forecasting of various development options, alternative solutions, a combination of elements of modernization and preservation of the traditional system of law, finding a balance between managerial and self-regulatory principles. In the crisis phase, it is difficult to predict the development of legal communications, it requires competent "tuning" of the legal parameter, maintaining the legally significant behavior of the subjects, which will stabilize the legal and social systems. High social risks, instability of the situation, external economic threats, lack of a clear strategy for the development of legislative regulation of public relations in many industries determine the relevance of these issues.

This article examines the nature of the crisis of the sources of law in the Russian Federation and related problems of the stability of social relations; the legal traditions of Russia and the ways of further development of sources of law in a crisis are summarized.

Based on the results of the study, approaches to the systematization and identification of sources of law in Russia are proposed, the significance of technical regulations is summarized, and the significance of temporal conflict of laws rules and interindividual law in a crisis is emphasized.

Key words: sources of law, crisis, legal crisis, legal communications, legal traditions, legal culture, self-regulation, "regulatory guillotine", interindividual law, "temporal conflict", acts of technical regulation

For citation: Glushakov, A. Yu., Sobolevskaya, A. Ig. (2022). Krizis istochnikov prava Rossiyskoy Federatsii [Crisis of sources of law of the Russian Federation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (70). Pp. 8–23. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_4_8

Кризисные явления характерны для всех эпох, они охватывают различные сферы жизнедеятельности, как «вирус» заполняя все социальное пространство. Кризис источников права тесно связан с иерархией и систематизацией правовых норм, конкуренцией принципов права, определением значимости правового параметра среди прочих факторов, включающих традиции, мораль, политические интересы. В условиях кризиса права высоки риски разрушения правовой и социальной системы. Ключевой задачей видится поиск таких способов воздействия на источники права, их систему, которые позволили бы стимулировать ее развитие в нужном направлении. И здесь важно обеспечить сочетание неизбежных процессов модернизации и базовых основ традиционной системы источников российского права, национальных правовых традиций.

Важно отметить, что само понятие «кризис», которое зачастую характеризуется как негативное явление, в общем смысле рассматривается как «перелом», пусть и происходящий в затруднительной, сложной ситуации. В переводе с греческого кризис – *Kρίσις* – решение; поворотный пункт. Право выступает регулятором общественных отношений, а источники права – формой его внешнего выражения.

Подходы отдельных авторов к понятию «кризис права» обобщены на рис. 1.

П.И. Новгородцев	<ul style="list-style-type: none">• несоответствие между правовыми нормами и потребностями общественной жизни, между должным и действительным
И.А. Ильин	<ul style="list-style-type: none">• конфликт между естественным и положительным правом, который разрешается в жизненной борьбе за право – в правотворчестве
Н.А. Власенко	<ul style="list-style-type: none">• тенденции негативного характера, которые накапливаются и представляют опасность уничтожения основного качества права – регулятивных свойств
А.В. Коновалов	<ul style="list-style-type: none">• неспособность права в современных реалиях своевременно и адекватно ответить на вызовы в эпоху глобализации

Рис. 1. Сущность понятия «кризис права»

Данные подходы могут быть учтены и при определении кризиса источников права. Так, П.И. Новгородцев рассматривает кризис права как следствие кризиса идей [13]. И. А. Ильин разделяет борьбу за право в объективном и субъективном смысле, причем обе составляющие обуславливают друг друга. Если первая определяет необходимость обновления правовых норм (источников права), то вторая предполагает «реализацию справедливых полномочий, обязанностей и запретов» [5]. С позиции Н. А. Власенко, кризис источников российского права проявляется в виде непредсказуемых ситуаций, негативных тенденций, которые искореняют регулятивные свойства права [3].

Отдельно авторы рассматривают кризис права применительно к нынешней ситуации, в частности А. В. Коновалов [7] кризисные явления определяет как неспособность реагирования права на новые вызовы, в том числе связанные с глобализацией процессов. Сюда также можно отнести новый технологический уклад, цифровизацию, внешние угрозы, новый социальный уклад в период пандемии COVID-19 и пр.

Зарубежные авторы рассматривают природу кризиса права через призму правовых традиций, и именно данный подход, как представляется, позволят более точно описать кризис источников права. Он заключается в том, что источники права не воспринимаются как целое историческое образование, а лишь как формальная совокупность, объединенная приемами юридической техники [1]. Такое право лишено преемственности, оно ориентировано исключительно на сложившуюся историческую ситуацию, и этот методологический кризис характерен для многих правовых систем.

В современных условиях право неспособно регулировать комплекс значимых общественных отношений, поэтому «включаются» иные социальные регуляторы. О наличии кризисных явлений свидетельствуют следующие факторы:

- преобладание в источниках права устаревших правовых норм;
- преимущественное регулирование общественных отношений на основе моральных, корпоративных, религиозных норм, что приводит к искажению значимости источников права как основного регулятора, характерного для данной правовой системы;
- правовой нигилизм;
- несоответствие между правотворческой деятельностью и принятием правовых актов;

- неразвитый институт правой ответственности;
- отсутствие возможности стабилизации ситуации на основе принятия правовых норм;
- широкое использование правовых инструментов, которые могут быть применены только в особых, чрезвычайных ситуациях;
- новые источники права не действуют, а субъекты, которым они адресованы, продолжают регулироваться сложившимися традициями.

Кризис – это не одномоментная акция, он имеет протяженность во времени и пространстве, может рассматриваться как процесс, для которого характерны отдельные стадии, различные варианты дальнейшего развития в условиях высокой неопределенности. Кризис источников права, таким образом, может рассматриваться как процесс перехода от прежнего состояния к новому через хаос, нестабильность, неустойчивость, для него характерна непредсказуемость и актуализация факторов случайности [9].

Кризис источников права может быть как причиной, так и следствием кризисных явлений в обществе. Приведем исторические примеры. В период Смуты правовой кризис сопровождался глубочайшим политическим и экономическим кризисом, внешними угрозами. Новые законы не принимались, источники права были не систематизированы. Именно принятие Соборного уложения 1649 г. позволило решить значительную часть существующих проблем за счет юридических средств.

В 90-е гг. XX в. переход к рыночным отношениям сопровождался форсированием принимаемых решений, в большей степени носящих ситуационный и ведомственный характер. В налоговых отношениях это привело к силовому решению споров между контролирующими органами и налогоплательщиками, значительному противостоянию, беззаконию. Принятие Налогового кодекса РФ, определение правовых основ налогового контроля и в целом налоговой системы позволило значительно упорядочить общественные отношения в данной области.

Важно, что не все факторы внешней (экстраюридические) и внутренней среды приводят к кризису. В. В. Лазарев использует понятие «вызов» [10], определяя факторы, влияющие на кардинальную трансформацию права. Можно с уверенностью сказать, что таких факторов-вызовов становится все больше, что согласуется с гипотезой уязвимого мира (*vulnerable world hypothesis*).

Главный вызов современного мира – оспоримость, постоянный пересмотр, в том числе и источников права, следовательно, невозможно дать однозначную юридическую оценку того или иного сложного процесса или явления.

В качестве основных проблем источников российского права можно назвать следующие:

- отсутствие официальной классификации нормативных правовых актов [8];
 - отсутствие критерия разграничения сферы регулирования обычного федерального и конституционного закона;
 - «размытость» отраслей права, потеря их внутреннего системного единства, когда регулируются вопросы, выходящие за рамки предмета;
 - излишняя декларативность правовых норм;
 - отсутствие новаторских концепций федеральных законов [2];
 - спешное принятие законов, что сокращает время для проведения процедур их оценки (нередко заключение по законопроекту необходимо подготовить за один день, а на внесение поправок отводится от одного до семи дней). Фактически стадия обсуждения, на которой можно было бы выявить и устранить недостатки законопроектов, пропускается [18]. Это является причиной низкого качества законов, что требует внесения изменений, поправок, либо корректировки дефектных норм судебной практикой;
 - блокировка законотворческой деятельности, что свидетельствует об отсутствии солидарности, о невозможности разрядки социальной напряженности и решения наиболее острых проблем правовыми методами;
 - дублирование юридических положений;
 - несоблюдение принципов действие закона во времени, когда закон имеет обратную силу, ухудшающее положение;
 - отсутствие юридической стратегии законодательного развития источников права
- Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что в среднем в действующие кодексы изменения вносятся чаще одного раза в год [18], и за последние годы интенсивность поправок только увеличивается. Данная ситуация свидетельствует об отсутствии преобладания какой-либо законодательной политики в различных отраслях права.

Нестабильность правового регулирования приводит к падению готовности соблюдать правовые нормы [18], изменения

сложно отследить и учесть в работе бизнес-структур, особенно, когда они принимаются в самом конце календарного года.

В качестве адекватных мер, направленных на решение обозначенных проблем, видятся следующие:

- принятие федерального закона о нормативных правовых актах в Российской Федерации;
- стабильность развития законодательного регулирования на основе стратегического подхода;
- введение моратория или частичного ограничения на изменения законов, что, с одной стороны, позволит обеспечить относительную стабильность, но, с другой стороны, несет риски сохранения некачественных и ошибочных норм [18];
- разработка экспертных фильтров для внесения поправок в каждый базовый кодекс по примеру УК РФ (внесение поправок с согласия Верховного Суда);
- изменение правил введения в силу законодательных изменений в сторону увеличения сроков и обеспечения необходимого времени для ознакомления и учета новых положений в работе;
- развитие парламентских дискуссий по законопроектам в условиях поддержания высокого уровня конкуренции между партиями и фракциями;
- включение в источники права индивидуальных правовых предписаний (индивидуального регулирования);
- разработка нового комплексного направления юридической науки – правовой кризисологии, изучающей кризисные явления в праве [9].

Совершенствование источников права предполагает и принятие новых норм, разработку правовых институтов, без этого невозможно поступательное развитие, но важна их апробация, обдуманность. Например, в Налоговый кодекс РФ в 2017 г. была введена ст. 54.1 «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов», которая содержала принципиально иной подход, вразрез со сложившейся судебной практикой добросовестного (недобросовестного) поведения налогоплательщика и необоснованной налоговой выгоды. Норма была введена, но отказ от использования уже сложившегося в практике инструментария привел к тому, что статья стала нерабочей. И только в 2021 г. было опубликовано долгожданное Письмо ФНМ России (от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@), которое также не смогло

внести ясность по всем вопросам. Причем тема эта крайне актуальна, так как дает возможность налоговым органам доначислять налоги, отказывать в получении вычетов, привлекать к налоговой ответственности даже в тех случаях, когда нормы закона формально соблюдены.

Таким образом, именно системность и последовательность при развитии источников права позволит избежать подобных необоснованных решений.

Новый закон о нормативных правовых актах должен решить следующие задачи:

1. Разграничить нормативные правовые акты и локальные нормативные акты с учетом их природы и юридической сути, как видов источников права. Основные признаки нормативного правового акта обобщены на рис. 2. Исключение предусмотрено для актов государственных корпораций «Росатом» и «Роскосмос» [15].

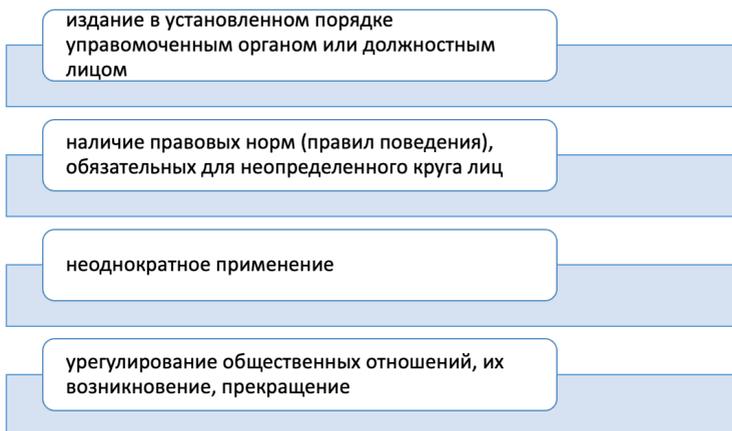

Рис. 2. Признаки нормативного правового акта

2. Обеспечить идентификацию актов технического регулирования как источников российского права. Это санитарно-эпидемиологические правила, нормы пожарной безопасности, иные акты, содержащие положения технического характера. Технические нормы разнообразны, они включают в себя добровольные и обязательные правила, могут утверждаться как указом Президента России, так и федеральными агентствами. Происходит стирание границ между нормативным правовым и норматив-

но-техническим актом, более того, доступ к отдельным нормам и правилам затруднен, при том, что законодательство Российской Федерации устанавливает административную и даже уголовную ответственность за нарушение обязательных требований. Проблемы видятся в следующем. Во-первых, существовало большое количество технических документов, принятых еще в советское время. Постановлением Правительства Российской Федерации с 1 февраля 2020 г. проведена «регуляторная гильотина», в результате отменено 1259 правительственных актов РСФСР, которые были признаны устаревшими.

Во-вторых, важно определить место технических документов в источниках права. Например, в Республике Беларусь «технические нормативные правовые акты» включены в систему законодательства, согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130 «О нормативных правовых актах». Они представлены в самом низу иерархической лестницы, без должной классификации, что представляется упущением [14].

В-третьих, необходимо обеспечить доступность и систематизацию технических документов с учетом развития цифровых технологий. Как представляется, на официальных сайтах контрольно-надзорных органов при наличии бланкетной нормы закона, должны в обязательном порядке размещаться ссылки на источники права, содержащие соответствующие требования.

Следует легализовать темпоральные коллизионные нормы, закрепив их сущность, виды, особенности. К настоящему времени сложилось два подхода к квалификации темпоральных норм. Они обобщены на рис. 3. Сторонники первого, широкого подхода все темпоральные нормы рассматривают как коллизионные. Они не являются дефектами юридической техники, вызваны объективной необходимостью совершенствования законодательства [4]. В свою очередь, как справедливо отмечает Л. А. Морозова, юридические коллизии свидетельствуют «о дефектах и патологиях правовой системы» [12].

Сторонники второго, узкого, подхода рассматривают темпоральные коллизионные нормы как противоречия между «нормами нескольких актов текущего законодательства, принятых в разное время» [16].

В настоящее время законодатель использует различные юридико-технические подходы: «действует положение акта, принятого позднее», «последующая норма отменяет предыдущую», «более поздний нормативный акт имеет преимущество

над более ранним» и т.д. Отсутствие четкого единого подхода о том, противоречия между какими актами решают темпоральные коллизионные нормы, практически полностью исключает их возможность применения на практике. Решения требуют следующие вопросы:

- принимая правило «приоритет нового закона перед старым», необходима четкая квалификация «нового», «последующего», «предыдущего» закона;
- определение и разграничение понятий «издание», «принятие», «действие» акта в нормотворческом процессе, с учетом его официального вступления в силу;
- определение общей правовой модели темпоральной коллизионной нормы.

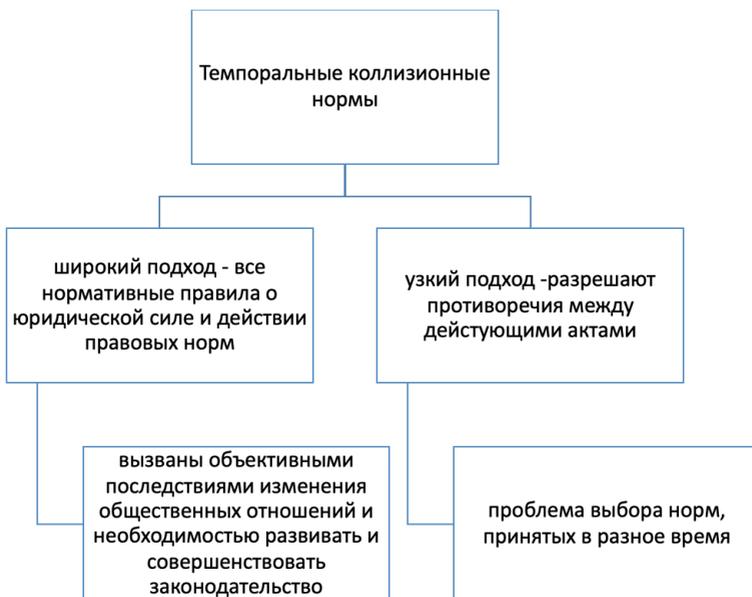

Рис. 3. Подходы к определению темпоральных коллизионных норм

В настоящее время законодатель использует различные юридико-технические подходы: «действует положение акта, принятого позднее», «последующая норма отменяет предыдущую», «более поздний нормативный акт имеет преимущество над более ранним» и т.д. Отсутствие четкого единого подхода о том, противоречия между какими актами решают темпораль-

ные коллизионные нормы, практически полностью исключает их возможность применения на практике. Решения требуют следующие вопросы:

- принимая правило «приоритет нового закона перед старым», необходима четкая квалификация «нового», «последующего», «предыдущего» закона;
- определение и разграничение понятий «издание», «принятие», «действие» акта в нормотворческом процессе, с учетом его официального вступления в силу;
- определение общей правовой модели темпоральной коллизионной нормы.

Возможна следующая модель темпоральной коллизионной нормы: «В случае противоречия правовых норм, имеющих равную юридическую силу, приоритет отдается той, которая вступила в силу позднее».

Следующее предложение по преодолению кризиса источников права предполагает включение в источники права индивидуального регулирования.

Законодательство призвано регулировать общественные отношения, защищая и обеспечивая интересы граждан, бизнес-структур, организаций. Данная защита видится не только в разработке эффективных норм, но и контроле за их правоприменением. Для правильной трактовки правовых норм, их систематизации, анализа требуются специальные знания и навыки, в противном случае нередки случаи заблуждения, уклонения от обязательств, отказ от использования предоставляемых прав. Внедрение практики ограниченного доступа к законодательным актам и подзаконным документам с учетом уровня подготовки позволит снизить риски неправильного правоприменения. Это дополнительная защита, которая может быть введена по аналогии с разработанным Банком России Базовым стандартом защиты прав и интересов физических и юридических лиц – получателей финансовых услуг, предусматривающим тестирование инвесторов для оценки уровня знаний, опыта, готовности к совершению сделок. Прохождение аналогичного тестирования в области юриспруденции позволит не только получить доступ к отдельным разделам правовых систем, но и фактически оценить свою возможность самостоятельно изучить тот или иной правовой вопрос.

Сущность межиндивидуального права представлена на рис. 4. В. П. Малахов определяет его как «неписаное», «неофициаль-

ное право» [11], З. К. Шавлохова – как «форму выражения прав человека», Т. В. Кашанина – как «новый вид частного права» [6].

В.П. Малахов	<ul style="list-style-type: none">• негосударственное, неюридическое, неофициальное, неписаное, живое, частное и естественное право
Г.М. Лановая	<ul style="list-style-type: none">• индивидуально-договорное право
З.К. Шавлохова	<ul style="list-style-type: none">• явление индивидуальной правовой жизни
Т.В. Кашанина	<ul style="list-style-type: none">• новый вид норм частного права, которые человек устанавливает сам для себя и придерживается их, выстраивая свое поведение при общении с людьми

Рис. 4. Сущность межиндивидуального права

Следует подчеркнуть особую роль межиндивидуального права в условиях неопределенности, хаотичности источников права, т.е. в кризис. Индивиды самостоятельно устанавливают и реализуют взаимные притязания, под свою ответственность, оперативно реагируя в условиях спонтанно складывающихся неофициальных институтов. Межиндивидуальное право может восполнять негативы официального, оно позволяет:

- повысить оперативность защиты интересов граждан;
- укрепить плюральную организацию права;
- нивелировать регуляционную монополию государства;
- экономить управляющие ресурсы государства;
- повысить гибкость, увеличить количество регулятивных средств;
- обеспечить сосредоточение внимания государства на прямых полномочиях.

Баланс между управлением и самоорганизацией должен строиться с учетом следующих факторов, обобщенных на рис. 5.

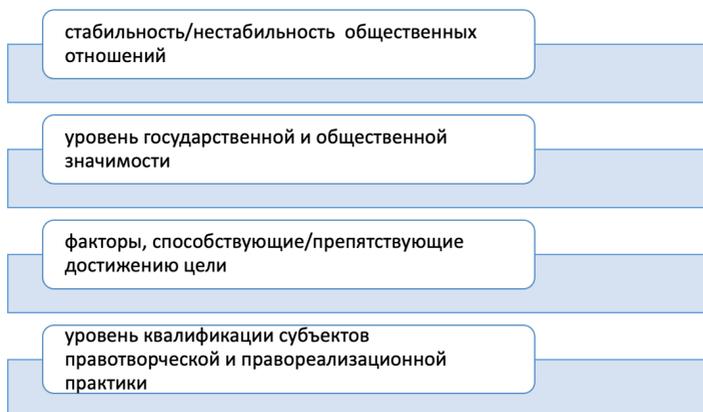

Рис. 5. Факторы нахождения баланса между управлением и самоорганизацией

Таким образом, кризис источников права в России может рассматриваться как процесс, во многом определенный внешними (экстраюридическими) факторами, включающими внешнюю угрозу, новый экономический и технологический уклад, нестабильность правовых систем. Повышается правовая неопределенность и непредсказуемость как альтернативных вариантов развития и выхода из кризиса, так и реакции акторов права на них. Несмотря на необходимость модернизации российской правовой системы, необходимо придерживаться традиционных основ, преемственности норм, что требует, в том числе, систематизации источников права. Основой может выступать принятие Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», обеспечивающего законодательное определение и закрепление технических документов, темпоральных коллизионных норм, а также определение места межличностного права в общей системе источников права.

Список литературы

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, ИНФРА-М.; Норма, 1998. – 624 с.
2. Бондарев В. Г., Башмакова Н. И., Снина А. И. Судебный дискурс: генезис и определение понятия // Конфликтология – 2020. – Т. 15. – № 1. – С. 54.
3. Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 44.

4. Голубцов В. Г. Темпоральные коллизионные нормы как юридические средства преодоления временных противоречий между правовыми нормами // Российский юридический журнал. – 2022. – № 1. – С. 20–33.
5. Ильин И. А. Теория права и государства. – М.: Зерцало-М, 2017. – 552 с.
6. Кашанина Т. В. Структура права: монография. – М.: Проспект, 2015. – 74 с.
7. Коновалов А. В. Право в глобальном мире. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации – URL: www.krsf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceKononovlov.aspx (дата обращения: 03.08.2022).
8. Краснов Ю. К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3 (40). – С. 22.
9. Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления: коллективная монография / сост. и ред. А. А. Дорская, В. А. Косовская, Н. И. Алексеева. – СПб.: Астерион, 2021. – 580 с.
10. Лазарев В. В. Избранное последнего десятилетия. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2020. – С. 44.
11. Малахов В. П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – С. 49–57.
12. Морозова Л. А. Проблемы типологии юридических коллизий (современная трактовка) // Lex russica. – 2017. – № 6. – С. 36.
13. Новгородцев П. И. Введение в философию права. II: Кризис современного правосознания. – М.: Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1909. – XII, 395 с.
14. Поленина С. В., Сильченко Н. В. Технические нормативные правовые акты в системе формальных источников современного права // Журнал российского права. – 2020. – № 12. – С. 32–42.
15. Сергеев А. А. Актуальные проблемы идентификации источников российского права // Современное право. – 2017. – № 7. С. 5–9.
16. Татаринов С. А. Конституционно-правовые коллизии в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 5. – С. 47.
17. Тихомиров Ю. А., Бошно С. В. Теоретические основы классификации законов // Право и современное государство. – 2018. – № 2–3. С. 9–19.
18. Ткаченко Н. Статистический анализ федерального законодательства // Центр стратегических разработок, 2017.

References

1. Berman, G. Dzh. (1998). *Zapadnaya traditsiya prava: ehpokha formirovaniya* [The Western tradition of law: the epoch of formation] Moscow: MGY. (In Russian).
2. Bondarev, V. G., Bashmakova, N. I., Sinina, A. I. (2020). *Sudebnyi diskurs: genezis i opredelenie ponyatiya* [Judicial discourse: genesis and definition of the concept]. *Konfliktologiya – Conflictology*. No.1. P. 54. (In Russian).
3. Vlasenko, N. A. (2013). *Krizis prava: problemy i podkhody k resheniyu* [The crisis of law: problems and approaches to solution]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. No.8. P. 44. (In Russian).
4. Golubtsov, V. G. (2022). Temporal'nye kollizionnye normy kak yuridicheskie sredstva preodoleniya vremennykh protivorechii mezhdru pravovymi normami [Temporal conflict of laws norms as legal means of overcoming temporary contradictions between legal norms]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal – Russian Law Journal*. No.1. Pp. 20–33. (In Russian).

5. Il'in, I. A. (2017). *Teoriya prava i gosudarstva* [Theory of law and state]. Moscow: Zertsalo-M. (In Russian).
6. Kashanina, T. V. (2015). *Struktura prava: Monografiya* [Structure of law: Monograph]. Moscow: Prospekt. (In Russian).
7. Konovalov, A. V. *Pravo v global'nom mire* [Law in the global world] / Ofitsial'nyi sait Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii – Available at: www.ksrf.ru/Info/Reading/Pages/PerformanceKonovalov.aspx (accessed 03 August 2022).
8. Krasnov, YU. K. (2016). Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie aspekty krizisa prava v sovremennom mire [Some theoretical and practical aspects of the crisis of law in the modern world]. *Pravo i upravlenie. XXI vek – Law and management. XXI century*. No. 3 (40). Pp. 22. (In Russian).
9. Dorskaya, A. A., Kosovskaya, V. A., Alekseeva N. I. (2021). *Krizisnye yavleniya v prave: teoriya, istoriya, puti preodoleniya* [Crisis phenomena in law: theory, history, ways of overcoming: a collective monograph]. Sankt-Peterburg: Asterion. (In Russian).
10. Lazarev, V. V. (2020). *Izbrannoe poslednego desyatiletiya* [Favorites of the last decade]. Moscow: Norma. (In Russian).
11. Malakhov, V. P. (2013). *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. K probleme pravoponimaniya: ucheb. Posobie* [General theory of law and the state. To the problem of legal understanding: studies. manua.]. Moscow: Zakon i pravo. (In Russian).
12. Morozova, L. A. (2017). *Problemy tipologii yuridicheskikh kollizii (sovremennaya traktovka)* [Problems of typology of legal collisions (modern interpretation)]. *Lex russica – Lex russica*. No. 6. Pp. 36. (In Russian).
13. Novgorodtsev, P. I. (1909). *Vvedenie v filosofiyu prava. II: Krizis sovremennogo pravosoznaniya* [Introduction to the philosophy of law. II: The crisis of modern legal consciousness]. Moscow: Kushnerev i Ko. (In Russian).
14. Polenina, S. V., Sil'chenko, N. V. (2020). *Tekhnicheskie normativnye pravovye akty v sisteme formal'nykh istochnikov sovremennogo prava* [Technical normative legal acts in the system of formal sources of modern law]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 12. Pp. 32–42. (In Russian).
15. Sergeev, A. A. (2017). *Aktual'nye problemy identifikatsii istochnikov rossiiskogo prava* [Actual problems of identification of sources of Russian law]. *Sovremennoe pravo – Modern law*. No.7. Pp. 5–9. (In Russian).
16. Tatarinov, S. A. (2019). *Konstitutsionno-pravovye kollizii v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional and legal collisions in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie – State power and local self-government*. No.5. P. 47. (In Russian).
17. Tikhomirov, YU. A., Boshno, S. V. (2018). *Teoreticheskie osnovy klassifikatsii zakonov* [Theoretical foundations of the classification of laws]. *Pravo i sovremennoe gosudarstvo – Law and the modern State*. No.2–3. Pp. 9–19. (In Russian).
18. Tkachenko, N. (2017). *Statistical analysis of federal legislation* [Statistical analysis of federal legislation] // Center for Strategic Research, (In Russian).

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Алексей Юрьевич Глушаков, кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0957-1953, e-mail: complexal@yandex.ru

Соболевская Александра Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, Высшая школа технологии и энергетики СПбГУПТД, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5856-6822, e-mail: gripe80@mail.ru

About the authors

Alexey Yu. Glushakov, Cand. Sci. (Law), Assistant Professor, North-West Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-0957-1953, e-mail: complexal@yandex.ru

Alexandra Ig. Sobolevskaya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor Higher School of Technology and Energy SPSUITD, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5856-6822, e-mail: gripe80@mail.ru

Поступила в редакцию: 21.11.2022

Принята к публикации: 06.12.2022

Опубликована: 30.12.2022

Received: 21 November 2022

Accepted: 06 December 2022

Published: 30 December 2022

Генезис и смысловая эволюция содержания термина «нация» (историко-правовой аспект)

П. А. Оль

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье анализируются исторические изменения термина «нация». Утверждается, что изменение содержания термина «нация» зависит от изменения исторической формы субъекта, обозначаемого этим термином.

Такие исторические изменения происходят от клана, племени к правовым формам организации и к государству. При этом термином «нация» обозначается высшая форма организованного волевого единства и субъектности, независимо от исторически обусловленного содержания.

В этом качестве феномен нации проявляет себя на всех этапах исторического развития. Именно поэтому термин «нация» носит исторически устойчивый характер и имеет политико-правовое значение.

Ключевые слова: нация, государство, смысловое содержание, термин «нация», историческая устойчивость термина, историческое развитие, социальная общность, народ.

Для цитирования: Оль П. А. Генезис и смысловая эволюция содержания термина «нация» (историко-правовой аспект) // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 24–34. DOI 10.35231/18136230_2022_4_24

Genesis and semantic evolution of the content of the term “nation” (historical and legal aspect)

Pavel A. OI

North-West Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the historical changes of the term “nation”.

It is argued that the change in the content of the term “nation” depends on the change in the historical form of the subject designated by this term. Such historical changes occur from the clan, tribe to the legal forms of organization and to the state. At the same time, the term “nation” denotes the highest form of organized volitional unity and subjectivity, regardless of the historically determined content.

In this capacity, the phenomenon of the nation manifests itself at all stages of historical development. That is why the term “nation” has a historically stable character and has a political and legal meaning.

Key words: nation, state, semantic content, the term “nation”, historical stability of the term, historical development, social community, people.

For citation: OI, P. A. (2022). Genezis i smyslovaya evolyutsiya sodержaniya termina “natsiya” (istoriko-pravovoy aspekt) [Genesis and semantic evolution of the content of the term “nation” (historical and legal aspect)]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (70). Pp. 24–34. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_4_24

Введение

Исследование любой сложной проблемы целесообразно начинать с явной, очевидной первоосновы. Её понимание, как правило, дает возможность дальнейшему движению к осмыслению уже того, что для нас не является вполне очевидным. Применительно к рассматриваемой теме такой очевидной первоосновой является сам факт существования термина «нация».

В современных языках слово «нация» получило широкое распространение. Оно используется в быту, в публичном общении, в научной литературе и в публицистических источниках разной направленности. Слово «нация» приобретает значение научного, политического, а также юридического термина [8, с. 6]. Этим обусловлена необходимость максимальной унификации, точности терминологического содержания. Термин должен точно отражать значение объекта, явления и в силу возможности восприниматься как объективность. При этом под термином мы понимаем языковое выражение, указывающее на объект, т. е. обозначающее его. Соответственно объект будет предметным значением, а понятие об этом объекте будет рассматриваться как смысловое значение термина.

Для освещения предмета нашего анализа выделим некоторые основные так называемые «реперные точки» в объёмном имеющемся историческом знании на эту тему. Такой подход позволит понять, что же, собственно, в целом представляло собой общественное знание о явлении, которое обозначалось термином «нация». Выберем дошедшие до нас в литературных источниках лишь мнения некоторых известных и авторитетных мыслителей. Кроме того, рассматривая любое явление в историческом контексте, мы должны понимать факторы, влияющие на его генезис, т. е. на процесс и результат развития «от определенной начальной точки вплоть до приобретения этим явлением законченной концептуальной формы» [10, с. 15].

Античные истоки и эволюция термина «нация» в средневековую эпоху

Само слово «нация» происходит из латинского языка и, по всей видимости, этимологически связано с корнем «*nat-*», который присутствует в словах, чье смысловое значение, так или иначе связано с происхождением, например *natura* – рождение или природа¹.

¹ Петрученко О. Латинско-русский словарь. 10-е изд. СПб.: Лань, 2001. С. 365.

В Античности под словом «*nation*» понимался *определённый* народ, но не в смысловом значении *populus* – как народ вообще, или *populus romanus* – государственно-правового понятия общности *граждан* (патрициев и плебеев), составляющих народное собрание, а относительно рода, племени, клана [5, с. 117]. Терминологическое значение слова «нация» предполагало ограниченную общность людей, связанную родством, как природным происхождением, как «понятие более узкое, чем *gens*, но = *gens* в смысле происхождения и родства членов»¹. В научной литературе указывается, что ещё Тацит всех германцев называет народом (*populus*), но ряд племен определяет как *nationes*, считая необходимым подчеркнуть родственный характер отношений [2, с. 22, 75]. Но, видимо, сам термин более ранний, так как, по некоторым данным, предшественник Тацита римский историк Гай Саллустий Крисп разделял понятия племени и народа как *nationes et gentes (populi)* [5, с. 662].

Общим являлось то, что слово «нация» употреблялось в выясненном нами общеупотребительном значении, которое предполагает некую генетическую связь – корни (реальные или мнимые – мифические). Кроме того, понимание нации предполагало ещё и единство происхождения – это обособление относительно народа вообще, как всего «рода человеческого» и в сравнении с другими аналогичными выделенными и характеризруемыми определённым образом сообществами. Такое общепринятое понимание смыслового значения с необходимостью влечет за собой расширение при более подробном научном осмыслении и описании объекта как предметного значения термина «нация». Это осуществляется, например, посредством выделения обобщающих признаков у людей с общими корнями происхождения, при помощи определения особенностей отношений между родовыми или племенными сообществами, описания способов существования в условиях природной среды, а также на основе анализа и оценки отношений с другими такими же племенными сообществами, что предполагает их сравнение.

Чаще всего в античных описаниях за основу (рационально или интуитивно) берётся одна из сторон существования человека, как видового явления. Так, при определении человеческой общности выделяется отношение человека к среде обитания (климатическим условиям, географическому положению, доступу к жизненно необходимым ресурсам и т. д.). При этом

¹ Словарь античности / пер. с нем.; редкол.: В. И. Кузицин (отв. ред.) и др. М.: Прогресс, 1989. С. 375.

с очевидностью предполагалось, что условия среды обитания в определенной степени обуславливают формирование соответствующих особенностей поведения людей, их образа жизни. В их привычках отражаются способ существования и коллективного выживания в климатических и географических условиях, особенности трудовой деятельности, степень привязанности к территории и т.д. Особенности бытия формируют специфику совместного ведения хозяйства, а также обычаи и нравы этих людей. Кроме того, признаком, на основании которого проводится градация племен, является разница способов их общения, т. е. языковые различия. Возникновение и развитие уникального языка общения – необходимое условие духовного развития, формирования общего мировоззрения, ценностных представлений, а в Риме – это еще и способ публичного общения, средство обращения власти к народу. Античным авторам свойственны оценочные характеристики, построенные на сравнении с тем, что считалось цивилизацией, относительно которой воспринимался уровень развития родовых, племенных сообществ, наций и населения городов. В античных описаниях в целом речь идет об особенностях духовной, материальной и физической культуры, культов служения богам, которым следуют «народы и нации, греки и варвары» [14, с. 223]. Вместе с тем нация – это всегда некое коллективное лицо, сторона в торговых отношениях и в конфликтах.

В средневековый период в немецком и французском языках слово «*nation*», также как и в эпоху Античности, обозначало происхождение и принадлежность к определенному роду или к племенной общности. При этом в условиях городских агломераций данное слово употребляют также, обозначая им гильдии, цеха и прочие объединения людей, которые необходимо было отличить от других сосуществующих с ними сообществ [9, с. 28–29]. Иногда под нацией понималось землячество, обозначаемое по имени страны происхождения и прибытия людей [13, с. 254–255]. Но даже в этих случаях смысловое значение слова «нация» предполагало понимание *единства с особыми качествами*, основанного на *происхождении и жизненно важных потребностях*.

Формирование политико-правового содержания термина «нация» в эпоху Возрождения

С формированием централизованных монархических государств термин «нация» используется в контексте отноше-

ния к монархической власти. Необходимость единения вокруг монарха обосновывается понятной для всех общностью веры. Принцип единства получает религиозное обоснование. Но, по замечанию Фихте, в этот период времени, «народные массы сплачивались только отношениями крепостных к своим господам и вассалов к сюзерену» [12, с. 292].

В этой связи показательным является пример организационной формы империи Катона I – Римской империи (с 1034 г. *Imperium Romanum* – лат.), которую ещё называют державой германских королей. С XV в. этот державный союз обозначается термином «германская нация», чем подчеркивалась особая степень единства разных народов под суверенной монархической и религиозной властью. Священная Римская империя становится Священной Римской империей германской нации (*Sacrum Imperium Romanum Nationis Germanicae*).

Изменились акценты при истолковании смыслового значения термина «нация» в Новое время. Возрождающаяся идея народного волеизъявления как новое восприятие знаний об античной демократии начинает формулироваться в философских воззрениях эпохи. «Новая философия», – писал об этой эпохе А. Д. Градовский, – провозгласила живую внутреннюю связь правительства и народа. Правительство выражает требования национальной жизни народа, как собирательной личности... Через государство осуществляется некоторое право народности на самостоятельную международную жизнь» [3, с. 10]. Принцип суверенной власти экстраполируется с единоличной воли монарха на сообщества людей – народы. Г. Гроций формулирует систему положений, которыми должны руководствоваться «сообщества людей» в своих взаимоотношениях. Он использует термин «право народов», под которым понимается право, «которое получает обязательную силу волею всех народов или многих из них» [4, с. 50].

В трудах о государственном устройстве термином «нация» обозначается народ, воля которого так или иначе выражена в политической власти. Под нацией понимается социальная общность, выступающая в качестве союза людей, основанного на некоем «общем духе нации» (Ш-Л. Монтескье) [6, с. 16], или на «национальном духе» (Ж-Ж. Руссо) [11, с. 172–180] и т. п. При этом о сколько-нибудь слаженном понятийно-категориальном аппарате речь, естественно, идти не может. Вместе с тем усматриваются в разных подходах и некоторые общие мотивы, очевидно определяемые общими гуманистическими тенденциями философии Возрождения.

Учение Ж-Ж. Руссо о коллективной воле и народе как индивидууме получило свое политико-правовое воплощение в период Великой французской революции. Это видно, в частности, на примере якобинской Конституции 1793 г. Но вместе с тем революционными идеологами нация изначально рассматривалась, как народное большинство, противопоставившее себя аристократическому меньшинству. Причем под этим большинством понималось не что иное, как третье сословие – класс собственников, своей собственностью «привязанных к стране».

Так, например, Э. Ж. Сьейес, выражающий интересы конституционалистов, рассматривал нацию как борющееся за свои права третье сословие¹. Считается, что именно по его предложению собрание представителей 17 июня 1789 г. провозгласило себя именно *Национальным* собранием. Аналогичной точки зрения придерживались законодатели при подготовке положений Конституции 1795 г. В частности, констатировалось, что: «Нами должны управлять лучшие; лучшими являются наиболее образованные и наиболее заинтересованные в поддержании законов». И далее: «Страна, управляемая собственниками, – это страна общественного порядка; страна, управляемая несобственниками, пребывает в первобытном состоянии...»². Но формально в конституционных актах нация рассматривается как союз *всех* граждан республики. «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г. провозгласила, что «источник суверенитета зиждется, по существу, в нации». Данные принципы закреплялись Конституцией 1791 г. В этой связи разными авторами отмечается, что в Конституции вводилось правовое понятие нации как единой общности формально равноправных граждан [16, с. 122] или, что «французская национальность означала французское гражданство» [13, с. 140].

В отличие от революционной классовой идеологии Франции эпохи Великой революции, немецкая социальная философия и политико-правовая мысль интерпретировали термин «нация» в смысловом значении, отражающем понимание культурно-языковой общности соответствующей в определенной степени современному понятию «этнос». Такой подход объясняется этнической разобщенностью при необходимости эко-

¹ Розин Е. Л. Политические и правовые учения во Франции в период кризиса абсолютизма и буржуазной революции конца XVIII века // История политических и правовых учений / под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Юридическая литература, 1983. С. 242.

² Предварительная речь по проекту Конституции Французской Республики, произнесенная Буази Д' Англа от имени комиссии одиннадцати на заседании 5 мессидора III года: сб. док. по ист. Нового времени. Буржуаз. революции XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 281.

номической и политической централизации [15, с. 264]. Нации рассматриваются как естественные образования, на индивидуальные черты и уровень развития которых оказывают влияние географические условия и законы, которые были однажды приняты. При этом самым естественным государством считается такое, в котором живет один народ, с одним присущим ему национальным характером. Особое место значению термина «нация» отводится в философии Г. В. Ф. Гегеля. Мыслитель рассматривал нацию как общность людей с единым «национальным характером», с «национальным духом». При этом «народ без государственного устройства (*нация* как таковая) не имеет, собственно, никакой истории, подобно народам, существовавшим еще до образования государства, и тем, которые еще и поныне существуют в качестве диких наций» [1, с. 66, 364, 368].

В целом на научные представления о смысловом значении термина «нация» в немецкой политической философии оказали явное влияние два подхода – этнический и политический. Отдельной большой темой являются европейские концепции биологического детерминизма – расовые теории и все что связано с социал-дарвинизмом.

Заключение

Исторический анализ эволюции содержания термина «нация» позволяет заключить, что содержание это неразрывно связывается с формированием коллективного единства, основанного на осознании витальной необходимости совместного существования. Наряду с характеристикой социальных групп по внешним отличительным признакам некоторые из них определяются термином «нация», чем подчеркивается их коллективная сила, дающая возможность выживать в условиях агрессивной среды, противодействовать внешним угрозам. Развитие обменных отношений, межплеменные и межклановые войны, милитаризация сообществ, очевидно, способствовали сплочению и формированию организованной коллективной воли. При этом – это высшая степень сплоченности, где каждый член этого осознанного волевого единства в критической ситуации готов к самопожертвованию ради существования коллективного целого, с которым ассоциировалась сама возможность существования. Естественно, что изначально в качестве таких сообществ рассматривались семья, род, племя – организованные единства, объединяющие в межличностных отношениях самых близких людей. Это было единственно возможное кол-

лективное лицо в отношениях обмена и войн, высшая степень коллективного единства на соответствующем историческом этапе. Такое коллективное, основанное на единстве, лицо определяется как нация (от латинского корня *nat* – происхождение, природа). Но *осознание социальной природы человека меняется, а термин исторически сохраняется*. В разные эпохи термином «нация» обозначают разные коллективные образования высшей степени организационного единства. Такое единство основывается на родстве, иногда на способе совместного выживания в определённых условиях, а иногда на системе ценностей – на вере, на общей идее. Способом такого единения может быть родовая община, клан, религиозное сообщество, сословие, экономический класс и наконец, политико-правовая форма – государственное образование. Таким образом, нация – это, по сути, общая воля в которой в высшей степени выражается коллективная, социальная природа человечества на разных этапах исторического развития. В конечном счёте, это коллективная субъектность, основанная на убеждении в справедливости самого своего существования, на своей коллективно понимаемой справедливости. *Нация – это всегда высшая форма коллективной субъектности, вне зависимости от исторически изменяющегося содержания*. Именно поэтому термин «нация» имеет исторически устойчивый характер.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
2. Голубцова Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. – М.: Наука, 1998. – 253 с.
3. Градовский А. Д. Национальный вопрос в истории и литературе. – СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1873. – 309 с.
4. Гроций Гуго. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. – М.: Юридическая литература, 1948. – 867 с.
5. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
6. Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
7. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. – 351 с.
8. Оль П. А., Ромашов Р. А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). – СПб.: Изд-во Юрид. ин-та (Санкт-Петербург), 2002. – 141 С.
9. Покровский И. А. История римского права. – СПб.: Лет. сад. 1998. – 555 с.

10. Ромашов Р. А. Политогенез: Храм – Полис – Государство – State: монография. – СПб.: Алетейя. 2020. – 480. С.
11. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1981. – 336 с.
12. Фихте И. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Мифрил, 1993. – 686 с.
13. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.
14. Цицерон. Философские трактаты. – М.: Наука, 1985. – 382.
15. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: в 9 т. Т.6. – М.: Политиздат, 1987. – С. 264.
16. Юдовская А. Я. Эволюция права в государствах Европы и Америки (XVII – XIX вв.). – СПб.: Спец. лит., 1996. – 153 с.

References

1. Gegel', G. V. F. (1977). *Enciklopediya filosofskih nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Т. 3. Moskva: Mysl'. (In Russian).
2. Golubcova, E. S. (1998). *Obshchina, plemya, narodnost' v antichnuyu epokhu* [Community, tribe, nationality in the ancient era]. Moskva: Nauka. (In Russian).
3. Gradovskij, A. D. (1873). *Nacional'nyj vopros v istorii i literature* [The national question in history and literature]. Sankt-Peterburg: Izd. D. E. Kozhanchikova. (In Russian).
4. Grocij, Gugo (1948). *O prave vojny i mira. Tri knigi, v kotoryh ob"yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publichnogo prava* [On the right of war and peace. Three books explaining natural law and the law of nations, as well as the principles of public law]. Moskva: YUridicheskaya literatura. (In Russian).
5. Dvoreckij, I. H. (1976). *Latinsko-russkij slovar'* [Latin-Russian dictionary]. 2-e izd, Moskva: Russkij yazyk. (In Russian).
6. Montesk'e, SH. L. (1999). *O duhe zakonov* [About the spirit of the laws]. Moskva: Mysl'. (In Russian).
7. Morgan, L. G. (1934). *Drevnee obshchestvo ili issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k civilizacii* [Ancient society or the study of the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization]. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa SIK SSSR. (In Russian).
8. Ol', P. A., Romashov, R. A. (2002). *Naciya (genezis ponyatiya i voprosy pravosub"ektnosti)* [Nation (genesis of the concept and issues of legal personality)]. Sankt-Peterburg: Izd-vo jurid. in-ta (Sankt-Peterburg). (In Russian).
9. Pokrovskij, I. A. (1998). *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman Law]. Sankt-Peterburg: Let. sad. (In Russian).
10. Romashov, R. A. (2020). *Politogenez: Hram – Polis – Gosudarstvo – State: monografiya* [Politogenesis: Temple – Polis – State – State: monograph]. Sankt-Peterburg: Aleteya. (In Russian).
11. Russo, ZH.-ZH. (1981). *Pedagogicheskie sochineniya: V 2 t. T. 2.* [Pedagogical essays: In 2 vols. Vol. 2]. Moskva: Pedagogika. (In Russian).
12. Fihte, I. (1993). *Sochineniya v 2 t. T. 2.* [Essays in 2 vols. Vol. 2]. Sankt-Peterburg: Mifril. (In Russian).
13. Hobsbaum, E. (1998). *Nacii i nacionalizm posle 1780 goda* [Nations and nationalism after 1780]. Sankt-Peterburg: Aleteya. (In Russian).

14. Ciceron. (1985). *Filosofskie traktaty*. [Philosophical treatises]. Moskva: Nauka. (In Russian).

15. Engel's, F. (1987). *O razlozhenii feodalizma i vznikovenii nacional'nyh gosudarstv* [On the disintegration of feudalism and the emergence of nation-states] // Marks K., Engel's F. Izbr. soch. V 9 t. T.6. Moskva: Politizdat. (In Russian).

16. YUdovskaya, A. YA. (1996). *Evolyciya prava v gosudarstvah Evropy i Ameriki (XVII – XIX vv.)* [Evolution of law in the States of Europe and America (XVII – XIX centuries)]. Sankt-Peterburg: Spec. lit. (In Russian).

Об авторе

Оль Павел Андреевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры правоведения, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: opspb@mail.ru

About the author

Pavel A. Ol, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Faculty of Law, North-West Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: opspb@mail.ru

Поступила в редакцию: 11.11.2022

Принята к публикации: 06.12.2022

Опубликована: 30.12.2022

Received: 11 November 2022

Accepted: 06 December 2022

Published: 30 December 2022

«Введение к уложению государственных законов» М. М. Сперанского – попытка внедрения октроированного конституционализма в Российской империи

Р. Д. Артамонов, М. А. Охотникова, Н. Г. Дашкевич

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрены труды М. М. Сперанского, а также отношение представителей политической элиты касательно разработки несостоявшейся «конституции».

Проанализирован вопрос правовой ценности и конституционных начал, предложенных реформ М. М. Сперанского. Выявлено противоречивое отношение современников к конституционным реформам в Российской империи.

По итогам исследования делается вывод о ценностной сущности воззрений Сперанского и совершенных им преобразованиях в различных областях государственного управления.

Ключевые слова: уложение государственных законов, разделение властей, правовая система.

Для цитирования: Артамонов Р. Д., Охотникова М. А., Дашкевич Н. Г. «Введение к уложению государственных законов» М. М. Сперанского – попытка внедрения октроированного конституционализма в Российской империи // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 35–46. DOI 10.35231/18136230_2022_4_35

“Introduction to the Code of State Laws” by M. M. Speransky – an attempt to introduce octroed Constitutionalism in the Russian Empire

Roman D. Artamonov, Marina A. Okhotnikova, Nikita G. Dashkevich

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article considers the works of M. M. Speransky and the attitude of representatives of the political elite regarding the development of the failed “constitution”.

The issue of legal value and constitutional principles, the proposed reforms by M. M. Speransky. The contradictory attitude of contemporaries to the constitutional reforms in the Russian Empire is revealed.

Based on the results of the study, a conclusion is made about the value essence of Speransky’s views and the transformations he made in various areas of public administration.

Key words: code of state laws, separation of powers, legal system.

For citation: Artamonov, R.D., Okhotnikova, M. A. Dashkevich, N. G. (2022). “Vedeniye k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov» M. M. Speranskogo – popytka vnedreniya oktroirovannogo konstitutsionalizma v Rossiyskoy imperii [Introduction to the Code of State Laws” by M. M. Speransky – an attempt to introduce octroed Constitutionalism in the Russian Empire]. Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal. No 4 (70). Pp. 35–46. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_4_35

Введение

Рассмотрение развития и становления конституционной мысли в России невозможно без детального изучения деятельности и новаторских идей известного государственного деятеля своей эпохи – Михаила Михайловича Сперанского, вклад которого для правовой системы Российской империи трудно переоценить. В действительности же, по мнению специалистов, в период времени с 1808 г. до ссылки, т. е. до начала 1812 г., он был именно ближайшим секретарем самодержца, его доверенным лицом, причастным ко всем событиям этого периода [6, с. 40].

М. М. Сперанский был выдающимся и прозорливым политическим и государственным деятелем России, реформы которого благожелательно сказались на развитии государственности. Его идеи и мысли были новаторски и в некоторой степени «революционны» для своей эпохи, реализация их стала возможно благодаря удачному стечению некоторых обстоятельств: общемировая обстановка в сфере становления прав и свобод и развития демократии (принятие Конституции США, Великая французская революция, Кодекс Наполеона и т.д.); воцарение Александра Первого¹, деятельность Негласного комитета, состоявшего из молодых приятелей императора, и конечно же, талант и гений М. М. Сперанского. Все это стало «триггером» либеральной² повестки в России начала XIX в.

Ряд исследователей выводят следующий принцип деятельности Михаила Михайловича в тот период времени: «правил император, управлял Сперанский» [7, с. 40]. Однако, по мнению Н.Г. Чернышевского, Сперанский – это мечтатель, который не осознавал нехватку имеющихся у него средств для проведения задуманных изменений³.

Несмотря на свое неблаговидное происхождение, Сперанский был человеком грамотным и образованным, а также понимал, что для грамотного функционирования государства необходимо усовершенствовать механизм правового регулирования общественных отношений посредством создания определенной системы права.

Замысел Введения к уложению государственных законов

Сложно переоценить масштаб преобразований, который созрел у Сперанского, однако в ходе работы будет затронут

¹ «Дней Александровых прекрасное начало...»

² От слова «libero» – «свобода».

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950. С. 807.

только один из многих аспектов деятельности реформатора – его проект «Введение к уложению государственных законов» (далее – «Введение к уложению»). Примечательна цитата г-на Мищерского касательно деятельности М. М. Сперанского:

«... Въ головѣ Сперанскаго созрѣлъ общій планъ преобразованія всего государства. Въ октябрь 1809 года этотъ планъ лежалъ уже готовымъ на столѣ Государя. Увлеченіе секретаря доходило до того, что онъ назначалъ даже срокъ (1811 годъ), когда Россія, благодаря, новымъ уставамъ, совершенно преобразится, «приметь новое бытіе»...» [8, с. 26].

На наш взгляд, этот труд заслуживает отдельного внимания: прежде всего важно понять сущностную составляющую Введения к уложению, поскольку М. М. Сперанский, руководствуясь познаниями в области государства и права, затрагивает важные основы «фундамента» государства, примеряя их к возможности внедрения в рамках Российской империи.

Некоторые авторы заявляют об идеях октроированного конституционализма, заложенных в реформах, которые были проведены Сперанским¹. Сам же М. М. Сперанский писал: «Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы»².

Таким образом, автор заявляет об аксиологической сущности конституции – не впадать в политические крайности (как это было по итогам Великой французской революции, когда был смещен монарх), а обеспечить симбиоз власти и народа, и конституция должна была выступить в качестве опорной точки этого взаимодействия. Затрагивая аспект октроированности несостоявшейся «конституции», стоит учесть, что Сперанский действовал с подачи и дозволения императора Александра Первого, который, как думается, был сторонником указанных выше идей в первую пору своей власти. По мнению исследователей, не только М.М. Сперанский, но и император Александр I считали: ««истинная монархия» должна быть и может быть только конституционной, ограниченной»³.

¹ Пустовалов А. Р. Развитие идей конституционализма в русской политико-правовой мысли XIX – начала XX веков: автореф. ... канд. юрид. наук. 2006. С. 8.

² Сперанский М. М. Избранное / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 81.

³ Боброва Г. С. Становление российского конституционализма: дис. ... канд. юрид. наук. 2016. С. 31.

Хотя целесообразно также поставить вопрос о «лжеконституционности» рассматриваемого акта. В частности, Н. П. Ерощкин обозначил следующее:

«этими внешними лжеконституционными формами, прикрывавшими самодержавие, по мнению Сперанского, являлись: элементарная законность, выборность и ответственность чиновников, новые буржуазные начала организации суда и государственного контроля, разделение властей и т. п.» [2, с. 101].

При этом некоторые исследователи акцентируют внимание на том, что Сперанский в рамках «Введения...» заостряет внимание не только на политическом переустройстве Российской империи, но и на таком институте социальной жизни, как крепостное право. Он выступает как сторонник ограничения с последующей отменой крепостного права («рабства», как выразился М. М. Сперанский) [5, с. 55].

Конечно, у замыслов Сперанского по политическому преобразованию страны были не только сторонники, но и противники. В частности, как известно критике его деятельность (в целом¹) подвергал знаменитый русский историк Н. М. Карамзин, который даже написал «Записку о древней и новой России». По его мнению, «ключевая ошибка «законодателей сего царствования» состоит в том, что они делают упор на формы государственного устройства, а не на людей» [4, с. 98]. Также Карамзин обвинил Сперанского в плагиате «Наполеонова Кодекса».

С. Ф. Платонов отмечал, что Н. М. Карамзин упрекал М. М. Сперанского в излишней поспешности: «М. М. Сперанский торопился, впрочем как и сам император, с общей реформой в духе произвольного заимствования со стороны, от той самой Франции, которую все русское общество считало тогда очагом политических и социальных опасностей»². В последующем М. М. Сперанский будет отбиваться от критики, указывая на то, что:

«... искали доказать, что Уложение, мною внесенное, есть перевод с французского или близкое подражание. Ложь или незнание, кои изболचितь ... не трудно ... В источнике своем, т. е. в римском праве, все уложения всегда будут сходны, но с здравым смыслом, с знанием сих источников и коренного их языка можно почерпать прямо из них, не подражая никому и не учась ни в немецких, ни во французских университетах...» [7, с. 57].

¹ Критиковалось не только «Введение», но и различные идеи Михаила Михайловича касательно финансовых и юридических реформ в государстве.

² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории / вступит. ст. А. Н. Фукса. М.: Высш. шк., 1993. С. 655.

Как известно, вследствие подковерных интриг планы Сперанского по реформированию России закончились его падением и ссылкой в марте 1812 г.

Характеристика Введения к уложению

При написании «Введения...» М. М. Сперанский поэтапно и с предельной точностью, какая была возможна в XIX в., объясняет логику и ход своих мыслей, раскрывая те или иные понятия и указывая на их целевое назначение. Так, автор прежде чем определить план уложения предлагает остановиться на понимании закона как такового, а также на его классификациях. По мнению М.М. Сперанского, «общим предметом всех законов – это учредить отношения людей к общей безопасности лиц и имущества»¹.

В формате разграничений законов М. М. Сперанский отводит место части государственных законов, к законам, определяющим отношения человека к государству, и законов гражданских, которые определяют отношения негосударственных лиц между собой. Иными словами, можно сказать, что по своей сути Сперанский говорит о частном и публичном праве, о которых было известно со времен Древнего Рима.

Продолжая свое исследовательское повествование, Сперанский останавливается на историческом пути развития общества: «Три великие системы издревле разделяли политический мир: система республик, система феодальная и система деспотическая»². Конечно, с позиций сегодняшнего дня можно утверждать, что автор смешивает формы политического режима, общественно-экономических формаций, а также формы правления. Однако следует иметь в виду, что М.М. Сперанский лишь пытался показать разность общественно-политических укладов, которые были и есть в мире, подкрепляя их примерами из истории.

Разделение властей

Идея разделения властей, безусловно, была актуальна для государств того времени, и мысли Д. Локка и Ш. Монтескье были весьма интересны. Интерес возник и у М. М. Сперанского, в архиве которого был найден немецкий перевод шведской конституции 1809 г. и сам же: «план преобразований 1809 г. обнаруживает следы пристального изучения трудов Монтескье» [1, с. 42].

¹ Сперанский М. М. Избранное / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. (Юристы, изменившие право, государство и общество.) С. 74.

² Там же. С. 82.

М. М. Сперанский видя значительные недостатки существовавшей действительности: «неразвитость правового начала власти, стремление Михаила Михайловича к утверждению «престола не на сне народа и очаровании предрассудков, но на твердых столпах закона и всеобщего порядка»»¹.

М. М. Сперанский выдвигает два варианта развития событий: либо власть монарха ограничивается лишь по форме, но не по сути, либо и по форме, и по сути. Исходя из этих двух парадигм, он выстраивает две отличные друг от друга системы разделения и взаимодействия властей. По мнению Сперанского: «Сравнивая сии две системы между собою, нет сомнения, что первая из них имеет только вид закона, а другая – самое существо его; первая под предлогом единства державной власти вводит совершенное самовластие, а другая ищет в самом деле ограничить его и умерить»². По мнению специалистов, М. М. Сперанский самым решительным образом выступал за вторую систему³. Однако Н. М. Дружинин полагал, что: «в 1810–1820 годах российское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивавшую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя» [3, с. 457].

М. М. Сперанский во «Введении...» говорит о необходимости разделения властей, поводя этот институт под реалии общественно-политической жизни российского государства. Таким образом, примечательно, что он производит разделение власти «на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную («судную»»). Именно эти три силы, по его мнению, движут и управляют государством»⁴. Сперанский указывает: «система учреждений, построенная в соответствии с вышеуказанным принципом, обеспечит соблюдение законности»⁵. По мнению исследователей: «эта децентрализация законодательства, суда и администрации должна была дать самой центральной власти возможность направлять с должным вниманием важные государственные дела, которые сосредотачивались бы в органах и которые не были заслоняемы массой текущих мелких дел местного значения» [9, с. 28].

Однако стоит сказать, что в рамках рассмотрения «Введения...» может возникнуть мысль о выделении М. М. Сперанским

¹ Чибикеев С. М. Политические идеи и проекты М. М. Сперанского в контексте истории российских реформ: автореф. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 5.

² Сперанский М. М. Избранное / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 90.

³ Якушкин В. Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905. С. 24.

⁴ Сперанский М. М. Избранное / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 76.

⁵ Сперанский С. И. Учение М. М. Сперанского о праве и государстве: автореф. ... к.ю.н. С. 12.

четвертой ветви власти, в частности «державной», поскольку он постоянно на ней акцентирует внимание и даже разбирает: «О действии державной власти в порядке законодательном», «О действии державной власти в порядке исполнительном», «О действии державной власти в порядке судебном». При этом рассмотрение с позиций возникновения четвертой власти не совсем справедливо поскольку, Сперанский заявляет о том, что державная власть просто находит свое выражение в трех указанных выше отношениях. Если проводить своего рода аналогию с современной Конституцией, то «державная власть» суть «государственная» (ст. 10 Конституции РФ).

Применительно к представителям законодательной власти М. М. Сперанский говорит о том, что они будут из законодательного сословия, что только оно правомочно составлять законы. Для законодательной власти автор предусмотрел многоуровневую систему посредством многоступенчатости «выборов»: предполагалось, что волостная дума будет состоять из владельцев недвижимой собственности. Волостная дума, в свою очередь, избирала участников окружной думы, окружного совета и губернской думы, которые бы проводили выборы в Государственную думу, подвластную императору.

Между государем и Государственной думой стоит только Государственный совет, имеющий законосовещательные полномочия и назначаемый государем [10, с. 27]. Предполагалось, что во взаимоотношениях «народ-император» промежуточными «ступеньками» станут Государственная дума с законодательными полномочиями и Государственный совет с законосовещательными функциями. Если Государственная дума будет выполнять миссию представительства «собственников недвижимого имущества», то Государственный совет формировался из дворянского сословия.

Таким образом, выходило, что Государственная дума была ближе к народу по своему существу, и при ее помощи должна была быть налажена «связь» между народом и государем. В то же время Государственный совет представлял интересы дворянства, с которыми царь мог советоваться по тем или иным государственным вопросам. Отметим также, что как в Государственной думе, так и в Государственном совете предполагалось создать различные комиссии и департаменты для эффективности своей деятельности и взаимодействия с исполнительной властью. К вопросу об исполнительной власти, подчеркнём, что важен не только сам закон, но и его грамотная реализация –

в этом и состоит сущность исполнительной власти. Существует мнение, что суть «Введения к уложению» как раз-таки и заключается в том, чтобы законным путем утвердить власть правительства, и тем самым дать власти больше «истинной силы» [10, с. 17].

Однако отметим, что деление не отменяет единства деятельности исполнительной власти и ее ответственности. Важно грамотное взаимодействие бюрократических органов внутри нее. М. М. Сперанский акцентирует внимание на возможности органов исполнительной власти издавать свои подзаконные акты как исполнение закона. В частности, разработан механизма реализации закона:

- 1) уставы и учреждения;
- 2) обнародование;
- 3) действие обнародования;
- 4) пределы действия закона – давность и отмена.

Касательно судебной ветви власти Сперанский говорит следующее: «Власть судная в источнике своем не что другое есть, как власть исполнительная»¹. Иначе говоря, он указывает на корни, откуда происходит судебная власть, также он в своих размышлениях подчеркивает целесообразность того, чтобы спорящие выбирали себе судью (по аналогии с действующим российским законодательством – институт арбитражных управляющих). Однако все равно в рамках государства Сперанский выстраивает систему централизации судебной власти, венцом которой становится Сенат, члены которого назначаются императором пожизненно.

В рамках предлагаемой М. М. Сперанским модели правовой системы государства акцентировалось внимание на том, чтобы не допускать возможность прецедентов, когда из частных случаев вырастает правило, а наоборот, когда уже имеющееся правило регулирует частные случаи и разрешает споры. Безусловно, такой подход свидетельствует о стремлении к построению российской правовой системы по принципу верховенства нормативного закона над выраженными в прецедентах правоприменительными казусами.

Ключевой же новеллой «Введения...», вне всяких сомнений, являлась достаточно четко выраженная идея необходимости разделения властей, но не так, как данный принцип был воплощен в республиках, а предполагавшая встраивание его в рос-

¹ Сперанский М. М. Избранное / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 94.

сийскую политическую систему, где признается верховенство «державной» власти императора.

Заключение

Место и роль М. М. Сперанского в истории преобразований отечественной государственности и формировании государственной законодательной политики являются общепризнанными и имеют непреходящее значение. Государственно-правовые идеи Сперанского и совершенные им преобразования в различных областях государственного управления оказались значимыми не только для своего времени, но сохраняют актуальность и в настоящем¹.

Великая французская революция, даровав права и свободы человеку и гражданину, не оставила никого равнодушным к ней вплоть до государыни-императрицы, «матери Отечества» Екатерины Великой. Влияние либеральных мыслей проникло и в Российскую империю. И Сперанский, который смог уловить потребность общественной жизни в реформировании, попытался при помощи российского императора постепенно эту жизнь усовершенствовать. При этом его труд, несмотря на последующую опалу, не оказался напрасным: в 1810 г. создается Государственный совет, действовавший до конца существования Российской империи. Его труды оказали воздействие на мировоззрение будущих декабристов [7, с. 35], которые выступали против прежнего общественного строя страны с надежной на его демократизацию.

Список литературы

1. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. – М.: Наука, 1989. – 216 с.
2. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1968. – 368 с.
3. Дружинин Н. М. Просвещённый абсолютизм в России. – М.: Наука, 1964. – С. 457.
4. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 127 с.
5. Коршунова Н. В. «Либеральная диктатура» Александра I: реформы в России в первой четверти XIX в.: монография. – М., Народный учитель, 2002. – 128 с.
6. Нольде А. Э. М.М. Сперанский. Биография. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 304 с.

¹ Сперанский М. М. Юридические произведения / под ред. и с биографическим очерком В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. 480 с. (Серия «Русское юридическое наследие»). С. 76.

7. Луковская Д. И., Гречишкин С. С., Морозов В. И. Научная библиотека: Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). – М.: Электронный экземпляр, 2001. – 118 с.

8. Мишерский И.И. Граф Сперанский краткий очерк его жизни и государственной деятельности Издание Училищного Совета при Святейшем Синоде – СПб., 1911. – 47 с.

9. Южаков С. Сперанский. Его жизнь и деятельность. – СПб., 1891. – 88 с.

10. Якушкин В. Сперанский и Аракчеев. – СПб., 1905. – 62 с.

References

1. *Velikij russkij reformator: Zhizn`, deyatel`nost`, politicheskie vzglyady`* M. M. Speranskogo [The great Russian reformer: Life, activity, political views of M. M. Speransky]. Moskva: Nauka, 1989. (In Russian).

2. Eroshkin, N. P. (1968) *Istoriya gosudarstvenny`x uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii* [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moskva: Vy`sshaya shkola. (In Russian).

3. Druzhinin, N. M. (1964) *Prosveshhyonny`j absolyutizm v Rossii* [Enlightened absolutism in Russia]. Moskva: Nauka. P. 457. (In Russian).

4. Karamzin, H. M. (1991) *Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyax* [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations]. Moskva: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury`. (In Russian).

5. Korshunova, N.V. (2002) «*Liberal`naya diktatura*» Aleksandra I: reformy` v Rossii v pervoj chetverti XIX v.: Monografiya ["Liberal dictatorship" of Alexander I: reforms in Russia in the first quarter of the XIX century: Monograph]. Moskva. (In Russian).

6. Nol`de, A. E`. (2004) *M. M. Speranskij. Biografiya* [M. M. Speransky. Biography]. Moskva: Moskovskaya shkola politicheskix issledovanij. (In Russian).

7. Lukovskaya, D. I., Grechishkin, S. S., Morozov, V. I. (2001) *Nauchnaya biblioteka: Mixail Mixajlovich Speranskij (materialy` k biografii)* [Scientific Library: Mikhail Mikhailovich Speransky (materials for biography)]. Moskva: e`lektronny`j e`kzemplyar. (In Russian).

8. Mishherskij, I.I. (1911) *Graf Speranskij kratkij ocherk ego zhizni i gosudarstvennoj deyatel`nosti* [Count Speransky a brief sketch of his life and state activity] / Izdanie Uchilishhnogo Soveta pri Svyatejshem Sinode S.-PETERBURG`. (In Russian).

9. Yuzhakov, S. (1891) *Speranskij. Ego zhizn` i deyatel`nost`* [Speransky. His life and work]. Sankt-Peterburg. (In Russian).

10. Yakushkin, V. (1905) *Speranskij i Arakcheev* [Speransky and Arakcheev]. Sankt-Peterburg. (In Russian).

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Артамонов Роман Дмитриевич, ассистент кафедры государственного права, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: romario20@bk.ru

Охотникова Марина Алексеевна, ассистент кафедры государственного права, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: marina.okhotnikova16@yandex.ru

Дашкевич Никита Германович, магистрант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: dashkevich0801@gmail.com

About the authors

Roman D. Artamonov, Assistant of the Department of State Law, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: romario20@bk.ru

Marina A. Okhotnikova, Assistant of the Department of State Law, Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: marina.okhotnikova16@yandex.ru

Nikita G. Dashkevich, graduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: dashkevich0801@gmail.com

Поступила в редакцию: 21.11.2022

Принята к публикации: 06.12.2022

Опубликована: 30.12.2022

Received: 21 November 2022

Accepted: 06 December 2022

Published: 30 December 2022

Конституционные вопросы реализации гражданами права собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование

В. В. Мамонов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования закреплено в ст. 31 Конституции Российской Федерации. Организация и участие в публичных мероприятиях важны для выражения гражданами своих политических предпочтений, обеспечения иных конституционных прав и свобод человека.

Право на публичные мероприятия анализируется в системе конституционных прав и свобод. Выделяются обязательные признаки любого публичного мероприятия. Обосновывается возможность рассмотрения права граждан, закрепленного в ст. 31 Конституции Российской Федерации, в широком и узком смысле. Затрагиваются вопросы правового регулирования новых способов проведения коллективных акций, не указанных в законодательстве в настоящее время.

Определяются дополнительные гарантии для реализации гражданами конституционного права собираться мирно, без оружия, проводить митинги и демонстрации, шествия и пикетирование.

Ключевые слова: политические права, собрание, митинг, шествие, демонстрация, пикетирование.

Для цитирования: Мамонов В. В. Конституционные вопросы реализации гражданами права собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 47–57. DOI 10.35231/18136230_2022_4_47

Constitutional issues of citizens' exercise of the right to assemble peacefully, without weapons, to hold meetings, rallies and demonstrations, rallies and picketing

Vadim V. Mamonov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The right to assemble peacefully, without weapons, to hold meetings, rallies and demonstrations, marches and picketing is enshrined in Article 31 of the Constitution of the Russian Federation. Organizing and participating in public events is important for citizens to express their political preferences and ensure other constitutional human rights and freedoms.

The right to public events is analyzed in the system of constitutional rights and freedoms. Mandatory signs of any public event are highlighted. The possibility of considering the rights of citizens enshrined in Article 31 of the Constitution of the Russian Federation in a broad and narrow sense is substantiated. The issues of legal regulation of new ways of conducting collective actions, which are not currently specified in the legislation, are touched upon.

The author defines additional guarantees for the realization by citizens of the constitutional right to assemble peacefully, without weapons, to hold rallies and demonstrations, marches and picketing.

Key words: political rights, assembly, rally, march, demonstration, picketing.

For citation: Mamonov, V. V. (2022). Konstitutsionnyye voprosy realizatsii grazhdanami prava sobirat'sya mirno, bez oruzhiya, provodit' sobraniya, mitingi i demonratsii, shestviya i piketirovaniye [Constitutional issues of citizens' exercise of the right to assemble peacefully, without weapons, to hold meetings, rallies and demonstrations, rallies and picketing]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No 4 (70), Pp. 47–57. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_4_47

Введение

Событием, ставшим первым случаем массового мирного собрания граждан, выражавших свое отношение к действительности и выдвигавших политические требования к власти, стало шествие жителей Санкт-Петербурга к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. с целью вручить императору Николаю II коллективную петицию. Оно вошло в историю под названием «Кровавое воскресенье». Его итогом стали человеческие жертвы и углубление политического кризиса, которые сделали очевидным востребованность в обществе политических реформ.

Случившееся 9 января 1905 г. позволяет сделать следующие выводы: во-первых, организаторы публичных массовых политических мероприятий должны осознавать последствия присутствия неконтролируемого количества людей на ограниченном пространстве и обеспечить информирование власти о готовящихся акциях. Во-вторых, власть обязана адекватно, избегая применения неоправданного насилия, реагировать на действия собравшихся мирно людей. В случае перерастания ее действий по поддержанию порядка в произвол, политический режим может войти в историю с негативными характеристиками, несмотря на достигнутые успехи в экономике государства. В-третьих, проведение массового публичного политического мероприятия свидетельствует о том, что имеющиеся проблемы не были решены ранее, поэтому власти необходимо своевременно реагировать на имеющиеся в обществе запросы и минимизировать противоречия между разными группами населения. В этом случае потребность в протестных акциях будет снижаться.

Советские конституции гарантировали гражданам свободу собраний, митингов, шествий и демонстраций, однако в Конституциях СССР 1936 (ст. 125) и 1977 (ст. 50) годов говорилось, что данное право предоставляется для интересов народа и имеет своей целью укрепление и развитие социалистического строя. Публичные мероприятия не могли носить протестный характер. В противном случае они пресекались. Так, например, произошло с демонстрацией, состоявшейся в августе 1968 г. на Красной площади в Москве, в ходе которой выражалось несогласие с вводом войск СССР в Чехословакию.

Статья 1 Конституции РФ провозглашает Россию демократическим государством. Одним из принципов такого государства является возможность граждан публично выражать свое мнение [1, с. 3]. Статья 31 Конституции Российской Федерации гла-

сит: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Это право занимает значимое место среди конституционных прав и свобод граждан России [2, с. 12].

Соотношение права граждан собираться мирно и права граждан проводить собрания

Главными обязательными признаками любого публичного мероприятия являются: а) мирный характер его проведения; б) отсутствие оружия у участников [3, с. 17]. Это предполагает: 1) добровольное, без психического или физического принуждения, участие в нем; 2) невысказывание призывов к экстремистской или террористической деятельности, а также ее оправдание или поддержка; 3) несовершение актов насилия как участниками акции, так и по отношению к ним. Как правило, реализация права, закрепленного в ст. 31 Конституции Российской Федерации, носит коллективный характер. Однако есть и исключения, например одиночные пикеты.

Рассматриваемое право принято относить к политическим правам, которые по своей природе призваны обеспечить вовлеченность граждан в управление государством, гарантировать народовластие [4, с. 52]. Однако совместные мероприятия могут быть закрытыми, для участия в которых заранее определен круг участников, либо вовсе не связанными с политическими вопросами. Существование современного человека невозможно представить вне коллектива. Встречи с родственниками, единомышленниками, коллегами, совместное переживание радостных или трагических событий выступает неотъемлемым элементом достойной жизни и свободного развития человека. Все эти действия предполагают собрание людей.

Рассматриваемое конституционное право граждан следует понимать в широком и узком смысле. В первом случае речь идет об их праве собираться вообще, вне зависимости от каких-либо причин и поставленных целей. Такие собрания могут проводиться при реализации иных прав. Собрание можно классифицировать:

1) как непосредственную форму участия населения в осуществлении местного самоуправления. Возникающие здесь общественные отношения регулируются Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;

2) форму осуществления общественного контроля. Ее правовой статус и процедуру проведения устанавливает Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»;

3) встречу депутатов Государственной думы Российской Федерации со своими избирателями. В ч. 6 ст. 8 Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» определяется порядок проведения встреч депутатов Государственной думы и избирателей в целях информирования о деятельности народных представителей;

4) реализацию свободы исповедования религии. В ч. 2 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» определяются места, в которых беспрепятственно совершаются богослужения, другие религиозные обряды и церемонии;

5) реализацию права на труд. Например, ст. 399 ТК РФ предусматривает собрание работников для выдвижения своих требований.

Начавшееся как реализация одного субъективного права гражданина, например участие в культурной жизни (концерт), мероприятие может перейти в политическое событие (митинг-концерт).

В узком смысле рассматриваемое право предполагает участие граждан в акциях, носящих политический характер, посредством которых они хотят обратить внимание общества и власти на существующие проблемы или публично показать свое отношение к событиям, явлениям, деятельности партий либо конкретных должностных лиц.

Формы публичных мероприятий

Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [5, с. 64] устанавливаются формы публичных мероприятий:

1) *собрание*. Разновидностью собрания является флешмоб, означающий заранее спланированную массовую акцию, в которой большая группа людей появляется в общественном месте, выполняет заранее оговоренные действия, а после этого расходится. Сбор лиц, которые участвуют в акции, называемой «флешмоб», осуществляется, как правило, при помощи Интернета;

2) *митинг*. В отличие от собрания, митинг проводится, как правило, вне помещения, а выступающие на нем ораторы могут

выражать коллективное мнение, например общественного объединения. В последнее время получило распространение проведение наномитингов, т. е. акций, на которых вместо людей участвуют игрушки. Такие акции вряд ли следует рассматривать как форму публичного мероприятия, поскольку правом на публичные мероприятия могут обладать лишь граждане;

3) *демонстрация*. В качестве разновидности демонстрации можно рассматривать монстрацию, участники которой используют лозунги и транспаранты, смысл которых очевиден лишь группе лиц, участвующих в проведении акции;

4) *шествие*. От шествия необходимо отличать совместную прогулку граждан. Шествие предполагает наличие идентификационных признаков его участников, например особенности одежды, специальные костюмы, повязки. Коллективная прогулка наличия общих идентификационных признаков у ее участников не предполагает;

5) *пикетирование*. Следует различать индивидуальный и коллективный пикеты. Разновидностью коллективного пикетирования можно считать цепочки, образуемые гражданами, как правило, вдоль дорог, проводимые в том числе без использования средств наглядной агитации.

Уникальным публичным мероприятием, требующим правового регулирования, является *забастовка*. В ч. 4 ст. 37 Конституции Российской Федерации забастовка признана в качестве способа разрешения трудового спора. Но забастовка может иметь и политический характер или, начавшись как способ разрешения конфликта с работодателем, перейти к политическим требованиям.

Появляющиеся новые способы проведения коллективных акций по своей сути являются лишь видами или сочетанием уже получивших правовое регулирование форм публичных мероприятий, поэтому вряд ли стоит в законодательстве определять новые формы коллективного выражения гражданами своих мнений.

Суд своим решением по конкретному гражданскому, административному или уголовному делу может признать публичным мероприятием с единым замыслом и (или) общей организацией любое массовое одновременное пребывание и (или) передвижение граждан в общественных местах, если они направлены на выражение и формирование мнений, а также имеют своей целью выдвинуть требования по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни общества

и внешней политики государства. Такое понимание публичного мероприятия дает возможность расширительной его интерпретации. К нему, например, может быть отнесена встреча поклонниками спортсменов в аэропорту, прощание с умершим уважаемым человеком. Для применения указанной нормы важны правовые позиции, сформированные Конституционным судом Российской Федерации. Для реализации рассматриваемой нормы имеют значение и разъяснения Верховного суда Российской Федерации.

Цифровые технологии не только меняют привычные представления о формах публичных мероприятий, но и позволяют проводить их онлайн. Это стало особо востребованным в период ограничений, вызванных распространением коронавирусной инфекции. Впервые дистанционный митинг с использованием сети Интернет прошел в Ростове-на-Дону 20 апреля 2020 г. В этом же году в онлайн-формате состоялась всенародная акция «Бессмертный полк». В федеральном законодательстве о публичных мероприятиях необходимо определить возможность ограничения доступа участников публичного мероприятия к Интернету, а также его блокирование в местах проведения массовых акций. Соответствующее решение должен принимать только суд.

Проведение публичного мероприятия

Суверенитет государства не означает запрет для граждан собираться, поскольку государство не обладает эксклюзивным правом на проведение публичных мероприятий [6, с. 18].

Субъектами проведения публичного мероприятия являются, например:

а) *участники публичного мероприятия*. Согласно ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», к ним относятся граждане, члены политических партий, члены и участники других общественных объединений и религиозных объединений, добровольно участвующие в нем. Из текста рассматриваемой нормы неясно, о гражданах какого государства идет речь. Можно лишь предположить, что о гражданах России. Вероятно, законодательно правильно было бы закрепить расширительное толкование ст. 31 Конституции Российской Федерации в части субъектов, обладающих закрепленным в ней правом. Следовало бы признать рассматриваемое право как за иностранными гражданами, так и за лицами, не имеющими гражданства, на законных

основаниях находящихся на территории России. Каждый человек должен иметь возможность принимать участие в публичных акциях, если они носят мирный характер. Через такое мероприятие беженец может, например, проявлять солидарность со своими соотечественниками, проживающими за пределами нашей страны;

б) журналисты. Статус, права и обязанности журналистов во время публичного мероприятия определяет ст. 6 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», имеющая название «Участники публичного мероприятия». Очевидно, что журналисты не участвуют, а присутствуют на публичном мероприятии и выполняют свои профессиональные обязанности, связанные с обеспечением права граждан, не участвующих в публичном мероприятии, на информацию. Вопросы их деятельности должны быть урегулированы в специальной статье названного федерального закона.

в) наблюдатели. В законодательстве отсутствует упоминание о них как субъектах проведения публичных мероприятий. У данной категории лиц самостоятельная задача на таких акциях – фиксировать возможные нарушения законодательства субъектами проведения публичного мероприятия. Наблюдателями могут быть члены Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, федеральные и региональные уполномоченные по правам человека и уполномоченные по правам ребенка, члены общественных палат.

Для привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении прав граждан Российской Федерации при проведении публичного мероприятия, важна возможность идентификации как участников публичного мероприятия, так и лиц, обеспечивающих общественный порядок и безопасность граждан. Для этого у сотрудников полиции, военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации в случае работы на публичных мероприятиях должны быть специальные знаки, позволяющие идентифицировать этих лиц.

Выводы

Подводя итог исследованию, отметим, что реализация гражданами права участвовать в публичных мероприятиях в своей основе должна:

- иметь цивилизованный мирный диалог народа и власти, исключая силовое противостояние между ними [7, с. 10];

- основываться на терпимом отношении власти к возможности граждан оценивать ее деятельность негативно [8, с. 50];
- не допускать чрезмерное необоснованное вмешательство государства в публичное выражение гражданами своего мнения или отношения к событиям и фактам общественной жизни;
- стремиться к соблюдению баланса мер по обеспечению безопасности и возможности реализации конституционного права граждан на участие в публичном мероприятии;
- не провоцировать граждан, не участвующих в публичном мероприятии, на совершение действий, нарушающих законодательство;
- не способствовать нарушению правопорядка.

Обеспечение права граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование будет содействовать достижению гражданского мира и согласия, провозглашенному многонациональным народом России в преамбуле Конституции Российской Федерации в качестве принципа конституционного развития нашего Отечества.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 1. – С. 3–17.
2. Яковенко М. А. Право на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в системе конституционных прав и свобод // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 3. – С. 11–16.
3. Дмитриев Ю. А. Свобода манифестаций в СССР. – М., 1991. 132 с.
4. Дмитриев Ю. А. Политические права и свободы в механизме реализации народовластия в Российской Федерации (на примере отдельных законопроектных работ) // Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 52–62.
5. Нудненко Л. А. Правоприменительная практика Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в постановлениях Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека // Государство и право. – 2021. – № 1. – С. 63–71.
6. Астафичев П. А. Сочетание конституционно-правового и административно-правового регулирования собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. 2019. – № 3. – С. 10–19.
7. Кабышев В. Т. Психология власти в традиции русского конституционализма // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 2 (12). – С. 9–17.
8. Гавриленко В. И. Конституционно-правовые средства стимулирования становления и развития институтов гражданского общества в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 1. – С. 15–20.

Федерации // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей / ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – Вып. 11. – 232 с.

References

1. Avakian, S. A. (2012). *Democracy of protest relations: constitutional and legal dimension* [Democracy of protest relations: constitutional and legal dimension]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo – Constitutional and municipal law*. No. 1. Pp. 3–17. (In Russian).
2. Yakovenko, M. A. (2009). *The right to hold meetings, rallies, demonstrations, marches and picketing in the system of constitutional rights and freedoms* [The right to hold meetings, rallies, demonstrations, processions and picketing in the system of constitutional rights and freedoms]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo – Constitutional and municipal law*. No. 3. Pp. 11–16. (In Russian).
3. Dmitriev, Yu. A. (1991). *Freedom of demonstrations in the USSR* [Freedom of demonstrations in the USSR]. Moscow. (In Russian).
4. Dmitriev, Yu. A. (1994). Political rights and freedoms in the mechanism of the implementation of democracy in the Russian Federation (on the example of individual legislative works) [Political rights and freedoms in the mechanism of the realization of democracy in the Russian Federation (on the example of individual project works)]. *Pravovedeniye – Jurisprudence*. No. 2. Pp. 52–62. (In Russian).
5. Nudnenko, L. A. (2021). *Law enforcement practice of the Federal Law "On Assemblies, Rallies, demonstrations, Processions and picketing" in the resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights* [Law enforcement practice of the Federal Law "On assemblies, rallies, demonstrations, processions and picketing" in the resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights"]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. No. 1. Pp. 63–71. (In Russian).
6. Astafichev, P. A. (2019). *Combination of constitutional-legal and administrative-legal regulation of meetings, rallies and demonstrations, processions and picketing* [Combination of constitutional-legal and administrative-legal regulation of meetings, rallies and demonstrations, processions and picketing]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: pravo – Bulletin of the Voronezh State University. Series: law*. No. 3. Pp. 10–19. (In Russian).
7. Kabyshev, V. T. (2019). *Psychology of power in the tradition of Russian constitutionalism* [Psychology of power in the tradition of Russian constitutionalism]. *Гражданин. Выборы. Власть – Citizen. Elections. Power*. No. 2 (12). Pp. 9–17. (In Russian).
8. Gavrilenko, V. I. (2010). *Konstitucionno-pravovy'e sredstva stimulirovaniya stanovleniya i razvitiya institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii* [Constitutional and legal means of stimulating the formation and development of civil society institutions in the Russian Federation] // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей / ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права» Вып. 11. (In Russian).

Об авторе

Мамонов Вадим Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: mamonov1975@yandex.ru

About the author

Vadim V. Mamonov, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of State Law, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: mamonov1975@yandex.ru

Поступила в редакцию: 02.11.2022

Принята к публикации: 06.12.2022

Опубликована: 30.12.2022

Received: 02 November 2022

Accepted: 06 December 2022

Published: 30 December 2022

Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 4)*

Р. А. Ромашов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В настоящей статье продолжается рассмотрение дискретных конституционно-правовых систем, начатое в предыдущей публикации, завершая тематический цикл, в рамках которого был проведен сравнительный анализ конституционно-правовых систем современного мира.

Во вводной части анализируются особенности циклического политогенеза, характеризующего трансформации государственно-правовой системы Германии в XX в., определяются принципы германского конституционализма в рассматриваемый хронологический период.

В содержательной части статьи освещается дискретная конституционно-правовая система, сложившаяся в ходе циклического политогенеза Германии XX в. Акцентируется внимание на особенностях германского конституционализма на этапе Германской империи (второго Рейха), Веймарской Республики, Германской империи 1933–1945 гг. (третьего Рейха), послевоенной системы «один народ – два государства» (ФРГ, ГДР), объединенной Федеративной Республики Германии.

В заключении подводятся итоги и делаются обобщающие выводы, главным из которых является утверждение о том, что дискретные конституционно-правовые системы, функционировавшие в рамках циклического политогенеза немецкого государства, представляли автономные образования, не связанные друг с другом постоянной государственной формой, однако сохраняющие общую для всех политико-правовых циклов историко-культурную традицию немецкого народа.

Ключевые слова: политогенез, дискретность, конституционная традиция, германский рейх, Веймарская Республика, рейхстаг, рейхсрат, нацистский режим, один народ – два государства, бундестаг, бундесрат, ФРГ, ГДР, конституционно-правовая система; конституционные ценности, конституционное правопреемство.

Для цитирования: Ромашов Р. А. Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 4) // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 58–73. DOI 10.35231/18136230_2022_4_58

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00794 А «Государственно-правовые системы современного мира»

© Ромашов Р. А., 2022

Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis (Article 4)

Roman A. Romashov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article continues to consider discrete constitutional legal systems, begun in the previous publication, and completes the thematic cycle, within the framework of which a comparative analysis of the constitutional legal systems of the modern world was carried out.

The introductory part discusses the features of cyclic political agencies characterizing the transformation of the state-legal system of Germany in the 20th century, determines the principles of German constitutionalism in the chronological period under consideration.

The substantial part of the article is devoted to the analysis of the discrete constitutional legal system, which has developed during the cyclic political generation of Germany of the 20th century. Attention is focused on the features of German constitutionalism at the stage of the German Empire (Second Reich), the Weimar Republic, German Empire 1933 – 1945 (Third Reich), the post-war system “One people – two states” (Germany, GDR), the united Federal Republic of Germany.

In conclusion, the results are summarized and generalizing conclusions are drawn, the main one is the assertion that discrete constitutional legal systems that functioned within the framework of the cyclic political generation of the German state represented autonomous formations that were not related to each other by a constant state form, but maintaining a common political for all for all -legal cycles The historical and cultural tradition of the German people.

Key words: political agency, discreteness, constitutional tradition, German Reich, Weimar Republic, Reichstag, Reichsrat, Nazi regime, one people-two states, Bundestag, Bundesrat, Germany, GDR, and the constitutional legal system, Constitutional values, constitutional succession.

For citation: Romashov, R. A. (2022). Konstitucionno-pravovy'e sistemy' sovremennogo mira. opyt' sravnitel'nogo analiza (stat'ya 4) [Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (70). Pp. 58–73. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_4_58

Введение

В предыдущей статье была отмечена аналоговая сопоставимость «исторических судеб» России и Германии, прошедших в XX в. сходные исторические этапы, общие в своей дискретной природе, предполагающей наличие «разрыва» государственно-правовой традиции в целом и конституционно-правовой традиции в частности.

В рамках циклического политогенеза немецкого государства представляется целесообразным выделение следующих «замкнутых на себя» исторических политико-правовых и социально-культурных циклов:

- Германская империя – «Второй рейх» (1871–1918 гг.);
- Веймарская республика (1918–1933 гг.);
- Германская империя – «Третий рейх» (1933–1945 гг.);
- «Один народ, два государства» – ФРГ, ГДР (1949–1990 гг.);
- Федеративная Республика Германия (1990 – по наст. время).

При этом в отличие от России, «получившей» свою первую писаную конституцию только в советской республике (1918), немецкая конституционная история охватывает практически все названные циклы, за исключением, Третьего рейха, правительство которого, формально не отменив действие Конституции Веймарской республики, фактически не рассматривало ее в качестве источника национального права, отдавая безусловный приоритет нацистскому законодательству, доктринальным базисом которого являлась книга А. Гитлера «Моя борьба (Mein Kampf)».

Еще одним отличительным фактором является свойственная германской нации устремленность к четкой формулировке целей, ценностей, принципов, посредством которых оценивается «новый» государственный порядок» (Staatsordnung) и оценивается «предшествующий».

Крах «Третьего рейха» повлек за собой процесс денацификации в отношении лиц, ранее служивших нацистскому государству и своей деятельностью обеспечивавших исполнение нацистского законодательства и судопроизводства. Включение в ФРГ «восточной Германии» повлекло процесс декоммунизации с аналогичными денацификации последователями для представителей коммунистического режима. При этом ни в том, ни в другом случае не предпринималось попыток выстроить единую линейную историю немецкого государства. В частности,

однозначно отрицательная оценка, прежде всего самими немцами, исторического опыта периода нацистского государства выразилась в фактическом исключении из официального политического лексикона слова «рейх», вследствие его смыслового отождествления с государственным устройством нацистской Германии, воспринимаемым в качестве «перевернутой страницы» в истории немецкого государства, исключающей какие бы то ни было положительные оценочные коннотации и тем более недопустимой к повторению. Вместе с тем не подвергалась и не подвергается сомнению суть немецкой исторической школы права, в соответствии с которой национальное право основывается не столько на формализованных установках облеченных в законы постановлений государственной бюрократии, сколько на «народном немецком духе» и единой культурно-исторической традиции [6, с. 168–177].

Анализ конституционно-правовых систем немецких государств XX в. позволяет выделять как отличительные, так и сходные черты, что в свою очередь предполагает возможность конструирования интегративной модели германского конституционализма в котором сочетаются дискретность государственной формы (формы правления, административно-территориального устройства, политического режима немецкого государства) и линейность исторической конституционно-правовой традиции («конституционного духа») немецкого народа.

Конституционно-правовая система Германии

Как и Россия, Германия вступила в XX в. в качестве империи. Однако в отличие от своего «восточного соседа», перешедшего к имперской форме правления путем механического переименования сложившегося в начале XVI в. централизованного русского государства – Московского царства Всея Руси в Российскую империю, с сугубо словесным изменением названия должности главы государства (Государя Всея Руси), для Германии, представлявшей в середине XIX в. «лоскутное одеяло» [9, с. 170–183], переход к имперской форме как правления, так и государственного устройства означал качественную трансформацию, связанную с созданием единого союзного государства – Германской империи [1, с. 42–45]. Происшедшие изменения были зафиксированы в Конституции Германии 1871 г. По сути своей этот правовой акт напоминает Конституцию СССР 1924 г., с той разницей, что объединялись в союзное государство не советские социалистические республики, а монархии: «Его Вели-

чество Король Прусский...Король Баварский...Король Вюртенбергский...великий герцог Баденский и др...заключаем вечный союз для защиты союзной территории и применяемого на ее протяжении права, а также для обеспечения благосостояния немецкого народа...Этот союз будет именоваться Германской Империей (Deutsches Reich) и будет иметь нижеследующую Конституцию»¹.

В соответствии с конституцией устанавливалась по сути федеративная административно-территориальная структура государственного устройства («союзная территория состоит из государств: Пруссии с Лауэнбургом, Баварии, Саксонии... Любека, Бремена и Гамбурга») (ст. 1). Таким образом, наряду с государствами-«землями», в состав империи входили государства-«города». Устанавливалось равное подданство (гражданство) для всех уроженцев (индегенатов). Подчеркивалось, что: «Все немцы могут притязать на одинаковую защиту со стороны Империи по отношению к иностранным государствам» (ст. 3).

Национальная законодательная система строилась по двухуровневому принципу, с признанием преимуществва имперских законов перед законами областными (ст. 2).

Конституция, пусть и в усеченной форме, закрепляла систему разделения властей, определяя в качестве органов государственной власти союзный совет (Bundesrat), состоящий из представителей государств, входящих в состав союза, имперское собрание (Reichstag), формируемое «посредством всеобщих и прямых выборов с тайной подачей голосов» (ст. 20) и представляющее объединенный в имперский союз немецкий народ, институт имперского президентства, «принадлежащий королю прусскому, который носит титул германского императора «Deutscher Kaiser» (ст. 4) [3, с. 15–18].

Следует отметить, что конституция содержала существенные ограничения императорской власти (систему сдержек). Так, к примеру, для объявления войны императору требовалось согласие союзного совета, за исключением случаев нападения на союзную территорию (ст. 4). Также согласие совета требовалось для заключения договоров с иностранными государствами, а их ратификация (вступление в законную силу) происходила только после одобрения депутатами рейхстага. Постановления и распоряжения императора, издаваемые от имени империи, для приобретения законной силы требовали «подписи импер-

¹ Конституция Германии 1871 г. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=686>

ского канцлера (председательствующего в союзном совете – прим. Р. Р.), принимающего на себя ответственность» (ст. 17).

Анализ структуры и содержания Конституции Германии 1871 г., позволяет говорить о конституционно-правовой системе Германской Империи как о конституционной монархии.

Стремление к «переделу мира», толкнуло Германскую империю к «развязыванию» Первой мировой войны, проигрыш в которой стал причиной системного кризиса имперской формы государства («второго рейха») и нарастания революционной активности народных масс. Однако в отличие от России, где революция «смела» имперскую власть и одновременно трансформировалась из буржуазной в пролетарскую (социалистическую), революционное движение, ставящее целью установление в Германии советской власти, было остановлено представителями умеренной германской социал-демократии, сумевшими обеспечить силовую поддержку правительства со стороны имеющих боевой опыт армейских подразделений и подавить мятеж, тем самым создав условия для формирования буржуазно-демократического политического режима Веймарской Республики.

Как было ранее отмечено, в современной германской конституционно-правовой традиции слово «рейх» не используется, поскольку ассоциируется с периодом нацистского государства. Вместе с тем в период Веймарской республики понятие «рейх», являлось общеупотребимым для обозначения союзного государства. Поэтому когда имперскую форму правления сменила республиканская, термин «рейх» продолжал использоваться для наименования немецкого государства, что получило свое отражение в названии Основного закона – Конституция Германского рейха¹.

Конституция Веймарской республики определяла в качестве источника конституционного права «германский народ, единый в своих племенах и вдохновленный намерением обновить и упрочить свой рейх в свободе и справедливости...». Смысловой анализ понимания термина «рейх» в сложившихся исторических условиях позволяет рассматривать его в значении федеративного союза субъектов – германских земель (ст. 2). Так же, как и в ранее действовавшей, в Конституции 1919 г. закреплялась двухуровневая система государственных органов представительной власти (рейхстаг, ландтаги) и национального законодательства. Определялось, что «государственная власть осуществляется

¹ Конституция Германского рейха 1919 г. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&i=ru&object=translation

по делам рейха органами рейха на основании конституции рейха, по делам земель – органами земель на основании конституций земель» (ст. 5).

По форме правления Германия периода Веймарской республики представляла собой парламентскую республику с достаточно четко выраженной системой разделения властей. В структуру федеральной власти включались представительные органы (рейхстаг, рейхсрат, рейхспрезидент), правительство, судебная система.

Рейхстаг представлял германский народ и избирался «всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов на началах пропорционального представительства, мужчинами и женщинами достигшими 20-летнего возраста» (ст. 22).

Рейхсрат представлял на федеральном уровне интересы субъектов союзного государства – земель. Каждая из земель должна была иметь как минимум одного представителя – члена правительства субъекта союзного государства (ст. 61, 63). Председательство в рейхсрате и его комиссиях осуществляли члены правительства рейха (ст. 65).

Рейхспрезидент избирался всем германским народом (ст. 41) из числа граждан, достигших 35-летнего возраста, сроком на 7 лет с возможностью переизбрания. Конституция закрепляла право импичмента (ст. 43), специально оговаривая, что «до истечения срока Рейхспрезидент может быть смещен народным голосованием по предложению рейхстага». Причем в том случае, если народ на референдуме не поддерживал решение рейхстага, то президент считался переизбранным, что в свою очередь влекло роспуск рейхстага.

Так же, как и в ранее действовавшей, в Конституции Веймарской республики закреплялся принцип контрсигнатуры, в соответствие с которым «все распоряжения и постановления Рейхспрезидента...действительны лишь после их подписания рейхсканцлером или соответствующим рейхсминистром».

Федеральное правительство, возглавляемое рейхсканцлером, несло ответственность перед рейхстагом (парламентом). В случае принятия постановления о лишении доверия, правительство в целом, либо отдельные министры должны были подать в отставку (ст. 54).

Конституция также закрепляла независимость судебной власти и устанавливала ее двухуровневую структуру, определяя, что «правосудие в общем порядке отправляется судом рейха и судами земель» (ст. 103).

Следует особо отметить выделение в Конституции в качестве самостоятельного раздела, касающегося закрепления личных и коллективных прав граждан.

К числу прав личности относились: формально-правовое, гендерное, социальное равенство (ст. 109); свобода передвижения и выбора места жительства (ст. 111), в том числе право эмигрировать за границу (ст. 112); личная свобода (ст. 114); неприкосновенность жилища (ст. 116) и тайна частной жизни (ст. 117); свобода мысли и слова (ст. 118).

Коллективные права были связаны с обеспечением государственной заботы о браке и семье (ст. 119); воспитанием подрастающего поколения (ст. 120–122); а также предоставлением возможности гражданам «собираться мирно и без оружия» (ст. 123), «образовывать союзы и общества» (ст. 124); принимать участие в свободных и тайных выборах (ст. 125).

Анализ содержания Конституции Веймарской республики свидетельствует о ее демократической природе, что безусловно положительно характеризует конституционно-правовую систему Германии рассматриваемого периода [8].

Однако одержанная в политической борьбе победа социал-демократических сил и демократическая по форме и содержанию Конституция Германского рейха 1919 г. не подкрепленные положительной динамикой в национальной экономике, продолжающей переживать затяжной кризис, вкупе с осознанием «национального унижения побежденных», усиленного дискриминационной внешней политикой со стороны стран-победителей [7, с. 155–167], обусловили нарастание протестных отношений как со стороны крайне левых (коммунистов), так и со стороны крайне правых (нацистов) сил. При этом неспособность «левых (красных)» к внутреннему единству и объединению с умеренными «розовыми» социал-демократическими политическими объединениями, равно как и отрицание возможности достижения компромисса с буржуазным правительством, привели к проигрышу коммунистов в законной (конкурентной) борьбе за государственную власть и приходу к власти нацистов во главе с А. Гитлером [2, с. 18–23.]

Как отмечалось ранее, нацистское правительство формально не отменило Конституцию 1919 г., однако фактически она утратила юридическую силу. Полнота государственной власти была сосредоточена в руках фашистской диктатуры во главе с А. Гитлером. Германия вновь развязала теперь уже Вторую мировую войну и вновь оказалась проигравшей. В результате оккупации

Германии странами антивоенной коалиции, которые из союзников очень быстро стали потенциальными врагами в рамках «холодной войны», была искусственно создана геополитическая конструкция: «один народ – два государства». В пределах зоны оккупации США, Великобритании, Франции была образована Федеративная Республика Германия (Западная Германия) со столицей в г. Бонне на Рейне. В зоне советской оккупации была создана Германская Демократическая Республика (Восточная Германия), со столицей в Берлине (Восточный Берлин).

В 1949 г. в этих государствах были приняты конституции.

Основной закон (Конституция) Федеративной Республики Германии был принят Парламентским советом 8 мая 1949 г.¹ В преамбуле отмечалось, что Конституция принимается «в целях придания нового порядка государственной жизни на переходный период», здесь же содержался «призыв довести до конца дело единства и свободы Германии». При этом в ст. 23, определяя особенности действия Основного закона на территориях земель, вошедших в ФРГ, подчеркивалось, что «в остальных частях Германии он вступит в силу после их присоединения». Таким образом, авторы Конституции давали понять, что вопрос объединения Германии является «делом времени» [4, с. 94].

Содержательную часть Конституции открывала глава «Основные права». При этом в первой статье было закреплено право на неприкосновенность достоинства, с одновременным обязательством государственной власти уважать и защищать его. В главе содержался широкий перечень прав и свобод человека и гражданина, с акцентированием внимания на их неприкосновенности, неотчуждаемости и непосредственном действии.

Сравнительный анализ содержания Конституции ФРГ 1949 г. с аналогичным документом 1919 г. свидетельствует о сходности моделей государственного устройства и государственной власти, с той лишь разницей, что наименование государства – рейх, было заменено на федерацию (бунд). Соответственно союзный совет – рейхстаг стал называться бундестаг, союзное собрание – рейхсрат – бундесрат, рейхспрезидент – бундеспрезидент. Парламенты субъектов федерации (земель), сохранили свои прежние наименования – ландтаги. В структуре судебной власти был создан Конституционный суд, к компетенции которого было отнесено досрочное прекращение полномочий федерального президента в порядке процедуры импичмента (ст. 61).

¹ Основной закон Федеративной Республики Германии 1949 г. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru

Основные же положения и принципы организации и функционирования конституционно-правовой системы германского союзного государства качественных изменений не претерпели. «Обновленная» Германия сохранила выработанную Конституцией 1919 г. форму государственного правления в виде парламентской республики.

В ГДР за период ее существования было принято две Конституции. Первая, как уже ранее отмечалось, в 1949 г., вторая – в 1968 г.

Конституция 1949 г. носила так называемый народно-демократический характер¹. Будучи разработанной под жестким давлением и контролем со стороны советского политического руководства, она тем не менее не стала «калькой» Основного закона СССР/РСФСР. Конституция ГДР, так же как и ФРГ, принималась «немецким народом», декларируя статус последнего в качестве социальной основы и источника государственной власти: «Вся государственная власть исходит от народа (ст. 3 Конституции ГДР, ст. 20 Основного закона ФРГ)».

В ГДР допускалась частная собственность, в том числе на землю и средства производства, однако вводились существенные ограничения в сфере допустимой капитализации частных владений. В частности, определялось, что: «Собственность гарантируется конституцией» (ст. 22), «Развитие частной инициативы крестьян, ремесленников, торговцев должно поддерживаться» (ст. 20). Вместе с тем внедрялся единый государственный хозяйственный план, что означало перевод национальной экономики с рыночных «рельсов» на командно-административные. В плане государственного устройства ГДР в большей степени соответствовала унитарной модели: «ГДР является неделимой демократической республикой» (ст. 1). Конституционной формой правления являлась советская республика. В качестве высшего органа государственной власти была определена Народная палата, состоящая из избираемых «депутатов немецкого народа» (ст. 51). Представительство интересов земель на общегосударственном уровне осуществляла палата земель, формируемая из депутатов избираемых ландтагами по принципу 1 депутат от 500 000 жителей земли.

В конституции специально не оговаривался вопрос о партийной системе, вместе с тем признание существования парламентских фракций позволяет сделать вывод о наличии

¹ Конституция Германской Демократической Республики 1949 г. URL: <https://constitutionallaw.ru/?p=947>

многопартийности, при безусловном приоритетном положении коммунистической партии.

Правительство формировалось с учетом фракционной структуры бундестага. Фракция парламентского большинства выдвигала премьер-министра, который формировал правительство по принципу пропорционального представительства. Все фракции насчитывающие не менее 40 членов, были представлены в правительстве пропорционально их численности министрами или статс-секретарями (ст. 92). Особо оговаривалось условие о том, что «Правительство и каждый из его членов, должны для осуществления своей деятельности пользоваться доверием Народной палаты» (ст. 94). В случае вынесения Народной палатой вотума недоверия, деятельность правительства прекращалась (ст. 95).

Конституция имела в своей структуре раздел, касающийся прав граждан, однако перечень этих прав был существенно уже, нежели в аналогичном документе ФРГ.

Конституция ГДР 1968 г¹. носила по сравнению с предшествующей гораздо более политизированный характер, в частности в преамбуле вместо обобщенной национальной категории «немецкий народ» использовалась политико-идеологическая конструкция «народ ГДР...продолжающий революционные традиции немецкого рабочего класса и опирающийся на факт освобождения от фашизма». В качестве цели конституционно-правового развития определялось «построение развитого социалистического общества». При этом в ст. 1 содержалось определение ГДР как «социалистического государства рабочих и крестьян...политической организации трудящихся города и деревни под руководством рабочего класса и его марксистско-ленинской партии». Таким образом, конституция по сути меняла сущность государственно-правовой системы с общенародной на классово-партийную.

Закреплялась социалистическая собственность на средства производства, управления и планирования общественным развитием (ст. 2). Декларировалась ликвидация эксплуатации человека человеком (ст. 3), что означало фактический отказ от капиталистической рыночной экономики и ее окончательную трансформацию в систему социалистического командно-административного хозяйства, основанного на декларативном принципе: «От каждого по возможности, каждому по труду» (ст. 3).

¹ Конституция Германской Демократической Республики 1968 г. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=787>

Закреплялась нерушимость и бесповоротность союза ГДР с СССР (ст. 6.2), с одновременным противопоставлением с «западным соседом»: «ГДР...искоренила на своей территории германский милитаризм и нацизм» (ст. 6.1). Нетрудно установить логическую связь между приведенной цитатой и политическими обвинениями в милитаризме и неонацизме, «щедро раздаваемыми» в то время по отношению к ФРГ.

Применительно к структурированию системы государственной власти, в Конституции прослеживаются явные признаки копирования советского опыта. В частности создание и функции государственного совета, сходно с практикой Верховного Совета СССР. Говорит само за себя и переименование правительства в совет министров, а премьер-министра в председателя совета министров, как это было в СССР.

Можно сделать вывод о том, что в процессе государственного развития ГДР ее конституционно-правовая система эволюционировала в направлении имплементации советского конституционно-правового опыта и юридической техники конституционного строительства, что в свою очередь предопределяло приведение национальной конституции в соответствие с теми требованиями, которые предъявлялись к советским конституциям и которые были впоследствии положены в основу политико-партийной Конституции СССР 1977 г.

Системный кризис социалистической конституционно-правовой системы обусловил неспособность СССР осуществлять «геополитическую конкуренцию» с коллективным Западом [10, с. 53–85], что послужило основанием завершения цикла: «один народ – два государства». В 1990 г. земли, ранее включенные в состав ГДР, вошли в административно-территориальную структуру ФРГ. Государство ГДР прекратило свое существование без оставления правопреемства.

Конституция ФРГ 1949 г. в обновленной редакции распространила свое действие на всю территорию объединенной Германии и на «весь немецкий народ»¹, что наглядно доказало прозорливость ее авторов и одновременно показало ошибочность возведенных в статус конституционных положений политических заявлений о неизбежности победы социализма как во всем мире, так и в отдельно взятой стране. Время как всегда выступило в качестве «беспристрастного арбитра» в непрекращающемся «суде истории».

¹ Основной закон Федеративной Республики Германии 1949 г. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf>

Выводы

Конституционно-правовые системы современного мира представляют собой комплексные типологические группы, в основу формирования которых положены следующие критерии: понимание конституции (конституция как неизменный «канонический» текст, конституция как неизменный текст в совокупности с актами официального толкования, конституция как совокупность текстов и принципов, конституция как изменяемый текст в совокупности с актами официального толкования); особенности конституционно-правового устройства государства и общества; непрерывность либо дискретность конституционно-правовой традиции.

В контексте метода циклического политогенеза целесообразно дифференцировать традиционные и дискретные конституционно-правовые системы.

К числу традиционных конституционно-правовых систем, следует относить национальные конституционно-правовые системы Великобритании, США, Франции. В основу конституционно-правовой традиции Великобритании и США положен принцип «живой конституции». Для Великобритании конституция – это субстанция «объединенного закона (Common Law)», не выраженного в писаном нормативном правовом акте, однако обладающего высшей юридической силой в системе традиционного британского права. «Живая конституция» США представлена неизменным конституционным текстом 1787 г. с вынесенными «за рамки» поправками и актуализирующими «текстуальную архаику» правовыми позициями судей Верховного суда. Говоря языком метафоры, американская конституция – это то, что о ней говорят американские судьи. Конституционно-правовая традиция Франция основана на последовательном циклическом политогенезе, в ходе которого меняются формы государства (французские республики), но остается неизменным французский «конституционный дух», первоосновой которого является Декларация прав и свобод человека и гражданина (1791 г.), отсылка к тексту которой содержится в тексте каждой вновь принимаемой национальной конституции¹.

К числу дискретных конституционно-правовых систем следует относить национальные конституционно-правовые системы России и Германии. Дискретность конституционно-правовой системы России заключается в «отказе» от исторического опыта

¹ Конституция Франции 1958 г. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mmm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf

как применительно к форме государства (Россия – империя, советская республика, президентская республика), так и к восприятию самой конституции, а также определению юридической техники ее принятия и изменения. Каждая последующая государственно-правовая трансформация России воспринимается как неподлежащая последующим изменениям «вечная» конструкция, с новой как в структурно-содержательном, так и в традиционном смысле конституцией. Дискретность конституционно-правовой системы Германии определяется разрывом традиции государственно-правового развития (нацистская Германия), либо «параллельным» развитием двух государственно-правовых систем (Восточная и Западная Германии), однако сохранением национального *германского* (курсив наш – *P.P.*) конституционно-правового духа, что в итоге повлекло восстановление союзной Германии, созданной в 1871 г. и неоднократно менявшей формы государственного устройства и правления, но оставлявшей неизменной суть единого союзного немецкого государства как единой нации немцев – немецкого народа.

Список литературы

1. Бухаева А. А., Жамбаев Е. С., Кереев А. А., Сагадиев А. Н. Объединение Германии и Германский конституционализм. Разработка и принятие Конституции Германии 1871 г. // Наука и реальность/Science & Reality. – 2020. – № 1. – С. 42–45.
2. Вернигора О. А. Приход нацистов к власти в Германии в 1933 г. // Научные стремления: молодежный сборник научных статей. – 2014. – № 10.
3. Дулич Л. М. Особенности конституционного развития Германии // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2018. – № 4 (41).
4. Иванчук Д. В. История разработки и принятия Основного закона (Конституции) ФРГ (1949) // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 7 (129).
5. Клисторин В. И. Исторические судьбы исторической школы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2014. – Т. 14. – Вып. 4.
6. Корчагина О. А., Лезина Е.П. Историческая школа права в учениях Ф. К. Савиньи и Г.Ф. Пухты // Контентус. – 2018. – № 4 (69).
7. Космач В. А. «Унижение в Версале»: итоги Первой мировой войны для Германии // Псковский военно-исторический вестник. – 2015. – №1.
8. Рузляев М. Ю. Историческое значение Веймарской конституции 1919 года для развития идей конституционализма // Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал. – 2018. – Т. 6. – № 2 (22).
9. Филимонов С. М. Рейнский союз и Германский союз: сравнительный анализ двух государственных систем // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных

отношений: сборник статей. Вып. 8. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2017.

10. Худолеев К. К. Эволюция идеи мировой революции в политике Советского Союза (подъем и распад мировой системы социализма) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2018. – № 1.

References

1. Buxaeva, A. A., Zhambaev, E. S., Kereev, A. A., Sagadiev, A. N. (2020). Ob`edinenie Germanii i Germanskij konstitucionalizm. Razrabotka i prinyatie Konstitucii Germanii 1871 g. [Unification of Germany and German constitutionalism. Development and adoption of the German Constitution of 1871]. *Nauka i real`nost`/Science & Reality*. No 1. Pp. 42–45. (In Russian).
2. Vernigora, O. A. (2014). Pridobytie vlasti v Germanii v 1933 g. [The rise of the Nazis to power in Germany in 1933]. *Molodezhny`j sbornik nauchny`x statej «Nauchny`e stremleniya» – Youth collection of scientific articles “Scientific aspirations”*. No 10. (In Russian).
3. Dulich, L. M. (2018). Osobennosti konstitucionnogo razvitiya Germanii [Features of the constitutional development of Germany]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii – Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. No 4 (41). (In Russian).
4. Ivanchuk, D. V. (2015) Istoriya razrabotki i prinyatiya Osnovnogo zakona (Konstitucii) FRG (1949) [History of the development and adoption of the Basic Law (Constitution) FRG (1949)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Samara State University*. No 7 (129). (In Russian).
5. Klitorin, V. I. (2014). Istoricheskie sud`by` istoricheskoy shkoly` [Historical destinies of the historical school]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social`no-e`konomicheskie nauki – Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Social and economic sciences*. Vol. 14. Vy`pusk 4. (In Russian).
6. Korchagina, O. A., Lezina, E. P. (2018). Istoricheskaya shkola prava v ucheniyax F.K. Saviny`i i G.F. Puxty` [Historical school of law in the teachings of F.K. Saviny and G.F. Pukhta]. *Kontentus – Content*. No 4 (69). (In Russian).
7. Kosmach, V. A. (2015). «Unizhenie v Versale»: itogi Pervoj mirovoj vojny` dlya Germanii [“Humiliation at Versailles”: the results of the First World War for Germany]. *Pskovskij voenno-istoricheskij vestnik – Pskov military-historical bulletin*. No 1. (In Russian).
8. Ruzlyayev, M. Yu. (2018). Istoricheskoe znachenie Veimarskoj konstitucii 1919 goda dlya razvitiya idej konstitucionalizma [Historical significance of the Weimar Constitution of 1919 for the development of the ideas of constitutionalism]. *E`lektronny`j nauchny`j zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» – Electronic scientific journal «Science. Society. State»*. Vol. 6. No 2 (22). (In Russian).
9. Filimonov, S. M. (2017). *Rejnskij soyuz i Germanskij soyuz: sravnitel`ny`j analiz dvux gosudarstvenny`x sistem* [The Rhine Union and the German Union: a comparative analysis of two state systems]. Germaniya na perekrestkax istorii. Problemy` vnutrennej i vneshnej politiki v kontekste transformacij mezhdunarodny`x otnoshenij. Sbornik statej. Vy`pusk 8. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvenny`j universitet (In Russian).
10. Худолеев К. К. (2018). Эволюция идеи мировой революции в политике Советского Союза (под`ем и распад мировой системы` социализма) [The evolution of the idea of a world revolution in the politics of the Soviet Union (the rise and collapse of the world system of socialism)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Poli-*

tologiya. Mezhdunarodny`e otnosheniya – Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relationships. No 1. (In Russian).

Об авторе

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

About the author

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor, head of theory and history of the state department of Law faculty, Pushkin Leningrad State University, Meritorious Scientist of Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

*Поступила в редакцию: 08.11.2022
Принята к публикации: 01.12.2022
Опубликована: 30.12.2022*

*Received: 08 November 2022
Accepted: 01 December 2022
Published: 30 December 2022*

Зарубежный опыт и его влияние на развитие института омбудсмена в системе публичной власти Российской Федерации

Т. Р. Булатов

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье с историко-правовых позиций рассматриваются вопросы организации и функционирования института омбудсмена в демократических государствах мира.

Раскрывается понятие омбудсмена и его роль в формировании и развитии гражданского общества путем содействия в восстановлении прав личности, нарушенных органами государственной власти и (или) их должностными лицами; в эффективной работе органов государственной власти; в выполнении роли посредника между обществом и государственной властью; в выполнении функций внесудебного разбирательства.

В Российской Федерации институт омбудсмена является относительно молодым и еще нуждается в дальнейшем совершенствовании. Интересным и важным представляется заимствование положительного опыта зарубежных демократических государств, в которых данный правовой институт функционирует на протяжении длительного времени и является примером успешного выполнения задач в сфере обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: омбудсмен, права человека, институт омбудсмена, уполномоченный по правам человека, контроль за соблюдением законов, независимый омбудсмен, парламентский омбудсмен, исполнительный омбудсмен.

Для цитирования: Булатов Т. Р. Зарубежный опыт и его влияние на развитие института омбудсмена в системе публичной власти Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 74–83. DOI 10.35231/18136230_2022_4_74

Foreign experience and its impact on the development of the ombudsman institution in the system of public authority of the Russian Federation

T. R. Bulatov

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article deals with the organization and functioning of the Ombudsman institution in democratic states of the world from the historical and legal positions.

The concept of the ombudsman and his role in the formation and development of civil society is revealed by assisting in the restoration of individual rights violated by public authorities and (or) their officials; in the effective work of public authorities; in acting as an intermediary between society and public authorities; in performing the functions of extrajudicial proceedings.

In the Russian Federation, the institution of the Ombudsman is relatively young and still needs further improvement. It is interesting and important to borrow the positive experience of foreign democratic states in which this legal institution has been functioning for a long time and is an example of successful fulfillment of tasks in the field of ensuring the protection of human and civil rights and freedoms.

Key words: ombudsman, human rights, ombudsman institution, Commissioner for Human Rights, control over compliance with laws, independent Ombudsman, parliamentary Ombudsman, executive Ombudsman.

For citation: Bulatov, T. R. (2022). Zarubezhnyy opyt i yego vliyaniye na razvitiye instituta ombudsmena v sisteme publichnoy vlasti Rossiyskoy Federatsii [Foreign experience and its impact on the development of the ombudsman institution in the system of public authority of the Russian Federation]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No 4 (70), Pp. 74–83. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_4_74

В научных исследованиях встречается позиция, согласно которой начало рассматриваемого института было заложено еще в Древней Греции и Древнем Риме, где народы стремились установить контроль за соблюдением законов, регламентирующих права граждан. Именно поэтому начало становления института омбудсмена связывают с существованием первых должностей, осуществляющих контроль за соблюдением наиболее значимых законов, в которых регламентировались права личности.

Обратимся и к этимологии термина «омбудсмен», который является прототипом современного уполномоченного по правам человека. В средние века данный термин означал «поверенный», «управляющий делами», «доверенное лицо», и в нем был, очевидно, заложен характер «представительства». И с течением времени данное понятие обрело устоявшееся значение представителя пострадавших, защитника более уязвимых категорий лиц [1, с. 82].

Представители традиционной, наиболее популярной концепции возникновения института омбудсмена связывают момент его появления со Швецией. В 1713 г. здесь была введена должность «Верховного омбудсмена его величества». Позднее появилось новое название должности лица, осуществлявшего аналогичные полномочия, – канцлер юстиции.

Именно в тот период человек становится наиболее значимым звеном для государства, тем, кто непосредственно реализует права и обязанности и способствует развитию государства в целом. Постепенно государства пришли к выводу о том, что без человека и его качественного существования само функционирование государства и государственной власти утрачивает свое значение, а государство и государственная власть является не иначе как «служителем народа».

Позднее, с принятием новой Конституции 1809 г., был введен институт омбудсмена юстиции, именно с ее принятием данный институт обрел необходимую власть и независимость, омбудсмен вышел из-под контроля, а над ним была установлена зависимость от риксдага, который непосредственно осуществляет избрание и назначение омбудсмена, соответственно, перед ним он находится в ответе, постоянно предоставляет доклады об осуществляемой деятельности по надзору за администрацией, юстицией и церковью [2, с. 10–17].

Государство сосредоточило в руках омбудсмена целый ряд полномочий, в частности, им осуществлялся надзор за тем, ка-

ким образом органы государственной власти применяют положения закона, и, прежде всего, надзор осуществлялся за судебной ветвью власти и законностью тех решений, которые выносились судом. Также данный орган осуществлял конституционный контроль за органами государственной власти (прежде всего, исполнительной властью) для того, чтобы обеспечить реализацию основных прав и свобод человека и предотвратить любой произвол со стороны государственного аппарата.

Позднее данный институт был введен в Финляндии – государстве, в котором в роли омбудсмана выступал канцлер юстиции, который был учрежден по подобию того, как было это сделано в Швеции. Финский канцлер юстиции назначался в звании прокурора, выполнял роль защитника граждан и обладал даже большим авторитетом и признанием, чем шведский канцлер. Прокурор осуществлял полноценный надзор над судебной и административной властью, осуществлял контроль по вопросам содержания и отношения к заключенным и задержанным. В качестве одного из полномочий ему было вверено присутствие на заседаниях Сената, прокурор имел право обращаться с докладами о нарушениях к губернской администрации Великого княжества и рассчитывать на содействие от должностных лиц [3, с. 78].

Но, надо сказать, что отнюдь не шведская теория омбудсмана получила широкое распространение в мировой практике. Наиболее значимой оказалась модель института омбудсмана, установленная в Дании, поскольку именно она была одновременно приближена и к англо-саксонской, и к романо-германской правовой системе. Соответственно, она была удобна для ее дублирования другими государствами. И хоть полномочия датского омбудсмана были несколько более узкими, нежели у шведского, универсальность данного института сыграла свою значимую роль. Модель датского омбудсмана продемонстрировала неоспоримое удобство, именно в Дании со стороны омбудсмана был установлен контроль за деятельностью административного аппарата, а также был активно применен принцип министерской ответственности правительства перед парламентом [4, с. 79]. Кроме того, институт омбудсмана в Дании был создан позже всех представленных государств и соответствовал сложившимся уже к 1955 г. современным мировым тенденциям обеспечения прав и свобод человека, именно поэтому такая модель основательно прижилась в других иностранных государствах.

Таким образом, в вышеприведенных государствах должность омбудсмена в том или ином исполнении была введена раньше других. И надо сказать, что остальные государства не спешили с ее введением, и в подавляющем большинстве стран институт омбудсмена был воспринят лишь после Второй мировой войны.

В различных государствах по-разному воспринимается институт омбудсмена, оттого и данная должность в различных странах носит разные названия. Например, там, где данный институт непосредственно зарождался – в странах Северной Европы – эта должность носит название «омбудсмен юстиции». Великобритания, в силу своей специфичной формы правления (парламентская монархия) сформулировала название данной должности следующим образом – парламентский уполномоченный по делам администрации. В Испании данную должность именуют народным защитником, в Польше – уполномоченным по правам граждан, что напоминает схожее название – уполномоченный по правам человека, который осуществляет свою деятельность на территории Российской Федерации. В Германии уполномоченный Федерального правительства по правам человека и гуманитарной помощи при Министерстве иностранных дел выполняет функцию омбудсмена и относится к исполнительной модели. Омбудсмен тесно взаимодействует с федеральным министром иностранных дел¹.

Россия пошла по пути вышеупомянутой нами парламентской модели омбудсмена. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»², уполномоченный назначается на должность и освобождается от должности Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации.

Правовой фундамент института уполномоченного по правам человека (омбудсмена) в России был заложен Декларацией прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации от 22 ноября 1991 года³. Появление данного института ознаменовало демократический путь развития государства и готовность к международному сотрудничеству в области прав человека.

¹ Политика в области прав человека в Германии // URL: <https://germania.diplo.de/ru-ru/themen/politik/menschenrechte/1252918> (дата обращения: 15.10.2022).

² Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 26.02.1997 года № 1 // СЗ РФ. 03 марта 1997 г. №9. Ст. 1011.

³ О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 // Ведомости Съезда НД РСФСР и ВС РСФСР. 26.12.1991. № 52. Ст. 1865.

Основная функция омбудсмена в нашей стране заключается в том, что он осуществляет проверку по жалобам граждан на нарушения их прав и свобод действиями представителей государственной власти и принимаемыми ими решениями. Соответствующие заключения хотя и носят характер рекомендаций, однако, в силу существенного авторитета Уполномоченного по правам человека, данные решения становятся «руководством к действию» и принимаются к исполнению своевременно¹. Необходимо подчеркнуть, что юридическая сила решения данного органа основывается на убедительности соответствующих рекомендаций, и, поскольку уполномоченный по правам человека – лицо, прежде всего, пользующееся общественным признанием, исполнение принимаемых им решений, безусловно, исходит из тех же начал – признания и доверия.

В США процесс назначения омбудсмена на должность весьма неоднобразен. На федеральном уровне должность омбудсмена отсутствует, несмотря на усилия и требования адвокатских бюро в XX в., но на уровне штатов его деятельность предусмотрена. Так, в штатах Гавайи, Небраска, Айова, Аляска и Нью-Джерси уполномоченный по правам человека назначается legislaturой (законодательным органом штатов) и подотчетен ей [5, с. 16–20]. В остальных штатах они назначаются губернаторами. А в Нью-Мексико должность омбудсмена должен исполнять вице-губернатор. Получается, что, несмотря на схожую форму правления – республику, каждое государство имеет свое видение на назначение должности омбудсмена, что определяется исключительностью и индивидуальностью представленных стран.

Установление срока полномочий омбудсмена говорит об ограниченности во времени на выполнение своих обязанностей, что одних заставляет работать как можно эффективнее, других ставит в определенные рамки. Так, в Германии должность омбудсмена не ограничена сроками и возможностью переназначения. В США (в зависимости от штата) срок полномочий варьируется от трех лет до шести, с возможностью три раза переизбраться, а например, в Нью-Мексико – пока на должности вице-губернатора не появится новый человек. В России уполномоченный по правам человека назначается на должность сроком на пять лет.

¹ Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ: учеб. пособие / под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб., 2018. С. 19.

Анализ полномочий омбудсмана позволяет определить его место, роль и значение в системе органов государственной власти. К схожим полномочиям можно отнести следующие: организовывать и проводить проверки органов власти, различных организаций; запрашивать и получать ответы на запросы, документацию и письменные объяснения от представителей государственной и муниципальной власти. Такой объем общих полномочий указывает на истинное предназначение омбудсменов в представленных странах.

Сегодня стало очевидным, что одной из самых актуальных задач формирования гражданского общества является дальнейшее развитие института омбудсмана в Российской Федерации. Для достижения поставленной цели требуется дальнейшая теоретическая разработка положений путем проведения научных исследований и их практической реализации в новейшей истории России. В целях совершенствования правового регулирования института омбудсмана в нашей стране стоит продолжать использование положительного примера зарубежных стран, в которых данный правовой институт функционирует на протяжении длительного времени и имеет богатый опыт успешного выполнения задач в сфере обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина.

Говоря об особенностях каждого представителя государств, подчеркнем, что российский омбудсмен может организовывать проверку в военных учреждениях, запрашивать из военных ведомств соответствующие документы, тогда как его партнеры такими полномочиями не обладают.

В Германии омбудсмен тесно взаимодействует с органами государственной власти (другие министерства, немецкий бундестаг, фракции бундестага, федеральные земли, координационный комитет гуманитарной помощи, национальные и международные неправительственные организации)¹, анализирует политические события и вносит предложения Федеральному министру иностранных дел по формированию действий в области прав и свобод человека. В США омбудсмен на уровне штата обладает правомочием назначать штраф в 1000 долларов, уклоняющимся от сотрудничества.

Как было сказано выше, в мировой практике сложились такие представления об институте омбудсмана, которые по-

¹ Уполномоченный федерального правительства по политике в области прав человека и гуманитарной помощи // Министерство иностранных дел Германии URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aaamt/koordinatoren/menschenrechte-humanitaere-hilfe-node> (дата обращения: 15.10.2022).

зволяют говорить о его важном положении наравне с иными органами государственной власти, и, кроме того, стоит отметить их самостоятельность. Практически во всех странах, в которых учрежден данный институт, общество придает ему большую значимость в силу тех полномочий, которые входят в его компетенции. Фактически, это орган, который оказывает бесплатную, квалифицированную, безотлагательную помощь, опираясь на закон, действуя вне давления иных государственных органов, что дополнительно обеспечивает независимость его действий и гарантированность защиты прав и свобод человека от неправомερных действий непосредственно самих государственных органов и их должностных лиц.

Омбудсмен может следовать в своей работе тем методикам, выбор которых остается на его усмотрение; он не ограничен в выборе средств и методов осуществления правовой помощи нуждающимся лицам; он самостоятельно может изменять приоритеты правозащитной деятельности и обладает широким спектром возможностей для осуществления деятельности по защите прав и свобод человека и гражданина.

Омбудсмен действует в тесной взаимосвязи с мнением народа, поскольку каждому факту нарушения придается публичный характер. И именно общественное мнение и обеспечивает престиж анализируемого конституционно-правового института. Соответственно он не может функционировать, опираясь лишь на знания в области правозащитной деятельности и личный профессионализм, а для полноценного функционирования ему необходимо народное признание и мнение народа.

Таким образом, омбудсмены в представленных странах имеют свой круг полномочий, главная их цель – помощь людям, если их права и свободы будут нарушены. Однако в США омбудсмен штата обладает более значимыми полномочиями, в отличие от своих коллег в других странах.

Для Российской Федерации институт омбудсмена является относительно молодым и еще нуждается в дальнейшем совершенствовании. Однако уже сейчас можно заметить, что за время своего существования он получил огромное признание со стороны общества и стал необходимым эффективным инструментом защиты прав и свобод человека, о чем упоминается в работах известных ученых по правозащитной проблематике [6; 7; 8]. Актуальным представляется постоянное совершенствование деятельности данного правового института, расширение его полномочий, которые позволят более успеш-

но осуществлять защиту прав и свобод человека. Поэтому при рассмотрении всех особенностей института уполномоченного по правам человека в представленных странах считаем, что следует учитывать положительный опыт правового регулирования статуса омбудсмена в зарубежных странах, на что было обращено особое внимание в представленном научном исследовании.

Список литературы

1. Безруков А. В. Парламентское право и парламентские процедуры в России: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2015. – 163 с.
2. Вагизов Р. Г. Институт Уполномоченного по правам человека: история, теория, практика. – Казань, 2014. – С. 10–17.
3. Основы борьбы с коррупцией (системы общегосударственной этики поведения) / под ред. С. В. Максимова и др. – М., 1999. – 228 с.
4. Исаев М. А. Основы конституционного строя Швеции. – М.: МГИМО. 2008. – 193 с.
5. Смирнова Е. С. Проблемы соотношения прав, свобод и обязанностей иностранных граждан в зарубежном конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – №7. – С. 16–20.
6. Кулишенко Е. А. Конституционно-правовые трансформации института уполномоченного по правам человека в России: дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2021. – 181 с.
7. Шамрин М. Ю., Мигачева Е. В. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – №1 (134).
8. Плуталов И. Ю. Предложения по совершенствованию института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2020. – №3(142).

References

1. Bezrukov, A. V. (2015) *Parlamentskoe pravo i parlamentskie procedury` v Rossii* [Parliamentary law and parliamentary procedures in Russia]: ucheb. posobie. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Yusticinform. (In Russian).
2. Vagizov, R. G. (2014) *Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka* [Institute of the Commissioner for Human Rights]: istoriya, teoriya, praktika. – Kazan`. Pp. 10–17. (In Russian).
3. *Osnovy` bor` by` s korrupciej (sistemy` obshhegosudarstvennoj e` tiki povedeniya)* [Fundamentals of the fight against corruption (systems of national ethics of behavior)] / Pod red. S. V. Maksimova i dr. Moskva, 1999. (In Russian).
4. Isaev, M. A. (2008) *Osnovy` konstitucionnogo stroya Shvecii* [Fundamentals of the constitutional system of Sweden]. Moskva: MGIMO. (In Russian).
5. Smirnova, E. S. (2005) *Problemy` sootnosheniya prav, svobod i obyazannostej inostranny` x grazhdan v zarubezhnom konstitucionnom prave* [Problems of correla-

tion of rights, freedoms and duties of foreign citizens in foreign constitutional law]. *Konstitucionnoe i municipal`nom pravo – Constitutional and municipal law*. No. 7. Pp. 16–20. (In Russian).

6. Kulishenko, E. A. (2021) *Konstitucionno-pravovy`e transformacii instituta upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossii* [Constitutional and legal transformations of the Institution of the Commissioner for Human Rights in Russia:] Dis. ... kand. yurid. nauk. Belgorod. (In Russian).

7. Shamrin, M. Yu., Migacheva, E. V. (2022) *Institut upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii* [Institute of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]. *Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*. No.1 (134). (In Russian).

8. Plutalov, I. Yu. (2020) *Predlozheniya po sovershenstvovaniyu instituta upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii* [Proposals for improving the institution of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]. *Evrzjskij yuridicheskij zhurnal – Eurasian Law Journal*. No. 3(142). (In Russian).

Об авторе

Булатов Тимур Рашидович, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: bulatov_t64@mail.ru

About the author

Timur R. Bulatov, Post-graduate, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: bulatov_t64@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.11.2022
Принята к публикации: 06.12.2022
Опубликована: 30.12.2022

Received: 10 November 2022
Accepted: 06 December 2022
Published: 30 December 2022

Проблемы понимания конституционного правоприменения

А. Г. Самусевич¹, В. Н. Шутова²

¹ Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Российская Федерация;

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Российская Федерация

² Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Российская Федерация

В статье исследуются проблемные вопросы сущности конституционного правоприменения. Рассмотрены научные подходы к определению признаков конституционного правоприменения. Анализируются вопросы соотношения прямого действия Конституции и конституционного правоприменения. Рассматриваются проблемные аспекты определения субъектов конституционного правоприменения, а также признаки актов конституционного правоприменения. Делается вывод о том, что деятельность по применению конституционных норм при определенных обстоятельствах может обладать признаками «классического» правоприменения, но имеет специфические особенности.

Определяются дальнейшие перспективы научных теоретико-конституционных исследований в сфере определения конституционного правоприменения как отдельного вида правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: реализация права, правоприменение, правоприменительная деятельность, Конституция РФ, конституционное правоприменение, прямое действие конституции, субъекты конституционного правоприменения, акты конституционного правоприменения.

Для цитирования: Самусевич А. Г., Шутова В. Н. К вопросу о понимании и сущности конституционного правоприменения // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 84–98. DOI 10.35231/18136230_2022_4_84

Problems of understanding constitutional law enforcement

Alexey G. Samusevich¹, Valentina N. Shutova²

¹ Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation;

Irkutsk National Research Technical University Irkutsk, Russian Federation

² Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation

The article examines the problematic issues of the essence of constitutional law enforcement. Scientific approaches to the definition of signs of constitutional law enforcement are considered. The issues of correlation between the direct effect of the Constitution and constitutional law enforcement are analyzed. The authors consider the problematic aspects of determining the subjects of constitutional law enforcement. Signs of acts of constitutional law enforcement are considered. It is concluded that the activity of applying constitutional norms under certain circumstances may have the characteristics of "classical" law enforcement, but has specific features.

Further prospects of scientific theoretical and constitutional research in the field of defining constitutional law enforcement as a separate type of law enforcement activity are determined.

Key words: implementation of law, law enforcement, law enforcement activity, the Constitution of the Russian Federation, constitutional law enforcement, direct effect of the constitution, subjects of constitutional law enforcement, acts of constitutional law enforcement.

For citation: Samusevich, A. G., Shutova, V. N. (2022) K voprosu o ponimanii i sushchnosti konstitucionnogo pravoprimeneniya [On the understanding and essence of constitutional law enforcement]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (70). Pp. 84–98. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_4_84

Введение

Интерес к представленной теме обусловлен тем, что на сегодняшний день в теории права и в теории конституционного права неоднозначно и порой противоречиво понимается такая правовая категория, как конституционное правоприменение.

Несмотря на достаточно длительный период действия Конституции Российской Федерации¹ (Далее – Конституция РФ) и детальное изучение в правовой науке различных аспектов ее действия, а также реализации ее норм, вопрос о конституционном правоприменении представляется малоисследованным.

К сожалению, в научной литературе не так много исследований, касающихся рассматриваемой темы, которые в полной мере отвечали бы современным реалиям в рамках проводимой в России конституционной реформы. Кроме того, не изобилуют научными публикациями в этой сфере и зарубежные издания.

Казалось бы, при простоте поставленного вопроса, многие аспекты конституционного правоприменения не находят своего научного обоснования. Как видится, это обусловлено тем, что на заре становления современного конституционализма сложилось устойчивое авторитетное мнение среди ученых-исследователей о некоторых вопросах применения конституционных норм, которые и до настоящего времени остаются в приоритете и мало кем оспариваются. Это касается и прямого действия конституции, и форм реализации конституционных норм.

Как и было сказано ранее, проблема заключается в том, что в теории права и конституционном праве на сегодняшний день нет полноценного научного исследования по пониманию и сущности конституционного правоприменения, а также нет четко сформулированного определения и механизма его реализации.

Целью настоящего исследования является выявление основных проблем конституционного правоприменения и определение путей дальнейшего развития на основе всестороннего междисциплинарного теоретического, правового и конституционного анализа научных исследований в различных областях знаний.

Для реализации поставленной цели необходимо определить и решить следующие исследовательские логично выстроенные задачи: во-первых, проанализировать имеющиеся научные под-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

ходы к определению понятия «конституционное правоприменение»; во-вторых, рассмотреть проблемные вопросы соотношения прямого действия конституции с конституционным правоприменением; в-третьих, определить субъектов конституционного правоприменения. Полагаем, что решение этих проблем позволит более полно и качественно рассмотреть теоретические аспекты и основные признаки конституционного правоприменения.

В связи со сказанным отметим, что в рамках данной статьи ставится вопрос о понимании и сущности конституционного правоприменения с точки зрения теоретического подхода.

Конституционное правоприменение как форма реализации конституционных норм

Рассматривая вопросы применения конституционных норм как отдельного специфического вида правоприменительной деятельности, стоит обратить внимание на современные научные подходы к определению понятия «конституционное правоприменение». Для полноценного понимания рассматриваемого аспекта первоначально необходимо определиться: обладает ли конституционное правоприменение общими признаками, присущими процессу применения норм права?

Отметим, что по общему правилу правоприменение состоит в том, чтобы применить правовую норму к конкретному жизненному случаю с изданием правоприменительного акта. Именно издание акта является основной целью процесса правоприменения. Сущность и основные признаки правоприменительной деятельности, а также правоприменительных отношений, которые возникают в сфере претворения правовых норм в жизнь, рассматривались нами ранее. [см.: 6; 7].

Как справедливо писал С. С. Алексеев: «...по своей сути правоприменительная деятельность заключается в разработке и фактическом осуществлении организационных мер, направленных на обеспечение реализации предписаний правовых норм на практике»¹.

Не противоречит данной точке зрения и мнение Л. О. Мурашко о том, что «... правоприменение по существу выступает, выступает, прежде всего, как компетентная властная деятельность» [4, с. 4].

Тем не менее, мы считаем, что изначально необходимо обратить внимание на характеристики самого нормативного правового акта, подлежащего применению. В соответствии с ч. 1 ст. 15

¹ Алексеев С.С. Общая теория права. М.: ТК Велби; Проспект, 2008. С. 525.

Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации¹.

Помимо указанных юридических свойств, Конституция РФ отличается высокой степенью обобщенности правовых предписаний, абстрактным характером норм, а также спецификой регулируемых вопросов. Так, именно в Конституции РФ заложены цели, принципы и основные ценности, представляющие собой «ценностную характеристику общества и государства» [4, с. 5]. Конституция Российской Федерации в то же время содержит «общие и не характеризующиеся формальной определенностью положения, которые формулируют лишь важнейшие принципы правового регулирования общественных отношений» [10, с. 2].

В свою очередь, отметим, что в юридической литературе по теории права и конституционному праву в отношении процесса применения норм Конституции чаще всего встречается такие определения, как: «применение Конституции», «прямое действие Конституции», «реализация норм Конституции» и др.

При этом многие авторы в одних случаях отождествляют указанные понятия, а в других – проводят различия между ними. Таким образом, единого мнения в рассматриваемой сфере в настоящее время нет, что говорит об актуальности данного вопроса. В этой связи интерес представляет мнение Е. С. Аничкина и Т. И. Ряховской, которые указывают на то, что в контексте вопроса о прямом действии Конституции Российской Федерации представляется целесообразным уточнить, что подразумевает «действие» Конституции, какова его взаимосвязь с «реализацией», которая включает и применение как одну из форм [2, с. 32].

Действительно, не совсем понятно, почему в отношении процесса применения норм Конституции игнорируется определение «конституционное правоприменение»? По этому поводу В. И. Червонюк справедливо отмечает: «Понятие «применение Конституции» отличается присущей ему идентичностью (наличие специальных субъектов, форм выражения, используемых правовых средств и т.д.). В этом смысле действие и применение Конституции не являются понятиями одного порядка. Следовательно, формы действия Конституции и формы применения Конституции не совпадают, как это представлено в специаль-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

ных работах (например, прямое и «косвенное» или «производное» применение Конституции судами)» [9, с. 65].

Можно согласиться с мнением Р. С. Никитина, который утверждает, что конституционное правоприменение является более узким понятием по отношению к правоприменению, т. е. правоприменение и конституционное правоприменение соотносятся как родовое и видовое понятия. Соответственно, следовало бы согласиться и с тезисом, что «конституционному правоприменению присущи и общие признаки правоприменения» [5, с. 12]. Между тем дальнейшее изучение проблемы не позволяет нам полностью согласиться с этим утверждением.

Нельзя отрицать и очевидный факт того, что «применение конституции по сравнению с иной правоприменительной деятельностью представляет собой более сложный процесс...» [4, с. 4].

Соответственно, следует выделить и особенности, отличительные черты, которые характерны только для конституционного правоприменения и позволяют говорить о его своеобразии. В этой связи согласимся с профессором С. А. Авакьяном относительно того, что «...зачастую конституционное правоприменение действительно состоит в реализации норм самой Конституции» [1, с. 44].

Стоит сказать, что по этому поводу не так много научно-исследовательских работ, которые в полной мере отвечали на поставленный вопрос. В связи с этим, нам представляется возможным рассмотреть те немногочисленные научные подходы к определению конституционного правоприменения.

Например, Р. С. Никитин пишет: «Конституционное правоприменение – это применение акта высшей юридической силы, который имеет прямое действие на всей территории государства в части, подлежащей применению в строго установленном порядке лицами или группой лиц, специально уполномоченных на такую деятельность, ориентированную на реализацию воли народа» [5, с. 13].

Профессор В. И. Червонюк, рассматривая формы применения Конституции, отмечает: «Универсальный характер данной формы применения судами Конституции обусловлен тем, что конституционные институты (нормы, принципы, цели, ценности, правовые позиции Конституционного Суда) применяются совместно с нормами законов и другими нормативными правовыми актами в качестве единого обоснования судебного решения. Системное

(комплексное) судебное правоприменение обусловлено тем, что конституционное право, так или иначе, оказывает общее регулирующее воздействие на все сферы жизни общества, выступая критерием правильности, правовой природы отраслевых норм» [9, с. 65].

Таким образом, исходя из различных точек зрения, можно определить и основные признаки конституционного правоприменения, среди которых: наивысшая сила применяемого акта, его коллизионность и абстрактный характер норм; ограниченность норм, подлежащих применению; обширный круг вопросов, регулируемых конституционными нормами; наличие особого статуса субъектов, а также непосредственная реализация воли народа [см., напр.: 5, с. 13].

Отметим, что не со всеми указанными признаками конституционного правоприменения можно согласиться в полном объеме. Так, под большим вопросом определение воли народа в данном процессе, а также не указаны основания конституционного правоприменения и не конкретизирован и круг субъектов.

Соотношение прямого действия конституции и конституционного правоприменения

Проанализировав некоторые научные подходы к рассматриваемой теме, отметим, что формы конституционного правоприменения в определенной степени обусловлены таким юридическим свойством Конституции РФ, как прямое действие. По этому поводу профессор С. А. Авакьян отмечает, что «конституционное правоприменение состоит в непосредственной реализации ее норм тем, кому они адресованы, а также запрете иных действий, как данными, так и иными субъектами права» [1, с. 44].

Еще в начале XX в. в научной литературе по конституционному праву высказывалось мнение, что законодатель придает статус прямого и непосредственного действия определенным нормам конституции или всей конституции в целом, что позволяет заинтересованному субъекту требовать защиты своих прав, ссылаясь только на нормы конституции. В других случаях, для применения конституционной нормы требуется применение закона – обычного или конституционного¹. О чем и было сказано ранее.

¹ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, 2002. С. 70.

Можно согласиться с мнением Е. С. Аничкина и Т. И. Ряховской, отмечающих, что «прямое действие норм Конституции Российской Федерации является правовым свойством норм Основного закона, которое носит правовой характер, выражая правило действия и реализации норм Конституции, независимо от наличия нормативных правовых актов, конкретизирующих их. Это свойство ничем не ограничено, то есть, даже если необходимо конкретизировать нормы Основного закона, это не является его исключением, поскольку само уточнение создается на основе конституционно-правовых предписаний и лишь развивает их с целью реализации, а не устанавливает. И применение Конституции Российской Федерации, особенно в деятельности судов, является процессом, посредством которого обеспечивается эта собственность» [2, с. 37].

«Другой аспект прямого действия Конституции Российской Федерации реализуется в случаях применения права специально уполномоченными субъектами (органами государственной власти, их должностными лицами) и заключается в обязанности принимать решения непосредственно на основе конституционных норм при отсутствии нормативных актов, детализирующих содержание этих положения»¹. В то же время автор уточняет, что принятие соответствующих решений должно осуществляться с учетом правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации.

В этой связи стоит сказать, что фактически остается все меньшее количество подобных конституционных норм прямого действия, поскольку они рано или поздно получают детализацию в нормах текущего законодательства. Можно привести несколько примеров. Так, норма ч. 1 ст. 111 Конституции РФ о назначении Председателя Правительства РФ нашла отражение в ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»². Более того, в новом законе закреплена даже правовая позиция Конституционного суда РФ, выраженная в Постановлении Конституционного суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П³ относительно возможности предлагать как разные, так и одну и ту же кандидатуру Председателя Правительства РФ.

¹ Балагурова Н. Н. Действие Конституции Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 19.

² О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

³ По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации: постановление Конституционного суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П // Собрание законодательства РФ. 1998. № 52. Ст. 6447.

Таким образом, представляется логичным привести примеры конституционного правоприменения, которые реализуются на практике. Одним из таких примеров может выступить процедура назначения Президентом РФ выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, которая осуществляется в соответствии с положениями п. «а» ст. 4 Конституции РФ. Причем, стоит обратить внимание на тот факт, что в тексте соответствующего указа Президента РФ сделана ссылка не на статью Конституции РФ, а на статью ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹.

Другим примером является реализация Советом Федерации полномочий по назначению выборов Президента Российской Федерации в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ. Здесь, в свою очередь, отметим, что в постановлении Совета Федерации уже есть ссылка на ст. 81 и 102 Конституции РФ, а не только на закон «О выборах Президента РФ»².

Также в качестве примера конституционного правоприменения можно привести и процедуру назначения Советом Федерации на должность судей Конституционного суда РФ в соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 102, ч. 1 ст. 128 Конституции РФ³.

Как видится, во всех этих случаях не совсем корректно говорить о прямом действии Конституции РФ, поскольку каждое конкретное рассмотренное полномочие органа государственной власти, как и ряд других, уже нашло свое закрепление и развитие в нормах текущего законодательства: ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»; ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»; ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и др.

В этой связи интерес представляет и концепция зарубежных авторов, которая состоит в том, что нормы конституции могут быть применены в рамках подконституционного права, когда субъекту отказывают в возможности сослаться на положение о равной защите и вместо этого будет предложено полагаться

¹ См., напр.: О назначении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации нового созыва: указ Президента РФ от 17 июня 2021 г. № 367 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 25. Ст. 4788.

² См., напр.: О назначении выборов Президента Российской Федерации: постановление Совета Федерации ФС РФ от 15 декабря 2017 г. № 528-СФ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 52 (Часть I). Ст. 7969.

³ См., напр.: О назначении Бушева Андрея Юрьевича на должность судьи Конституционного суда Российской Федерации: постановление Совета Федерации ФС РФ от 08 июня 2022 г. № 175-СФ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 25. Ст. 4178.

на соответствующий федеральный закон. В этом и других случаях суды, по-видимому, полагают, что конституционные права могут быть обеспечены посредством применения подконституционного права, практика, которую эта статья называет «конституционное правоприменение по доверенности» [1], с. 1664].

Соответственно, субъектами конституционного правоприменения могут быть компетентные государственные органы при осуществлении полномочий, которые возложены на них Конституцией Российской Федерации. К ним относятся Президент Российской Федерации, Совет Федерации и Государственная дума. В то же время возникает вопрос о коллективном субъекте правоприменения.

Как видно из вышеприведенного, тема соотношения прямого действия конституции и конституционного правоприменения полностью не раскрыта и нуждается в дальнейшем научном осмыслении.

Субъекты и акты конституционного правоприменения

Как было указано ранее, еще одной проблемой в рассматриваемом вопросе является определение субъектов конституционного правоприменения. В теории и практике правоприменения субъектам данного процесса уделяется особое внимание, так как именно от них зависит качество и эффективность правоприменительной деятельности. Стоит сказать, что субъекты правоприменения, в отличие от других участников реализации правовых норм, обладают особыми признаками, среди которых особое место занимает властность.

По общему правилу, субъектами конституционного правоприменения являются компетентные органы государственной власти, наделенные исключительным правом принятия соответствующих решений в соответствии с предписаниями Конституции РФ, а также суды.

Соответственно, возникает очередной вопрос: могут ли считаться субъектами конституционного правоприменения граждане РФ или народ в целом?

Например, П. П. Сергун и К. А. Ишеков однозначно говорят о том, что основным и единственным субъектом реализации конституций или уставов в форме применения являются носители государственной власти. В результате формулировка, допускающая применение конституций и уставов широким кругом участников правоотношений, представляется неправомерной [8, с. 51].

Все исследователи, характеризуя субъектов конституционного правоприменения, относят их к разряду особых. Вопрос о круге таких субъектов был и остается дискуссионным. Следует отметить, что многие авторы, рассматривая проблемные вопросы конституционного правоприменения, избегают конкретных выводов о субъектах.

Из некоторых суждений ученых следует определенный вывод о том, что субъектом конституционного правоприменения является Конституционный суд [4]. Другие авторы говорят о судах общей юрисдикции как об основных субъектах этого процесса [1, с. 46], но при этом не исключают и участие иных компетентных органов.

В этой связи вполне справедливо возникает еще один вопрос: какова роль Конституционного суда РФ в конституционном правоприменении? Является ли его деятельность по толкованию конституционных предписаний правоприменительной?

Из анализа различных точек зрения ученых, следует вывод о том, что с некоторых позиций возможно рассматривать толкование Конституции РФ, данное Конституционным судом РФ, как специфический вид правоприменительной деятельности [4].

Далее стоит сказать, что любая правоприменительная деятельность связана с вынесением правоприменительного акта, это завершающий этап правоприменительного процесса. В таком случае необходимо обратить внимание и на правоприменительные акты в конституционном правоприменении.

Отметим, что в данной сфере также нет единого понимания среди авторов о сущности рассматриваемых актов. Тем не менее, можно привести точку зрения П.В. Коршуновой, отмечающей: «Правоприменительная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации фиксируется в его Постановлениях в качестве заключительных актов, Определениях, которыми отказано в принятии жалобы, выносятся «положительное решение» по итогам рассмотрения жалобы, в определениях о разъяснении судебных решений, а также в его Обзорах. Именно в них фиксируется работа Суда, в том числе связанная с обеспечением единства судебной практики, достижением правовой определенности. Значение правоприменительных актов Конституционного Суда Российской Федерации для обеспечения единообразия судебной практики заключается в том, что Суд осуществляет глубокую и четкую адаптацию уже установленной законодателем нормы к правовым реалиям, которые не могут быть проигнорированы сотрудником право-

охранительных органов, в результате чего достигается единообразное понимание и применение правовых норм» [3, с. 122]. Автор исходит из того, что актами конституционного правоприменения являются постановления Конституционного суда РФ, изданные в процессе толкования. Как видится, на данном этапе нельзя с уверенностью говорить о том, что постановления Конституционного суда РФ обладают полноценными признаками правоприменительных актов.

Для настоящего исследования интерес представляют и выводы П. П. Сергуна и К. А. Ишекова: «... вынося правоприменительные акты, власти соблюдают конституционные нормы (например, при назначении выборов в законодательные органы). Государственные органы, аргументируя то или иное правоприменительное решение, используют нормы конституции (этот тезис наглядно иллюстрирует деятельность органов конституционного правосудия, относительно свободных в выборе норм, подлежащих применению)» [8, с. 52].

Между тем, представляется, что акты толкования Конституционного суда РФ нельзя в полной мере считать правоприменительными актами. В свою очередь, деятельность по толкованию норм конституции также не будет являться конституционным правоприменением. Как видится, деятельность Конституционного суда лишь способствует правильному и единообразному конституционному правоприменению.

Заключение

Исследование показало, что на сегодняшний день не существует единого подхода к пониманию конституционного правоприменения. Учитывая вышеизложенное, суммируя имеющиеся подходы к рассматриваемой проблеме, а также теоретическое построение правоприменения в целом, можно предположить, что конституционное правоприменение – это особая организационная деятельность компетентных органов государства, обладающих властными полномочиями в сфере реализации конституционно-правовых норм с целью претворения их в жизнь по конкретному жизненному случаю, установленным Конституцией РФ.

Кроме того, мы приходим к выводу, что теория конституционного правоприменения нуждается в более широком объеме исследований. Как представляется, при определенных условиях исследование конституционного правопорядка может рассматриваться как отдельный вид правоохранительной деятельно-

сти, что указывает на перспективу дальнейших исследований в этой области.

В связи с этим необходимо конкретизировать определенные вопросы конституционного правоприменения, такие как механизм реализации конституционного правоприменения; статус и типы субъектов; динамические характеристики; структуру и сущность издаваемых актов и т.д. Несомненно, конституционное правоприменение нуждается в дальнейшем теоретическом научном осмыслении.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Конституционное правоприменение: некоторые проблемы теории и практики // Юридический вестник ДГУ. – Т. 28. – 2018. – № 4. – С. 43–48.
2. Аничкин Е. С. Ряховская Т. И. Прямое действие и применение норм Конституции РФ: к вопросу о разграничении понятий // Правоприменение. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 31–39.
3. Коршунова П. В. Правоприменительные акты Конституционного суда РФ как средство обеспечения единства судебной практики // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции. – Омск, 2021. – С. 119–123.
4. Мурашко Л. О. Конституционное правоприменение и его ценностная составляющая // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 3 (28). – С. 4–8.
5. Никитин Р. С. Понятие и признаки конституционного правоприменения // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 1 (12). – С. 12–14.
6. Самусевич А. Г. Основания правоприменительной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 7 (134). – С. 132–134.
7. Самусевич А. Г. Проблемы понимания правоприменительных отношений в общей теории права // Теория государства и права. – 2020. – № 1 (17). – С. 107–116.
8. Сергун П. П., Ишеков К. А. Правоприменение в современной теории конституционного права // Правовая культура. – 2014. – № 3 (18). – С. 50–53.
9. Червонюк В. И. Прямое действие Конституции и применение конституции судами // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 4. – С. 59–66.
10. Шутова В. Н. Проблемы построения правового государства в условиях односторонней реализации конституционных норм в российском законодательстве // Пролог: журнал о праве. – 2016. – № 1 (9). – С. 1–4.
11. Preis J. F. Constitutional enforcement by proxy (2009) // Virginia Law Review. № 95 (7). Pp. 1663–1744.

References

1. Avak'yan, S. A. (2018). *Konstitutsionnoe pravoprimerenie: nekotorye problemy teorii i praktiki* [Constitutional law enforcement: some problems of theory and practice]. *Yuridicheskii vestnik DGU – Legal Bulletin of the DSU*. No. 4. Pp. 43–48. (In Russian).

2. Anichkin, E. S., Ryakhovskaya, T. I. (2018). *Pryamoe deistvie i primeneniye norm Konstitutsii RF: k voprosu o razgranichenii ponyatii* [Direct action and application of the norms of the Constitution of the Russian Federation: on the issue of the differentiation of concepts]. *Pravoprimereniye. – Law Enforcement Review*. No. 1. Pp. 31–39. (In Russian).
3. Korshunova, P. V. (2021). *Pravoprimeritel'nye akty Konstitutsionnogo suda RF kak sredstvo obespecheniya edinstva sudebnoi praktiki* [Law enforcement acts of the Constitutional Court of the Russian Federation as a means of ensuring the unity of judicial practice]. *Pravoprimereniye v publichnom i chastnom prave: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii – Law enforcement in public and private law: Proceedings of the International Scientific Conference*. Omsk. Pp. 119–123. (In Russian).
4. Murashko, L. O. (2018). *Konstitutsionnoye pravoprimereniye i ego tsennostnaya sostavlyayushchaya* [Constitutional law enforcement and its value component]. *Monitoring pravoprimereniya – Law enforcement monitoring*. No. 3 (28). Pp. 4–8. (In Russian).
5. Nikitin, R. S. (2010). *Ponyatie i priznaki konstitutsionnogo pravoprimereniya* [The concept and signs of constitutional law enforcement]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. – Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1 (12). Pp. 12–14. (In Russian).
6. Samusevich, A. G. (2019). *Osnovaniya pravoprimeritel'noi deyatel'nosti* [Grounds for law enforcement activity]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal – Eurasian Law Journal*. No. 7 (134). Pp. 132–134. (In Russian).
7. Samusevich, A. G. (2020). *Problemy ponimaniya pravoprimeritel'nykh otnoshenii v obshchei teorii prava* [Problems of understanding law enforcement relations in the general theory of law]. *Teoriya gosudarstva i prava – Theory of State and law*. No. 1 (17). Pp. 107–116. (In Russian).
8. Sergun, P. P., Ishekov, K. A. (2014). *Pravoprimereniye v sovremennoi teorii konstitutsionnogo prava* [Law enforcement in the modern theory of constitutional law]. *Pravovaya kul'tura – Legal culture*. No. 3 (18). Pp. 50–53. (In Russian).
9. Chervonyuk, V. I. (2019). *Pryamoe deistvie Konstitutsii i primeneniye konstitutsii sudami* [Direct operation of the Constitution and application of the Constitution by the courts]. *Vestnik ehkonomicheskoi bezopasnosti – Bulletin of Economic Security*. No. 4. Pp. 59–66. (In Russian).
10. Shutova, V. N. (2016). *Problemy postroeniya pravovogo gosdarta v usloviyah odnostonnei realizatsii konstitutsionnykh norm v rossiiskom zakonodatel'stve* [The Problem of Building a Constitutional State in Conditions of One-Sided Implementation of Constitutional Norms in the Russian Legal System]. *Prolog: zhurnal prave – Prologue: Law Journal*. No. 1 (9). Pp. 1-4. (In Russian).
11. Preis, J. F. Constitutional enforcement by proxy (2009) // *Virginia Law Review*. No 95 (7). Pp. 1663–1744.

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Author contributions

Co-authorship indivisible.

Об авторах

Самусевич Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский институт (филиал) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Российская Федерация; Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0845-1343, e-mail: samusevich79@mail.ru

Шутова Валентина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский институт (филиал) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0899-2596, e-mail: tinav@bk.ru

About the authors

Alexey G. Samusevich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation, Irkutsk National Research Technical University Irkutsk, Russian Federation, ORCID ID: 0003-0845-1343, e-mail: samusevich79@mail.ru

Valentina N. Shutova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-0899-2596, e-mail: tinav@bk.ru

*Поступила в редакцию: 07.11.2022
Принята к публикации: 02.12.2022
Опубликована: 30.12.2022*

*Received: 07 November 2022
Accepted: 02 December 2022
Published: 30 December 2022*

Равный доступ граждан к государственной службе: гендерный аспект (на примере государственной службы в органах внутренних дел)

В. А. Трифонов

Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрен гендерный аспект проблемы обеспечения равного доступа к государственной службе. Рассмотрение гендерного аспекта равноправия при реализации права на равный доступ к государственной службе осуществлено на примере службы в органах внутренних дел.

Представляется, что социально-правовая активность все большего числа женщин при участии в управлении делами государства может обеспечить гендерный баланс на службе в органах внутренних дел.

В связи с этим полагаем, что равное представительство мужчин и женщин на службе в органах внутренних дел (полиции) – реально достижимая цель в обозримой перспективе. В свою очередь, это может позитивно повлиять на эффективность реализации конституционного права на равный доступ к государственной службе.

Ключевые слова: конституционный принцип, гендерное равенство, государственная служба, органы внутренних дел.

Для цитирования: Трифонов В. А. Равный доступ граждан к государственной службе: гендерный аспект (на примере государственной службы в органах внутренних дел) // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 99–108. DOI 10.35231/18136230_2022_4_99

Equal access of citizens to public service: gender aspect (on the example of public service in the internal affairs bodies)

Vitaly A. Trifonov

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article considers the gender aspect of the problem of ensuring equal access to public service. Consideration of the gender aspect of equality in the exercise of the right to equal access to public service is carried out on the example of service in the internal affairs bodies.

According to the author of the article, the social and legal activity of an increasing number of women with participation in the management of state affairs can ensure gender balance in the service in the internal affairs bodies.

In this regard, the author believes that equal representation of men and women in the service of the internal affairs bodies (police) is a really achievable goal that can be achieved in the foreseeable future. In turn, this may positively affect the effectiveness of the implementation of the constitutional right to equal access to public service.

Key words: constitutional principle, gender equality, civil service, internal affairs bodies.

For citation: Trifonov, V. A. (2022). Ravnnyy dostup grazhdan k gosudarstvennoy sluzhbe: gendernyy aspekt (na primere gosudarstvennoy sluzhby v organakh vnutrennikh del) [Equal access of citizens to public service: gender aspect (on the example of public service in the internal affairs bodies)]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (70). Pp. 99–108. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_4_99

Введение

Проблема эффективности функционирования государственного аппарата в современных реалиях общественной жизни приобретает особую значимость. Успешность работы государства напрямую связана с качеством кадров, которыми комплектуются государственные органы. Государственно-служебная деятельность и связанные с ней правовые отношения – важнейшая сфера жизнедеятельности любой страны, особенно в период, когда государство сталкивается с серьезными вызовами и угрозами.

Принцип формального равенства

Исследование конституционного принципа равенства при доступе к государственной службе в гендерном аспекте невозможно без установления содержания понятия «формальное равенство». Говорить о формальном равенстве будем с учетом содержания понятия «равенство». В математической интерпретации данное понятие может восприниматься как отношение между какими-либо величинами или высказываниями, «которое верно тогда и только тогда, когда оба высказывания (величины) представляют один и тот же объект, т. е. когда все, что относится к одному из них, в точности и полностью относится и к другому...» [5, с. 440].

В настоящее время в отечественной юридической науке важное значение имеет использование преобразующего познавательного потенциала теоретических наработок из области философско-правовой науки для решения актуальных проблем современности в различных областях общественной и государственной жизни. В связи с этим полагаем необходимым обратиться к результатам подобного рода исследований при рассмотрении заявленной проблематики.

В. В. Лапаева, исследуя принцип формального равенства, отмечает, что данный феномен (равенство) может быть исключительно формальным. По ее мнению, основной вопрос, который возникает при исследовании равенства, заключается не в том, что это понятие имеет место в реальной жизни или является лишь теоретической конструкцией (абстракцией). В данном случае наибольший интерес представляет проблема понимания принципа формального равенства с точки зрения такого понятия, как «равная мера». Рассмотрение формального равенства в качестве принципа, осуществленное В. В. Лапаевой, позволяет данному ученому сделать интересный вывод: «формальное равенство как сущность права – это не заданное раз и навсегда «чистое» равенство между деянием и воздаянием, а гораздо

более сложная, исторически изменчивая модель равенства, содержание которого уточняется по мере правового развития человечества» [6, с. 80].

Далее обратимся к другому подходу к пониманию формального равенства, разработанному известным отечественным теоретиком права В. С. Нерсесянцем. Говоря о либертарно-юридической теории понимания права, нужно отметить следующее. В рамках названного подхода равенство – это единство трех составляющих, а именно трех сущностных характеристик – всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости [8, с. 50]. Стоит также добавить, что, согласно суждениям приведенного автора данной теории, эти характеристики «взаимосвязаны между собой и существование их по отдельности невозможно» [9].

Рассмотренный нами выше подход к пониманию равенства имеет огромное значение для юридической науки и практики, поскольку он дал внятные критерии отграничения права от произвола. Особенно это было важно для оценки нормативного массива, формирующегося после прекращения существования советского государства и появления молодой, строящейся на принципах правового государства, страны. Появилась возможность выявления изъянов правового регулирования в той или иной сфере, т. е. насколько оно «отклоняется от правового стандарта качества права как равенства людей в их свободе» [7, с. 15].

Е. Ю. Зарубаева и Д. В. Юдин при исследовании принципа формального равенства в современных концепциях отечественного правопонимания указывают, что с позиции легистской концепции правопонимания индивиды признаются формально равными, при этом свобода не абсолютна, так как «ограничена волей, которая диктуется государством»¹. В связи с этим: «По версии легистского позитивизма, законы как соответствующую «реплику» законодателя можно только комментировать, но нельзя оценивать с позиции правовых ценностей и правовых принципов. Исходя из этой концепции, человек с его правами существует в государстве не в качестве свободного субъекта, а в виде объекта государственной власти» [3, с. 9–15]. Представленная позиция подтверждается наличием возможности у государства ограничивать права и свободы. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом...»².

¹ Зарубаева Е. Ю., Юдин Д. В. Принцип формального равенства в современных концепциях отечественного правопонимания (часть 1) // *Глаголь правосудия*. 2020. С. 33.

² Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

В контексте исследуемой проблемы представляется необходимым обратиться к еще одному интересному подходу к правопониманию, а именно, социологическому подходу. Так, по мнению Ю. И. Гревцова, предложившего названный подход: «Врожденность, неотъемлемость естественных прав и свобод человека есть не что иное, как легитимность пользования и отстаивания таких прав каждым человеком, независимо от пола, социальной роли и даже гражданства» [4, с. 92].

Таким образом, в правовом смысле формальное равенство представляет собой изменяющееся сообразно с юридическими и фактическими реалиями общественной жизни правовое явление, в основе которого лежат свобода и справедливость, при этом степень свободы человека и объем его прав определяются органами государственной власти и закрепляются в нормативном правовом массиве государства.

Гендерный аспект реализации конституционного положения о равном доступе к государственной службе

В рамках функционирования российской государственности много внимания уделяется претворению в жизнь конституционного принципа равенства, который нашел отражение в ч. 1 ст. 19 Конституции РФ. Названное конституционное положение получило развитие в ч. 4 ст. 32 Конституции РФ применительно к институту государственной службы. На высшем законодательном уровне появилось следующее положение: «граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе». Российское законодательство на всех уровнях закрепляет принцип равных прав мужчин и женщин.

Заявленный в заголовке второй части настоящей статьи аспект рассматриваемой проблемы рассматривается при условии установления содержания понятий «гендер», «пол» и «гендерное равноправие». Сегодня термин под названием «пол» претерпевал значительные изменения согласно изменяющимся реалиям жизни общества в разные эпохи¹. В Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием касательно гендерного аспекта написано: «социально сконструированные роли, поведение, деятельность и характеристики, которые определенное общество рассматривает как присущие женщинам и мужчинам»².

¹ Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности в Европе. Страсбург: Изд-во Совета Европы, 2012.

² Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 01.07.2022).

Обращаясь к пониманию слов «гендер» и «гендерный» с точки зрения ВОЗ эти понятия относятся к социальной сфере, в то время как пол является биологически predetermined [1, с. 24]. В словаре гендерных терминов гендер определяют иначе¹. Сравнение понятий «пол» и «гендер» позволяет говорить о том, что данные категории имеют схожий смысл и содержание, однако первое понятие характеризует человека в большей степени с биологической стороны, второе – с социальной стороны. Пол человека биологически predetermined. Гендер (гендерная принадлежность человека) – социально приобретаемая характеристика. Возможна ситуация, когда человек демонстрирует поведение, отличное от социальных и культурных норм, которые предписаны обществом. Что касается гендерного равноправия – то этот термин, как правило, связывают с равноправием между мужчиной и женщиной. Большая часть людей осознает свою принадлежность к одному из полов – мужскому или женскому.

Интересную интерпретацию гендерного равенства предлагает Ю. А. Акимова [1, с. 29]. При этом гендерное равноправие не сводится только к формальному равенству представителей мужского и женского пола. Представляется необходимым рассматривать данную проблему в более широком смысле.

Гендерный аспект равенства при доступе к государственной службе в органах внутренних дел

Рассмотрение гендерного аспекта равноправия при реализации права на равный доступ к государственной службе осуществим на примере службы в органах внутренних дел. Последнее время представители женского пола занимают все более активную жизненную позицию и принимают активное участие в общественно-политической жизни Российской Федерации, а также исполняют обязанности государственных служащих.

Проблема обеспечения гендерного равенства (гендерного баланса) на государственной службе – важнейший аспект более обширной проблемы равнодоступности деятельности по участию в управлении делами государства при замещении должности государственного служащего.

В процессе дальнейших рассуждений попытаемся дать ответ на вопрос, необходимо ли обеспечить равное представительство мужчин и женщин на службе в органах внутренних дел (полиции). В последние годы наметилась тенденция к увеличению доли женщин-сотрудников в органах внутренних дел.

¹ Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002.

В ряде подразделений численность таких сотрудников колеблется от 20 до 50 % (в зависимости от характера деятельности подразделения). Происходит это в контексте общего курса на увеличение представительства женского пола на службе в государственных структурах и органах, осуществляющих правоохранительную функцию.

Несмотря на позитивные сдвиги в формировании гендерного равенства (гендерного баланса) в органах внутренних дел, проблемы гендерного равенства на службе в органах полиции остаются. Прежде всего, речь идет о таком явлении, как «гендерные стереотипы». Согласно стереотипу и традиционным убеждениям, мужчины как сотрудники правоохранительных органов полагают, что служба в данных органах – это исконно мужская сфера деятельности [2, с. 71]. С указанным выше тезисом можно согласиться лишь отчасти. В начале прошлого столетия началось активное привлечение женщин к службе в полиции сначала в дореволюционной, а затем и советской России. В 1919 г. в результате сокращения численности Петроградской милиции почти на 80 % Народным комиссариатом внутренних дел было принято решение об организации в Петрограде женской милиции¹. Все это свидетельствует о достаточно продолжительной истории пребывания женщин на службе в органах охраны правопорядка.

Другой, не менее важной проблемой является появление в поведении женщин-сотрудников черт характера, присущих больше мужскому полу, и утрата типичных женских черт и качеств (мягкость, доброта, чувствительность и т. п.). Особенно это касается подразделений органов внутренних дел, служба в которых связана с повышенным риском для жизни и личной безопасности сотрудников. В связи с этим полагаем важным отметить следующее. Появление у женщин-сотрудников большей мужественности в силу характера их служебной деятельности – вполне нормальное явление, и придавать данному вопросу статус крупной проблемы было бы преувеличением. При этом совсем необязательно думать, что в процессе служебной деятельности у женщин-сотрудников произойдет утрата типичных женских качеств.

Заключение

В сложных условиях функционирования государственного аппарата требования к его кадровому составу предъявляются самые высокие. Обеспечить выполнения государственных

¹ Харитонов П. Д. История службы женщин в полиции [Электронный ресурс]. URL: <https://www.9111.ru/questions/777777771164877/> (дата обращения: 14.07.2022).

функций достаточно сложно. Особенно это относится к сфере обеспечения порядка и безопасности в государстве. Вместе с тем открываются возможности к расширению круга лиц, претендующих на замещение должностей на государственной службе. В том числе за счет более активного привлечения к государственной службе представителей прекрасной половины человечества (речь идет о женщинах).

Последние тенденции в комплектовании кадров свидетельствуют о большем представительстве женщин на службе в органах внутренних дел и приближении к достижению гендерного баланса на службе в этих органах. Обеспечение равного доступа к государственной службе трудно представить без обеспечения гендерного баланса и равноправия мужчин и женщин при реализации их конституционных прав, в том числе права на равный доступ к государственной службе.

Не секрет что в нашей стране имеются устоявшееся в массовом сознании гендерные стереотипы. Увеличение числа женщин на государственной службе позволит уйти от стереотипов относительно деления профессий на «мужские» и «женские», лучшей квалификации мужчин по сравнению с женщинами и ряд других стереотипов. Необходимо продолжить целенаправленную работу по обеспечению гендерного равенства (баланса) на службе в органах внутренних дел. Исключить (свести к минимуму) дискриминацию по признаку пола. Гендерный баланс позволит наполнять служебные коллективы органов внутренних дел более квалифицированными и разнообразными кадрами. Разнообразие способствует развитию коллектива. Необходимо популяризировать профессию полицейского среди женского населения нашего государства, стремиться увеличивать представительство женщин-сотрудников в подразделениях органов внутренних дел, в которых мала доля сотрудников женского пола.

Активная социально-правовая позиция, позволяющая все большему числу женщин активно участвовать в управлении делами государства, только укрепляет уверенность в необходимости гендерного баланса на службе в полиции. В связи с этим можно предположить, что равное представительство мужчин и женщин на службе в органах внутренних дел (полиции) будет обеспечено в уже обозримой перспективе. В свою очередь это позволит улучшить положение женщин в трудовой деятельности. Обеспечить всестороннее социальное развитие женщин, реализовать их личностный потенциал в профессиональной деятельности на благо общества и государства.

Список литературы

1. Акимова Ю. А. Конституционная концепция гендерного равноправия // Государственная служба и кадры. – № 2. – 2018. – С. 22–32.
2. Андрианов А. С., Медведев И. В., Семенов В. В. Проблемы женщин-сотрудников правоохранительных органов // Мир науки. Культуры. Образования. – № 4. – 2019. – С. 71–73.
3. Баранов П. П. Легистский позитивизм в современной России // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2015. – № 1. – С. 9–15.
4. Гревцов Ю. И. Социология права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 310 с.
5. Кондаков Н. И. Логический словарь. – М., 1971. – 721 с.
6. Лапаева В. В. Правовой принцип формального равенства // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 67–80.
7. Лапаева В. В. Либертарно-юридическая философия права как инструмент осмысления актуальных социально-правовых проблем // Труды института государства и права Российской Академии наук. – 2021. – № 6. – С. 11–37.
8. Нерсесянц В. С. Философия права. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 835 с.
9. Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3–15.

References

1. Akimova, Iu. A. (2018) Konstitutsionnaia kontseptsiaia gendernogo ravnopraviiia [Constitutional concept of gender equality]. *Gosudarstvennaia sluzhba i kadry – Public service and personnel*. No. 2. Pp. 22–32. (In Russian).
2. Andrianov, A. S., Medvedev, I. V., Semenov, V. V. (2019) Problemy zhenshchin-sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Problems of women law enforcement officers]. *Mir nauki. Kul'tury. Obrazovaniia – The world of science. Culture. Education*. No. 4. Pp. 71–73. (In Russian).
3. Baranov, P. P. (2015) Legistskii pozitivizm v sovremennoi Rossii [Legist positivism in modern Russia]. *Severo-Kavkazskii iuridicheskii vestnik – North Caucasian legal bulletin*. No. 1. Pp. 9–15. (In Russian).
4. Grevtsov, Iu. I. (2001) *Sotsiologiiia prava* [Sociology of law]. Sankt-Peterburg: Iuridicheskii tsentr Press. (In Russian).
5. Kondakov, N. I. (1971) *Logicheskii slovar'* [Logical Dictionary]. Moskva. (In Russian).
6. Lapaeva, V. V. (2008) Pravovoi printsip formal'nogo ravenstva [The legal principle of formal equality]. *ZHurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 2. Pp. 67–80. (In Russian).
7. Lapaeva, V. V. (2021) Libertarno-iuridicheskaiia filosofiiia prava kak instrument osmysleniia aktual'nykh sotsial'no-pravovykh problem [Libertarian-legal philosophy of law as a tool for understanding current socio-legal problems]. *Trudy instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi Akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. No. 6. Pp. 11–37. (In Russian).
8. Nersesians, V. S. (2013) *Filosofiiia prava* [Philosophy of Law]. Moskva: Norma: NITS INFRA-M. (In Russian).
9. Nersesians, V. S. (2002) Filosofiiia prava: libertarno-iuridicheskaiia kontseptsiaia [Philosophy of law: libertarian legal concept]. *Voprosy filosofii – Questions of Philosophy*. No. 3. Pp. 3–15. (In Russian).

Об авторе

Трифонов Виталий Анатольевич, преподаватель кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-2029-1963, e-mail: vtr_28.88@mail.ru.

About the author

Vitaly A. Trifonov, Lecturer of the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-2029-1963, e-mail: vtr_28.88@mail.ru

Поступила в редакцию: 03.11.2022

Принята к публикации: 06.12.2022

Опубликована: 30.12.2022

Received: 03 November 2022

Accepted: 06 December 2022

Published: 30 December 2022

Развитие нотариата в эпоху цифровизации

Р. Б. Булатов

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрены вопросы цифровизации в деятельности одного из важнейших правовых институтов России – нотариата; ключевые моменты, позволяющие нотариату совершенствоваться и взаимодействовать с участниками гражданских правоотношений, используя внедряемые цифровые инструменты.

Особое внимание уделено анализу новых законодательных дополнений к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате, в частности характеристике видов цифровых технологий, используемых нотариусом в ходе совершения нотариальных действий при оказании услуг юридическим и физическим лицам. Подводятся позитивные результаты активного внедрения цифровизации в деятельность нотариусов, благодаря чему значительно повысилась эффективность предоставляемых услуг.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, нотариат, цифровизация, нотариальные услуги, коронавирус, информационное общество.

Для цитирования: Булатов Р. Б. Развитие нотариата в эпоху цифровизации // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 109–117. DOI 10.35231/18136230_2022_4_109

Digitalization and its impact on the development of the notary

Rashid B. Bulatov

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article discusses the issues of digitalization in the activities of one of the most important legal institutions in Russia – the notary; the key points that allow the notary to improve and interact with participants in civil legal relations using the digital tools being introduced.

Special attention is paid to the analysis of new legislative additions to the Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on the notary, in particular, the characteristics of the types of digital technologies used by a notary in the course of performing notarial actions in the provision of services to legal entities and individuals; the positive results of the active implementation of digitalization in the activities of notaries are summed up, thanks to which the efficiency of the services provided has significantly increased.

Key words: law, digital technologies, notary, digitalization, notary services, coronavirus, information society.

For citation: Bulatov, R. B. (2022). Razvitiye notariata v epokhu tsifrovizatsii [Digitalization and its impact on the development of the notary]. Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal. No 4 (70). Pp. 109–117. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_4_109

Современные тенденции развития научно-технических достижений видоизменяют способ взаимодействия популярной модели поведения человека в иную, отличную от привычной. Новейшие способы взаимодействия человека и предметов современных устройств внедряются в человеческую жизнь и широко применяются в разнообразных сферах деятельности.

Цифровые новшества создают основу для возникновения и развития нового витка общественных отношений. Наряду с технологическим прогрессом человечество нуждается в том числе и в реструктуризации правового регулирования с применением новейших технологий.

Цифровизация оказывает существенное влияние на развитие такого рода взаимоотношений, как «продавец-покупатель», что в результате анализа рынка приводит к образованию нового этапа глобализации. В том числе адаптация цифровой среды в разрезе взаимодействия гражданина и какого-либо государственного органа применима и к использованию цифровых технологий в сфере деятельности нотариата в соответствии с дополнениями к закону «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате». В законе сказано о необходимости при совершении нотариальных действий использовать следующие цифровые технологии:

Машинопечатная маркировка документов – заключается в автоматизированной проверке информации о нотариальном документе, предоставленном заявителем, с использованием машиночитаемой маркировки. Данная маркировка документа позволяет идентифицировать и сопоставлять сведения о нем, и о нотариусе, совершившем нотариальное действие.

Биометрическая идентификация – информация о персональных данных гражданина, содержащейся в единой информационной системе нотариата (ЕИС), позволяет нотариусу идентифицировать личность заявителя в случае отсутствия документа, удостоверяющего личность.

В связи с необходимостью получения сведений, необходимых для ведения наследственного дела, нотариусы получили право запрашивать сведения из банков наследодателя.

Открытые сведения – существует публичный реестр наследственных дел, с помощью которого, имея под рукой данные о наследодателе, возможно найти информацию о наследственном деле в открытом доступе [6, с. 40–44].

Несмотря на необходимость и высокую частоту обращения юридическими и физическими лицами за оказанием нотари-

альных услуг, в правовой системе Российской Федерации нотариусы, пожалуй, одни из последних, освоили информационные технологии. Этому есть простое и понятное объяснение – большинство нотариальных действий требуют тщательного, порою экспертного изучения подлинников на бумаге. Но невозможно было и этой части правовой системы в современном стремительном мире оставаться в стороне и не внедрять средства коммуникации, информационных систем и сетей [7, с. 258].

Нотариат в Российской Федерации за историю своего развития преодолел длинный путь от бумажного документооборота до цифрового. Современные цифровые технологии внесли в нотариальную систему документирования возможность быстрого и ускоренного выполнения нотариальных процедур. Система нотариата нашей страны стала современной и высокотехнологичной, что позволяет каждому нотариусу пользоваться единой системой электронного нотариата и использовать в работе собственную электронную подпись.

Внедрение цифровых технологий позволяет позитивно изменить правоотношения граждан и государства в лице нотариата, значительно облегчить получение населением нотариальных услуг.

Не так давно правительством России была принята федеральная программа под названием «Информационное общество» (Постановление Правительства № 313 от 15.04.2014), что положило начало развитию в сфере цифровизации одного из важнейших институтов защиты прав – нотариата¹.

По состоянию на сегодняшний день, хотелось бы подчеркнуть, что благодаря активному внедрению цифровизации в деятельность нотариусов значительно увеличились спрос и объем совершаемых нотариусами действий, а также сократились временные затраты на их совершение, что обеспечивает эффективность предоставляемых услуг.

Согласно статистике, уже к 2022 г. граждане, в том числе владельцы бизнеса, отметили и оценили ряд преимуществ, связанных с нововведенными правовыми инструментами нотариата. Благодаря тому, что нотариусы совершают нотариальные действия в электронной форме, сократилось время ожидания

¹ Нотариальные «электронные доверенности» входят в повседневный оборот // [Электронный ресурс]. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/notarialnye-elektronnye-doverennosti-vhodyat-v-povsednevnyy-oborot> (дата обращения: 10.08.2022); Единая информационная система нотариата – пять лет опережающего развития [Электронный ресурс]. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/edinaya-informacionnaya-sistema-notariata-pyat-let-operezhayushhego-razvitiya> (дата обращения: 10.08.2022).

документов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, предоставленных на государственную регистрацию.

В связи с распространением коронавируса и введением режима самоизоляции в 2020 г. изменился привычный ритм жизни людей. Однако, несмотря на существующие на тот момент ограничительные меры, не переставали возникать правовые вопросы, в решении которых требовалось участие нотариуса, так как в ряде отдельных случаев квалифицированная помощь нотариуса является единственным вариантом разрешения возникшей проблемы.

В период пандемии Федеральной нотариальной палатой были созданы дежурные нотариальные конторы, которые соблюдали санитарные нормы и придерживались мер социального дистанцирования, тем самым обеспечивая возможность получения гражданами и представителями бизнеса своевременной помощи [3].

Также был введен новый формат совершения нотариальных действий в виде возможности удаленного обращения граждан и предпринимателей к нотариусу при помощи подачи заявления о совершении нотариального действия, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью заявителя или его представителя через единую систему нотариата или единый портал госуслуг, которая, согласно Федеральному закону от 27.12.2019 № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» проверяется нотариусом в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи»¹.

Нотариус работает по принципу «одного окна», получает документы от заявителя и далее самостоятельно осуществляет обмен данными с ведомствами путем использования цифровой платформы.

Пандемия коронавирусной инфекции «обязала» ускорить развитие электронного формата работы нотариусов и выявила повышенный спрос граждан и юридических лиц в использовании электронных сервисов нотариата.

¹ Новые «цифровые» инструменты для граждан и бизнеса: шесть лет Единой информационной системе нотариата [Электронный ресурс]. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/novye-cifrovye-instrumenty-dlya-grazhdan-i-biznesa-shest-let-edinoj-informacionnoj-sisteme-notariata> (дата обращения 10.08.2022); Нотариальная деятельность в условиях пандемии: новые данные статистики // [Электронный ресурс]. URL: notariat.ru/ru-ru/news/potrebnost-naseleniya-v-notarialnoj-pomoshi-v-usloviyah-pandemii-novye-dannye-statistiki (дата обращения 10.08.2022).

Одним из значимых действий на пути внедрения и применения цифровых технологий в деятельности нотариата явилось принятие Федерального закона от 27 декабря 2019 года № 480 – ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который в обиходе применяется под названием «О цифровом нотариате».

Указанный нормативный документ позволил на практике увеличить количество нотариальных действий, совершаемых в электронной форме, минуя непосредственную явку к нотариусу, а только лишь воспользовавшись информационно-телекоммуникационной сетью Интернет. Важнейшая предпосылка совершения таких нотариальных действий – отсутствие установления волеизъявления обратившегося лица [7, с. 260].

В качестве примера таковыми могут являться: свидетельство о верности перевода документов с одного языка на другой; принятие в депозит денежных средств; депонирование безналичных денежных средств или бездокументарных ценных бумаг; обеспечение доказательств в виде осмотра сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и т. п.

Однако данное новшество влечет за собой для Федеральной нотариальной палаты и решение ряда важных задач по разработке непосредственного механизма реализации новшества, а также защите персональных данных, претендующих на получение такого вида нотариальной услуги. На наш взгляд, весьма прогрессивным и актуальным из нотариальных новшеств стало новое правило, которое заключается в том, что сделка удостоверяется не одним, а двумя (и даже более) нотариусами.

Такое новшество, с учетом географической протяженности границ Российской Федерации, позволит реализовать взаимные интересы участников гражданских правоотношений как юридических лиц, так и граждан (физических лиц). Кроме того, указанная новация явно содержит значительные достоинства по сокращению как материальных затрат, в том числе транспортных, так и моральных издержек – на непосредственное присутствие в одной и той же нотариальной конторе одного муниципального субъекта. При этом представляется очевидным, что оплаченный каждому из нотариусов тариф не будет условием для снижения или невостребованности рассматриваемого нотариального действия [1].

Несмотря на сказанное, «дистанционка» данного вида сделок не ограничивается исключительно ее введением.

Федеральная нотариальная палата и Министерство юстиции перспективно планируют выработать и внедрить детально корпоративный регламент делового общения нотариусов в ЕИС. Таким образом, конкретизировать основные этапы взаимодействия в рамках описанной выше процедуры на сегодняшний момент достаточно рано. Статья 53.1. Основ законодательства о нотариате закрепляет весьма общие позиции взаимодействия нотариусов и участников сделки, в том числе: создание посредством ЕИС проектов сделки для участников соответственно их договоренностям; процедуру подписания с применением простой электронной подписи участниками согласованного договора, а также его бумажного аналога [6, с. 40–44].

Сложно переоценить работу, проведенную сообществом нотариусов в целях реализации, внедрения и расширения защиты и охраны прав и законных интересов юридических лиц и граждан цифровой программы «Информационное общество». Активное внедрение во все сферы жизнедеятельности информационных технологий значительно минимизирует гражданские правоотношения. При этом нотариат демонстрирует обратную связь путем активного отклика на все новации современных технологий, в том числе во внедрении «дистанционки» сделок несколькими нотариусами и реализации нотариальных действий посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также обязательностью использования в работе ЕИС. Есть и еще одно позитивное достижение в связи с этим – снижение трат времени, денежных расходов, доступность и легкость, что минимизирует нотариальную формальную волокиту, которая наблюдалась ранее, и будет в целом способствовать удовлетворенности работой нотариата обращающихся за услугами граждан и юридических лиц.

Единая информационная система нотариата является прогрессивным началом улучшения эффективности работы нотариата в сфере оказываемых им услуг многочисленным гражданам и юридическим лицам, которые нуждаются в этом. И мы наблюдаем прогрессивную динамику этого развития: документооборот в электронной форме повсеместно распространяется и в сфере публичных правоотношений.

Таким образом, цифровизация любых процессов неразрывно связана с жизнью и деятельностью человека. Существует множество предпосылок для увеличения числа действий, совершаемых нотариусом посредством использования цифровых

технологий. Современный нотариат не отстает от развития других институтов российской правовой системы.

Список литературы

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. №4462-1 (в ред. от 14 июля 2022 г. № 339-ФЗ) // ВСНД и ВС РФ. – 1993. – № 10.
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 2 июня 2022 г. № 1016) // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18 (часть II). – ст. 2159.
3. Об электронной подписи: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г. № 339-ФЗ) // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – ст. 2036.
4. Разъяснения по ряду вопросов в сфере нотариата: Письмо Министерства юстиции РФ от 13 августа 2014 г. №16-71832 // Нотариальный Вестник. – 2014.
5. Тымчук Ю. А. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью двумя и более нотариусами: преимущества и перспективы // Нотариус. – 2020. – № 2. – С. 15–18.
6. Углицких Д. В. К вопросу «электронного нотариата»: правовые аспекты регулирования и проблемы практики // Нотариус. – 2020. – № 4. – С. 40–44.
7. Федорнак О. А. Развитие электронного нотариата в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2020. – № 43 (333). – С. 258–260.

References

1. Osnovy ` zakonodatel ` stva Rossijskoj Federacii o notariate ot 11 fevralya 1993 g. №4462-1 (v red. ot 14 iyulya 2022 g. № 339-FZ) [Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on Notaries] // VSND i VS RF. 1993. № 10 (In Russian).
2. Ob utverzhenii gosudarstvennoj programmy ` Rossijskoj Federacii «Informacionnoe obshhestvo»: Postanovlenie Pravitel ` stva RF ot 15.04.2014 № 313 (red. ot 2 iyunya 2022 g. № 1016) [On the approval of the state program of the Russian Federation "Information Society"] // Sobranie Zakonodatel ` stva Rossijskoj Federacii. 2014. № 18 (chast ` II). st. 2159 (In Russian).
3. Ob e ` lektronnoj podpisi: Federal ` ny ` j zakon ot 6 aprelya 2011 g. № 63-FZ (v red. ot 14 iyulya 2022 g. № 339-FZ) [On Electronic Signature] // Sobranie Zakonodatel ` stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 15. st. 2036 (In Russian).
4. Raz ` yasneniya po ryadu voprosov v sfere notariata: Pis ` mo Ministerstva yusticii RF ot 13 avgusta 2014 g. №16-71832 [Clarifications on a number of issues in the field of notarization] // Notarial ` ny ` j Vestnik. 2014. (In Russian).
5. Ty ` mchuk, Yu. A. (2020) *Notarial ` noe udostoverenie sdelok s nedvizhimos ` tyu dvumya i bolee notariusami: preimushhestva i perspektivy `* [Notarization of real estate transactions by two or more notaries: advantages and prospects] // Notarius. № 2. Pp. 15–18 (In Russian).

6. Ugliczkix, D. V. (2020) *K voprosu «e`lektronnogo notariata»: pravovye aspekty regulirovaniya i problemy` praktiki* [On the issue of "electronic notary": legal aspects of regulation and problems of practice] // Notarius. № 4. Pp. 40–44. (In Russian).

7. Fedornak, O. A. (2020) *Razvitie e`lektronnogo notariata v Rossijskoj Federacii* [Development of electronic notary in the Russian Federation] // Molodoj uchenyj. № 43 (333). Pp. 258–260. (In Russian).

Об авторе

Булатов Рашид Борисович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры публичного права, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: bulatovrash@mail.ru

About the author

Rashid B. Bulatov, Dr. Sci. (Law), Assistant Professor, Professor of the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: bulatovrash@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.11.2022
Принята к публикации: 06.12.2022
Опубликована: 30.12.2022

Received: 10 November 2022
Accepted: 06 December 2022
Published: 30 December 2022

Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в гражданском процессе отдельных стран Содружества Независимых Государств

Е. А. Нахова¹, Д. В. Волков²

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России),
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются проблемы понятия и правовой природы предмета доказывания и распределения обязанностей по доказыванию в гражданском судопроизводстве в странах Содружества Независимых Государств. Указывается на необходимость фундаментального пересмотра российской теории доказательств и внесения необходимых изменений в процессуальное законодательство с учетом положительного опыта правового регулирования предмета доказывания в процессуальном законодательстве других государств и рецепции отдельных положительно апробированных норм процессуального законодательства зарубежных стран с точки зрения регулирования предмета доказывания и распределения обязанностей по доказыванию в российском процессуальном законодательстве. Отмечается, что достоинством процессуального законодательства Республики Беларусь в части регулирования предмета доказывания и обязанностей по доказыванию следует признать закрепление правовой категории «предмет доказывания» в действующем процессуальном законодательстве. Правовые презумпции как основания освобождения от доказывания установлены гражданским процессуальным законодательством Республики Беларусь и Казахстан. Однако процессуальное законодательство стран СНГ, в том числе и Российской Федерации, не устанавливает общего механизма определения предмета доказывания с учетом вида нормы материального права, применимой к спорным правоотношениям.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство в странах Содружества Независимых Государств, российское процессуальное законодательство, концепция реформирования гражданского процессуального законодательства, доказательственное право, предмет доказывания, обязанности по доказыванию.

Благодарности. Фундаментальные исследования Михаила Константиновича Треушников, Александра Тимофеевича Боннера, наших учителей, послужили отправной точкой настоящего исследования. Глубокое осмысление научных взглядов исследователей привело к необходимости проведения детального анализа норм о предмете доказывания и обязанностях по доказыванию в российском и зарубежном процессуальном законодательстве.

Для цитирования: Нахова Е. А., Волков Д. В. Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в гражданском процессе отдельных стран Содружества Независимых Государств // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 118–135. DOI 10.35231/18136230_2022_4_118

The subject of proof and the distribution of evidentiary duties in the civil proceedings of individual countries of the Commonwealth of Independent States

Elena A. Nakhova¹, Dmitry V. Volkov²

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg Institute (Branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Saint Petersburg, Russian Federation

The article deals with the problems of the concept and legal nature of the subject of proof and the distribution of evidentiary duties in civil proceedings in the countries of the Commonwealth of Independent States. The author points out the need for a fundamental revision of the Russian theory of evidence and making the necessary changes to procedural legislation, taking into account the positive experience of legal regulation of the subject of proof in the procedural legislation of other states and the reception of certain positively tested norms of procedural legislation of foreign countries from the point of view of regulating the subject of proof and the distribution of evidentiary duties in Russian procedural legislation. The author notes that the advantage of the procedural legislation of the Republic of Belarus in terms of regulating the subject of proof and the duties of proof should be recognized as the consolidation of the legal category «subject of proof» in the current procedural legislation. Legal presumptions as grounds for exemption from proof are established by the civil procedural legislation of the Republics of Belarus and Kazakhstan. However, the procedural legislation of the CIS countries, including the Russian Federation, does not establish a general mechanism for determining the subject of proof, taking into account the type of substantive law applicable to disputed legal relations.

Key words: civil proceedings in the countries of the Commonwealth of Independent States, Russian procedural legislation, the concept of reforming civil procedural legislation, evidentiary law, the subject of proof, the duties of proof.

Gratitudes. The fundamental research of Mikhail Konstantinovich Treushnikov, Alexander Timofeevich Bonner, our teachers, served as the starting point of this research. A deep understanding of the scientific views of researchers has led to the need for a detailed analysis of the implementation of certain procedural rules of evidentiary law in the arbitration court of the first instance.

For citation: Nakhova, E. A. Volkov, D. V. (2022). Predmet dokazyvaniya i raspredeleniye obyazannostey po dokazyvaniyu v grazhdanskom protsesse otdel'nykh stran Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv [The subject of proof and the distribution of evidentiary duties in the civil proceedings of individual countries of the Commonwealth of Independent States]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (70). Pp. 118–135. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_4_118

Введение

Обновление норм о доказательствах неизбежно в условиях совершенствования российского процессуального законодательства в направлении унификации и оптимизации судебных процедур, усилении функции судебной власти, реформировании судебной системы. Вместе с тем задачами судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений. Правильное определение судом предмета доказывания по делу имеет огромное практическое значение. Неправильное или неполное определение судом обстоятельств предмета доказывания является основанием для отмены состоявшегося судебного акта, указанное основание относится к нарушению требования обоснованности судебного акта. Нарушение судом обязанности по определению предмета доказывания по делу порождает нарушение принципов состязательности и равноправия сторон в судебном разбирательстве, которое влечет за собой нарушение более общего права – права на справедливое судебное разбирательство. Неправильное или неполное определение обстоятельств предмета доказывания отражается на правильности распределения обязанностей по доказыванию, представлению относимых, допустимых и достаточных доказательств в целом либо одной из сторон. При этом нарушается компонент процессуального элемента права на справедливое судебное разбирательство, а именно права на равные процессуальные возможности при рассмотрении конкретного дела. Следует также отметить, что многие категории доказательственного права можно признать дискуссионными, что в полной мере можно отнести к категории «предмет доказывания» в гражданском судопроизводстве. Вместе с тем в доктрине отдельными учеными указывается на необходимость фундаментального пересмотра теории доказательств. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность исследования проблематики предмета доказывания в гражданском судопроизводстве на настоящем этапе развития процессуальной доктрины, действующего процессуального законодательства и судебной практики. С учетом необходимости фундаментального пересмотра теории доказательств и внесения необходимых изменений в процессуальное законодательство представляется правильным учитывать положительный опыт правового регулирования предмета доказывания в процессуальном законодательстве других государств

и рецепировать отдельные, положительно апробированные нормы процессуального законодательства зарубежных стран в части регулирования предмета доказывания и распределения обязанностей по доказыванию в российское процессуальное законодательство.

Обзор литературы

В отечественной процессуальной доктрине проблематика предмета доказывания и обязанностей по доказыванию рассматривалась в трудах ряда исследователей. Впервые категория «предмет доказывания» была упомянута в трудах Малышева К. И. «Курс гражданского судопроизводства»¹, Гамбаров Ю. С. «Курс лекций по гражданскому процессу»². В советский период фундаментальные исследования категории «предмета доказывания» осуществлены Штутиным Я. Л. «Предмет доказывания в советском гражданском процессе», 1963 [20], Лилуашвили Т. А. «Предмет и бремя доказывания в советском гражданском процессе», 1957 [14], Л. П. Смышляевым «Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе», 1961 [17]. Значимый вклад в развитие учения о предмете доказывания в гражданском судопроизводстве внесли К. С. Юдельсон [21], А. Ф. Клейнман [11], С. В. Курьелев [13], Н. Б. Зейдер [10], М. К. Треушников [18], А. Т. Боннер [5-7], Л. А. Ванеева [8], И. В. Решетникова [15], В. В. Ярков [22], В. В. Молчанов³, О. В. Баулин [4], А. Г. Коваленко [12], И. М. Зайцев [9], М. А. Фокина⁴, С. Ф. Афанасьев [3], Д. Б. Абушенко [1], С. М. Амосов [2], М. А. Рожкова [16], И. Г. Ренц⁵ и др.

Предмет доказывания и обязанности по доказыванию в гражданском процессуальном законодательстве Республики Беларусь

По смыслу гражданского процессуального законодательства Республики Беларусь предметом доказывания являются все факты, имеющие значение для разрешения дела. Законодателем закреплен термин «предмет доказывания». Общее правило распределения обязанностей по доказыванию уста-

¹ Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства: в 3 т. СПб., 1874. Т.1. 437 с.

² Гамбаров Ю. С. Курс лекций по гражданскому процессу. СПб., 1894–1895. 778 с.

³ Молчанов В. В. Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве: учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2015. 354 с.

⁴ Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. М.: Статут, 2014. 496 с.

⁵ Ренц И. Г. Факты и доказательства в международном гражданском процессе: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 351 с.

новлено ст. 179 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК РБ)¹, при этом презумпции отнесены к правилам перераспределения обязанностей по доказыванию: факты, которые, согласно закону, предполагаются установленными, не подлежат доказыванию. Однако в опровержение их могут быть представлены доказательства. В качестве оснований освобождения от доказывания рассматриваются общеизвестные факты, преюдициально установленные факты (ст. 182 ГПК РБ). При этом признание стороной фактов, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, для суда не является обязательным. Суд может считать признанный факт установленным, если у него нет сомнений в том, что признание соответствует обстоятельствам дела. При рассмотрении апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста суд апелляционной инстанции по имеющимся в деле и дополнительно представленным материалам проверяет правильность установления судом первой инстанции фактических обстоятельств дела, применения норм материального и процессуального права. Суд апелляционной инстанции может устанавливать новые факты в пределах требований, заявленных в суде первой инстанции, и исследовать новые доказательства, которые сторона не имела возможности представить суду первой инстанции по причинам, признанным судом апелляционной инстанции уважительными. Если при проверке решения суда первой инстанции в обжалуемой (опротестовываемой) части установлено, что судом нарушены или неправильно применены нормы материального и (или) процессуального права, суд апелляционной инстанции вправе проверить такое решение в полном объеме. В этом случае определение суда апелляционной инстанции должно содержать мотивы, по которым суд пришел к выводу о необходимости такой проверки (ст. 418 ГПК РБ). Решение суда первой инстанции может быть отменено или изменено в апелляционном порядке, если: 1) судом не учтены все факты, входящие в предмет доказывания по делу; 2) факты, положенные судом в основу решения, не подтверждены достаточными и достоверными доказательствами; 3) изложенные в решении выводы суда не соответствуют установленным фактам (ст. 424 ГПК РБ).

¹ Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 года № 238-З (с изм. и доп. по состоянию на 27.05.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415065& (дата обращения: 05.04.2022).

Предмет доказывания и обязанности по доказыванию в гражданском процессуальном законодательстве Республики Казахстан

На основании ч. 2 ст. 73 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – ГПК РК)¹ обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, определяются судом на основании требований и возражений сторон и других лиц, участвующих в деле, с учетом подлежащих применению норм материального и процессуального права. Лицо вправе ссылаться только на те доказательства, которые были раскрыты в ходе подготовки дела к судебному разбирательству либо в ходе судебного разбирательства, в случаях, установленных частью первой настоящей статьи. Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, использовать средства защиты, утверждать, оспаривать факты, приводить доказательства и возражения против доказательств в установленные судьей сроки, которые соответствуют добросовестному ведению процесса и направлены на содействие производству. Бремя доказывания по делам, указанным в гл. 29 ГПК РК, возлагается на органы государственной власти, местного самоуправления, общественного объединения, организации, должностных лиц и государственных служащих, чьи акты, действия (бездействие) обжалуются (ст. 72 ГПК РК). На основании ст. 76 ГПК РК основаниями освобождения от доказывания являются общеизвестные факты, преюдициально установленные факты, презюмируемые факты. Кроме того, обстоятельства считаются также установленными без доказательств, если в рамках надлежащей правовой процедуры не будет доказано обратное: 1) правильность общепринятых в современных науке, технике, искусстве, ремесле методов исследования; 2) знание лицом закона; 3) знание лицом своих служебных и профессиональных обязанностей; 4) отсутствие специальной подготовки или образования у лица, не представившего в подтверждение их наличия документа и не указавшего учебного заведения или другого учреждения, где оно получило специальную подготовку или образование (ч. 7 ст. 76 ГПК РК). Кроме того, не подлежат доказыванию признанные обстоятельства (ч. 2 ст. 79 ГПК РК). При вынесении решения суд оценивает доказательства, определяет,

¹ Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по состоянию на 07.07.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=34329053 (дата обращения: 05.04.2022).

какие обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены и какие не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли заявленное требование удовлетворению. Суд разрешает дело в пределах заявленных истцом требований. Суд после удаления для вынесения решения, признав необходимым выяснить дополнительно обстоятельства, имеющие значение для дела, или исследовать доказательства, выносит определение о возобновлении рассмотрения дела по существу, которое заносится в протокол судебного заседания. После окончания рассмотрения дела по существу суд вновь заслушивает судебные прения, а в случае, предусмотренном ст. 219 ГПК РК, и заключение прокурора (ст. 225 ГПК РК). В мотивировочной части решения указываются кратко обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда о правах и обязанностях; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства, и законы, которыми руководствовался суд. В случае признания иска ответчиком в мотивировочной части может быть указано лишь на признание иска и принятие его судом (ч. 5 ст. 226 ГПК РК). Основаниями к отмене либо изменению решения суда в апелляционном порядке являются: 1) неправильное определение и выяснение круга обстоятельств, имеющих значение для дела; 2) недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела; 3) несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении, обстоятельствам дела (ч. 1 ст. 427 ГПК РК). При рассмотрении дела в кассационном порядке суд проверяет законность судебных актов, вынесенных судами по имеющимся в деле материалам, в пределах доводов ходатайства, представления, протеста. Суд кассационной инстанции в интересах законности вправе выйти за пределы ходатайства, представления или протеста и проверить законность обжалованного, опротестованного судебного акта в полном объеме (ст. 449 ГПК РК). В ГПК РК отсутствует надзорное производство как стадия гражданского судопроизводства.

Предмет доказывания и обязанности по доказыванию в гражданском процессуальном законодательстве Республики Армения

Понятие предмета доказывания в Гражданском процессуальном кодексе Армении (далее – ГПК Армении) отсутствует¹.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 17 июня 1998 года ЗР-247. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1918&lang=rus> (дата обращения: 05.04.2022).

В силу ст. 52 ГПК Республики Армения основаниями освобождения от доказывания являются общеизвестные и преюдициально установленные факты. Признание лицом, участвующим в деле, факта, посредством которого другое лицо основывает свои требования или возражения, для суда не является обязательным. Суд может считать признанный факт установленным, если нет сомнений в том, что признание факта соответствует обстоятельствам дела, и сторона не признала его под влиянием обмана, насилия, угрозы, заблуждения, вследствие злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или с целью сокрытия истины (ч. 2 ст. 64 ГПК Армении). Нет стадии подготовки, в исковом заявлении указываются обстоятельства, на которых основаны требования. При принятии решения суд: 1) оценивает доказательства; 2) определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, выявлены и какие не выявлены; 3) определяет, какие законы и иные правовые акты подлежат применению по данному делу; 4) решает вопрос о полном или частичном удовлетворении иска или об его отказе (ч. 1 ст. 131 ГПК РФ). В мотивировочной части решения должны быть указаны обстоятельства дела, выявленные судом, доказательства, на которых основаны выводы суда, доводы, по которым суд отклоняет те или иные доказательства, а также законы и иные правовые акты, которыми руководствовался суд при принятии решения (ч. 1 ст. 132 ГПК Армении).

Предмет доказывания и обязанности по доказыванию в гражданском процессуальном законодательстве Республики Азербайджан

На основании ст. 82 Гражданского процессуального кодекса Республики Азербайджан (далее – ГПК Республики Азербайджан)¹ основаниями освобождения от доказывания являются общеизвестные и преюдициально установленные факты. В отношении стороны, удерживающей у себя и не представляющей по требованию суда доказательство, суд на основании данных, представленных сторонами, вправе признать установленными обстоятельства, имеющие значение для дела. Признание стороной фактов, на которых другая сторона основывает свои требования и возражения, освобождает последнюю от необходимости дальнейшего доказывания этих фактов. Признание

¹ Гражданский процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 года № 780-IQ) (с изм. и доп. по состоянию на 19.05.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420065 (дата обращения: 05.04.2022).

факта заносится в протокол судебного заседания и подписывается стороной, признавшей факт. Если признание факта изложено в письменном заявлении, оно приобщается к делу. Если у суда имеются сомнения в том, что признание сделано с целью скрыть действительные обстоятельства дела, либо под влиянием обмана, насилия, угрозы или заблуждения, он не принимает признания. В этом случае данные факты подлежат доказыванию на общих основаниях (ст. 106.2–106.4 ГПК Республики Азербайджан). В мотивировочной части решения должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом, доказательства, на которых основаны выводы суда, доводы, приводимые судом для отклонения тех или иных доказательств и законов и правовых актов, на которые ссылаются лица, участвующие в деле, а также законы и нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд. В случае признания иска ответчиком в мотивировочной части решения может быть указано лишь на признание иска и принятие его судом (ст. 220.4 ГПК Республики Азербайджан). Новые доказательства принимаются судом апелляционной инстанции в том случае, если участвующие в деле лица обоснуют невозможность представления данных доказательств в суде первой инстанции по независящим от них причинам (ст. 371 ГПК Республики Азербайджан). Основаниями к отмене решения в апелляционном порядке являются: нарушение норм материального права или норм процессуального права или их неправильное применение; невыяснение всех фактических обстоятельств дела, имеющих существенное значение для выводов суда; недоказанность обстоятельств, имеющих значение для дела, которые были установлены судом первой инстанции; несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении, обстоятельствам дела. Не может быть отменено правильное по существу, законное и обоснованное, с точки зрения фактов решение суда первой инстанции по одним лишь формальным соображениям (ст. 385 ГПК Республики Азербайджан). Нормы материального права считаются нарушенными или неправильно примененными, если суд первой инстанции не применил закона, подлежащего применению, или же неправильно истолковал закон (ст. 386 ГПК Республики Азербайджан). Если при исследовании любых доказательств в суде апелляционной инстанции будут установлены другие фактические обстоятельства, влияющие на исход дела, то это рассматривается как неполное выяснение всех фактических обстоятельств дела, имеющих существенное зна-

чение для исхода дела (ст. 388 ГПК Республики Азербайджан). Обстоятельства, имеющие значение для дела, которые признаны судом установленными, признаются недоказанными судом первой инстанции в тех случаях, когда имеющиеся по делу факты не подтверждаются в решении доказательствами, указанными в законе или подтверждаются недостоверными, противоречивыми, не имеющими отношения к делу доказательствами (ст. 389 ГПК Республики Азербайджан). Доводы, приведенные судом в решении, признаются несоответствующими к обстоятельствам дела в том случае, когда суд, исходя из установленных фактов, пришел к неправильному выводу о взаимоотношениях сторон (ст. 390 ГПК Республики Азербайджан).

Предмет доказывания и обязанности по доказыванию в гражданском процессуальном законодательстве Республики Таджикистан

Статья 58 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – ГПК Республики Таджикистан)¹ определяет, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений при оспаривании этих обстоятельств другой стороной, если иное не предусмотрено законом. Сторона, не выполнившая свою обязанность по доказыванию какого-либо обстоятельства, несет неблагоприятные последствия недоказанности этого обстоятельства. Каждое утверждение одной из сторон об обстоятельствах дела, не оспоренное противоположной стороной, считается признанным и тем самым бесспорным, что освобождает стороны от доказывания данного утверждения. Утверждение стороны считается признанным и в том случае, если противоположная сторона оспаривает его, но не приводит для этого конкретных доводов. Оспаривание одной стороной утверждения другой без приведения доводов возможно лишь в тех случаях, когда предметом утверждения является факт, не касающийся действий самой оспаривающей стороны и не являющийся предметом ее собственного восприятия. Обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, определяются судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права

¹ Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 5 января 2008 года (с изм. и доп. по состоянию на 20.06.2019 г.) О внесении изменений см. Закон Республики Таджикистан от 04.07.20 г. № 1697 (вводится в действие с 1 января 2025 года). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30410757 (дата обращения: 05.04.2022).

(ч. 1–4 ст. 58 ГПК Республики Таджикистан). Основаниями освобождения от доказывания являются общеизвестные, преюдициально установленные обстоятельства (ст. 64 ГПК Республики Таджикистан). Объяснения сторон и третьих лиц об известных им обстоятельствах, имеющих значение для правильного решения дела, подлежат проверке и оценке наряду с другими доказательствами. Если сторона, обязанная доказывать свои утверждения или возражения, удерживает находящиеся у нее доказательства и не представляет их суду, суд вправе обосновать свои выводы объяснениями другой стороны. Признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает эту сторону от необходимости дальнейшего доказывания этих обстоятельств. Признание сторон и третьих лиц заносится в протокол судебного заседания. Если признание изложено в письменном заявлении, оно приобщается к материалам дела. Сторона, которая не сумела в полном объеме доказать свои утверждения или возражения имеющимися средствами доказывания, имеет право ходатайствовать перед судом о допросе противоположной стороны о фактах, подлежащих доказыванию. Если другая сторона отказывается от дачи показаний или не предьявит требуемого судом доказательства, то суд, учитывая все обстоятельства дела, причины уклонения, по своему внутреннему убеждению принимает решение о достоверности этих доказательств (ст. 71 ГПК Республики Таджикистан). Обстоятельства, на которых истец основывает свое требование, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства, указываются в исковом заявлении (ч. 2 ст. 134 ГПК Республики Таджикистан). В мотивировочной части решения должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд (ч. 2 ст. 202 ГПК Республики Таджикистан). ГПК Республики Таджикистан не предусмотрено апелляционное производство как стадия гражданского судопроизводства. Суд кассационной инстанции проверяет законность и обоснованность решения первой инстанции, исходя из доводов, изложенных в кассационной жалобе и протесте, и возражениях относительно жалобы и протеста. Суд оценивает имеющиеся в деле, а также дополнительно представленные доказательства, если признает, что они не могли быть представлены стороной в суд первой инстанции, подтверждает указанные в обжалованном

и опротестованном решении суда факты и правоотношения или устанавливает новые факты и правоотношения. Суд кассационной инстанции в интересах обеспечения главенства закона вправе проверить решение суда первой инстанции в полном объеме (ст. 336 ГПК Республики Таджикистан). Основаниями для отмены или изменения решения в кассационном порядке являются: неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела; недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела; несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела; нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права. Основаниями для отмены или изменения судебных актов в порядке надзора признаются случаи существенных нарушений норм материального или процессуального права (ст. 376 ГПК Республики Таджикистан).

Предмет доказывания и обязанности по доказыванию в гражданском процессуальном законодательстве Республики Узбекистан

Статья 72 Гражданского процессуального кодекса Республики Узбекистан (далее – ГПК Республики Узбекистан)¹ устанавливает общее правило распределения обязанностей по доказыванию. Суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой из сторон они подлежат доказыванию, ставит их на обсуждение, даже если стороны на них не ссылались. Доказательства представляются сторонами и иными лицами, участвующими в деле. Суд может предложить им представить дополнительные доказательства. В случае, когда представление дополнительных доказательств для сторон и других лиц, участвующих в деле, затруднительно, суд по их ходатайству оказывает им содействие в собирании доказательств. В качестве оснований освобождения от доказывания рассматриваются общеизвестные, преюдициально установленные факты, обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия (ст. 75 ГПК Республики Узбекистан). Объяснения сторон, третьих лиц и их представителей об известных им обстоятельствах, имеющих значение для дела, подлежат проверке и оценке наряду с другими собранными по делу до-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан (с изм. и доп. по состоянию на 12.01.2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36307998#pos=6;-106 (дата обращения: 05.04.22).

казательствами. Признание стороной фактов, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает последнюю от необходимости дальнейшего доказывания этих фактов. Если у суда имеются сомнения, то данный факт подлежит доказыванию на общих основаниях. Признание факта заносится в протокол судебного заседания и подписывается стороной, признавшей факт. Если признание факта изложено в письменном заявлении, оно приобщается к делу (ст. 81 ГПК Республики Узбекистан). Основаниями к отмене или изменению судебного акта в апелляционном порядке являются: 1) неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела; 2) недоказанность обстоятельств, имеющих значение для дела, которые суд считал установленными; 3) несоответствие выводов суда, изложенных в решении, обстоятельствам дела (ст. 399¹ ГПК Республики Узбекистан). При рассмотрении дела в кассационном порядке суд проверяет правильность применения норм материального права и соблюдение требований процессуального закона судом первой и апелляционной инстанций по материалам дела. Суд кассационной инстанции не вправе исследовать новые доказательства и устанавливать новые факты (ст. 416 ГПК Республики Узбекистан).

Предмет доказывания и обязанности по доказыванию в гражданском процессуальном законодательстве Республики Молдова

На основании ст. 118 Гражданского процессуального кодекса Республики Молдова (далее – ГПК Республики Молдова)¹ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений, если законом не установлено иное. Сторона, не исполнившая в полной мере свою обязанность доказать определенные факты, вправе представить в судебную инстанцию ходатайство, в котором она требует заслушать противную сторону по этим фактам, если ходатайство не относится к обстоятельствам, которые судебная инстанция считает доказанными. Обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, окончательно определяются судебной инстанцией на основании требований и возражений сторон и других участников процесса, а также подлежащих примене-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова от 30 мая 2003 года № 225-XV (с изм. и доп. по состоянию на 09.07.2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397949 (дата обращения: 05.04.22).

нию норм материального и процессуального права. В случае несоблюдения положений закона о закреплении доказательств или утраты подлинного экземпляра документа, неблагоприятные последствия недоказанности утверждений о фактических обстоятельствах дела возлагаются на ту сторону или другого участника процесса, который мог и должен был обеспечить себя до рассмотрения дела достоверным и не вызывающим сомнения доказательством. Судебная инстанция (судья) вправе предложить сторонам и другим участникам процесса в случае необходимости представить дополнительные доказательства и доказать факты, составляющие предмет доказывания, чтобы убедиться в их достоверности. В силу ст. 123 ГПК Республики Молдова, основаниями освобождения от доказывания являются общеизвестные, преюдициально установленные, презюмируемые, неотрицаемые другой стороной факты. Факты, на которые ссылается одна из сторон, не должны доказываться в той мере, в которой другая сторона их не отрицает. Если сторона, обязанная доказывать свои утверждения, удерживает необходимые доказательства и не представляет их суду, судебная инстанция вправе обосновать свои выводы объяснениями противной стороны. Признание в судебном заседании или при исполнении судебного поручения одной стороной фактов, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает последнюю от необходимости доказывания этих фактов. Признание вносится в протокол судебного заседания. Признание, изложенное в письменном виде, приобщается к материалам дела (ч. 3,4 ст. 131 ГПК Республики Молдова). Подготовка к судебному разбирательству является обязательной по каждому гражданскому делу и имеет целью: а) определение закона, которым следует руководствоваться, и установление правоотношений сторон; б) определение обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела (ч. 2 ст. 183 ГПК Республики Молдова). В мотивировочной части решения указываются обстоятельства дела, установленные судебной инстанцией, доказательства, на которых основаны выводы судебной инстанции об этих обстоятельствах, доводы, по которым судебная инстанция отвергает те или иные доказательства, законы, которыми руководствовалась судебная инстанция (ч. 5 ст. 241 ГПК Республики Молдова). Апелляционная инстанция проверяет в пределах представленных апелляционного заявления, отзывов и возражений законность и обоснованность обжалованного решения в том, что касается

установления фактических обстоятельств и применения закона в первой инстанции. Решение первой инстанции отменяется или изменяется апелляционной инстанцией в случае, если:

а) не были полностью определены и выяснены обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела; б) не были доказаны правдивыми и достаточными доказательствами обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела, которые первая инстанция считает установленными; в) выводы первой инстанции, изложенные в решении, противоречат обстоятельствам дела; г) были нарушены или неправильно применены нормы материального или процессуального права.

Заключение

Достоинством процессуального законодательства Республики Беларусь в части регулирования предмета доказывания и обязанностей по доказыванию следует признать закрепление правовой категории «предмет доказывания» в действующем процессуальном законодательстве. Правовые презумпции как основания освобождения от доказывания установлены гражданским процессуальным законодательством Республики Беларусь и Казахстан. Однако процессуальное законодательство стран СНГ, в том числе и Российской Федерации, не устанавливает общего механизма определения предмета доказывания, с учетом вида нормы материального права, применимой к спорным правоотношениям. Кроме того, в процессуальном законодательстве не детализирован общий механизм распределения обязанностей по доказыванию, также не содержится частного механизма (действие правовых презумпций, процессуальных фикций, специальных правил распределения обязанностей по доказыванию) распределения обязанностей по доказыванию.

Список литературы

1. Абушенко Д. Б. Судебное усмотрение в арбитражном и гражданском процессе. – М.: Норма, 2002. – 176 с.
2. Амосов С. Предмет доказывания в арбитражном процессе // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2003. – № 11. – С. 111–114.
3. Афанасьев С. Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве. – Саратов: СГАП, 1999. – 136 с.
4. Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. – М.: Городец, 2004. – 272 с.

5. Боннер А. Т. Установление обстоятельств гражданских дел. – М.: Городец, 2000. – 272 с.
6. Боннер А. Т. О проблеме непосредственного познания судом фактов, входящих в предмет доказывания // Избранные труды: в 7 т. Т.V. Проблемы теории судебных доказательств. – М.: Проспект, 2017. – С. 18–26.
7. Боннер А. Т. Правовые презумпции как способ распределения обязанностей по доказыванию и установления обстоятельств гражданских дел // Избранные труды: в 7 т. Т. IV. Проблемы установления истины в гражданском процессе. – М.: Проспект, 2017. – С. 168–222.
8. Ванеева Л. А. Судебное познание в советском гражданском процессе. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1972. – 133 с.
9. Зайцев И. М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе / под ред. М. А. Вкуот. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 135 с.
10. Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юридическая литература, 1966. – 288 с.
11. Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке процессуального права. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 119 с.
12. Коваленко А. Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. – 256 с.
13. Курылев С. В. Основы теории доказательств в советском правосудии. – Минск: Изд-во БГУ, 1969. – 203 с.
14. Лилуашвили Т. А. Предмет и бремя доказывания в советском гражданском процессе. – Тбилиси, 1957. – 127 с.
15. Решетникова И. В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 1997. – 366 с.
16. Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. – М., 2009. – 332 с.
17. Смышляев Л. П. Предмет доказывания и распределение обязанностей по доказыванию в советском гражданском процессе. – М.: Изд-во МГУ, 1961. – 47 с.
18. Треушников М. К. Судебные доказательства. – 5-е изд, доп. – М., 2016. – 304 с.
19. Фокина М. А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. – М.: Новый индекс, 2010. – 621 с.
20. Штутин Я. Л. Предмет доказывания в советском гражданском процессе. – М.: Госюриздат, 1963. – 185 с.
21. Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе / под ред. А. Г. Власова. – М.-Л.: Госюриздат, 1951. – 294 с.
22. Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. – М.: Интропик Медиа, 2012. – 608 с.

References

1. Abushenko, D. B. (2002) *Sudebnoe usmotrenie v arbitrazhnom i grazhdanskom processe* [Judicial discretion in arbitration and civil proceedings]. Moskva: Norma. (In Russian).
2. Amosov, S. (2003) *Predmet dokazyvaniya v arbitrazhnom processe* [The subject of proof in the arbitration process] *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. No 11. Pp. 111–114. (In Russian).

3. Afanas'ev, S. F. (1999) *Problema istiny v grazhdanskom sudoproizvodstve* [The problem of truth in civil proceedings]. Saratov: SGAP. (In Russian).
4. Baulin, O. V. (2004) *Bremya dokazyvaniya pri razbiratel'stve grazhdanskih del* [Burden of proof in civil proceedings]. Moskva: Gorodec. (In Russian).
5. Bonner, A. T. (2000) *Ustanovlenie obstoyatel'stv grazhdanskih del* [Establishing the circumstances of civil cases]. Moskva: Gorodec. (In Russian).
6. Bonner, A. T. (2017) *O problem neposredstvennogo poznaniya sudom faktov, vkhodyashchih v predmet dokazyvaniya* [On the problem of direct cognition by the court of the facts included in the subject of proof]. *Izbrannye Trudy* [Selected works]:v 7t. Vol. V. *Problemy teorii sudebnykh dokazatel'stv* [Problems of the theory of judicial evidence]. Moskva: Prospekt. Pp. 18–26. (In Russian).
7. Bonner, A. T. (2017) *Pravoye prezumpcii kak sposob raspredeleniya obyazannostej po dokazyvaniyu i ustanovleniya obstoyatel'stv grazhdanskih del* [Legal presumptions as a way of distributing responsibilities for proving and establishing the circumstances of civil cases] // *Izbrannye Trudy* [Selected works]:v 7t. Vol. IV. *Problemy ustanovleniya istiny v grazhdanskom processe* [Problems of establishing the truth in the civil process]. Moskva: Prospekt. Pp. 168–222. (In Russian).
8. Vaneeva, L. A. (1972) *Sudebnoe poznanie v sovetskom grazhdanskom processe* [Judicial cognition in the Soviet civil process]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta. (In Russian).
9. Zajcev, I. M. (1985) *Ustranenie sudebnykh oshibok v grazhdanskom processe* [Elimination of judicial errors in civil proceedings] / Pod red. M.A. Vikut. Saratov: Izd-voSarat. un-ta. (In Russian).
10. Zejder, N. B. (1966) *Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu* [A court decision in a civil case]. Moskva: YUridicheskaya literatura. (In Russian).
11. Klejnmán, A. F. (1967) *Novejshie techeniya v sovetskoj nauke processual'nogo prava* [The latest trends in the Soviet science of procedural law]. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian).
12. Kovalenko, A. G. (2004) *Institut dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve* [Institute of Evidence in Civil and Arbitration Proceedings]. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Norma. (In Russian).
13. Kurylev, S. V. (1969) *Osnovy teorii dokazatel'stv v sovetskom pravosudii* [Fundamentals of the theory of Evidence in Soviet justice]. Minsk: Izd-vo BGU. (In Russian).
14. Liliushvili, T. A. (1957) *Predmet i bremya dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject and burden of proof in the Soviet civil procedure]. Tbilisi. (In Russian).
15. Reshetnikova, I. V. (1997) *Dokazatel'stvennoe pravo v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Evidentiary law in civil proceedings]. Ekaterinburg: Izd-vo Gumanit. un-ta. (In Russian).
16. Rozhkova, M. A. (2009) *YUridicheskie fakty grazhdanskogo i processual'nogo prava: soglasheniya o zashchite prav i processual'nye soglasheniya* [Legal facts of civil and procedural law: agreements on the protection of rights and procedural agreements]. Moskva. (In Russian).
17. Smyshlyaev, L. P. (1961) *Predmet dokazyvaniya i raspredelenie obyazannostej po dokazyvaniyu v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject of proof and the distribution of evidentiary duties in the Soviet civil procedure]. Moskva: Izd-vo MGU. (In Russian).
18. Treushnikov, M. K. (2016) *Sudebnye dokazatel'stva* [Judicial evidence]. 5-e izd, dop. Moskva. (In Russian).
19. Fokina, M. A. (2010) *Mekhanizm dokazyvaniya po grazhdanskim delam: teoretiko-prikladnye problem* [Theory and practice of evidence in adversarial civil proceedings]. Moskva: Novyjindex. (In Russian).

20. Shtutin, YA. L. (1963) *Predmet dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom processe* [The subject of proof in the Soviet civil trial]. Moskva: Gosyurizdat. (In Russian)

21. YUdel'son, K. S. (1951) *Problema dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom processe* [The problem of proof in the Soviet civil procedure] / Pod red. A. G. Vlasova. Moskva; Leningrad: Gosyurizdat. (In Russian).

22. YArkov, V. V. (2012) *YUridicheskie fakty v civilisticheskom processe* [Legal facts in the civil process]. Moskva: Intropik Media. (In Russian).

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Нахова Елена Александровна, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

Волков Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского права, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), e-mail: dmi25011964@yandex.ru

About the authors

Elena A. Nakhova, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru

Dmitry V. Volkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Business Law of the St. Petersburg Institute (Branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: dmi25011964@yandex.ru

Поступила в редакцию: 15.11.2022

Received: 15 November 2022

Принята к публикации: 06.12.2022

Accepted: 06 December 2022

Опубликована: 30.12.2022

Published: 30 December 2022

Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как одно из приоритетных направлений предупреждения преступности

Е. М. Павлик¹, В. В. Пасынков², Д. В. Павлов³

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургский университет МВД России, Ленинградская область, Российская Федерация

В данной статье рассматриваются вопросы противодействия преступности несовершеннолетних. Потребность изучения криминологической характеристики преступности несовершеннолетних является бесспорной, так как данный вид преступности всегда вызывал особое беспокойство как у правоохранительных органов, так и у всего общества.

Со временем трансформируется структура преступности несовершеннолетних, а именно растет доля насильственных преступлений, преступлений против собственности, преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, соответственно назревает необходимость выработки актуальных мер профилактики преступности.

В работе анализируются различные точки зрения ученых-правоведов по указанной тематике с представлением альтернативных взглядов представителей криминологической науки на обозначаемую проблему.

Авторами также затрагивается проблема беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, предпринимаются попытки выработать меры профилактики рассматриваемых явлений.

Ключевые слова: несовершеннолетний, беспризорный, безнадзорный, бродяжничество, попрошайничество, индивидуальная профилактика преступности, семья.

Для цитирования: Павлик Е. М., Пасынков В. В., Павлов Д. В. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как одно из приоритетных направлений предупреждения преступности // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 136–147. DOI 10.35231/18136230_2022_4_136

Prevention of neglect and juvenile delinquency as one of the priority areas for crime prevention

Elizaveta M. Pavlik¹, Vyacheslav V. Pasyнков², Dmitry V. Pavlov³

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

³ Leningrad Regional Branch St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Leningrad Region, Russian Federation

This article discusses the issues of combating juvenile delinquency. The need to study the criminological characteristics of juvenile delinquency is indisputable, since this type of crime has always caused particular concern, both among law enforcement agencies and the whole society.

Over time, the structure of juvenile delinquency is being transformed, namely, the proportion of violent crimes, crimes against property, crimes in the field of drug trafficking is growing, and accordingly, there is a need to develop relevant crime prevention measures.

The paper analyzes different points of view of legal scholars on this topic with the presentation of alternative views of representatives of criminological science on the designated problem.

The authors also touch upon the problem of homelessness and neglect of minors, attempts are made to develop measures to prevent the phenomena under consideration.

Key words: minor, homeless, neglected, vagrancy, begging, individual crime prevention, family.

For citation: Pavlik, E. M., Pasyнков, V. V., Pavlov, D. V. (2022). Profilaktika beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh kak odno iz prioritnykh napravleniy preduprezhdeniya prestupnosti [Prevention of neglect and juvenile delinquency as one of the priority areas for crime prevention]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (70). Pp. 136–147. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_4_136

Одной из наиболее острых и актуальных проблем современного общества является преступность несовершеннолетних, а наиболее важным направлением государственной политики, соответственно, выступает борьба с данным социальным явлением, в первую очередь в рамках профилактической деятельности государства. В целях решения вопросов правового регулирования, связанных с профилактикой преступности несовершеннолетних, в 1999 г. опубликован действующий по настоящее время Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹, в котором определены базовые понятия, субъекты, объекты и иные организационные основы профилактики. Проанализируем статистические сведения по преступлениям, совершенным несовершеннолетними или при их участии. Данные выглядят следующим образом: в 2017 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано – 42504 (-12,5%) преступлений, в 2018 г. – 43553 (-3,8%), в 2019 г. – 41548 (-4,6%), в 2020 г. – 33575 (-11,5%), в 2021 г. – 29126 (-13,3%)². Динамика преступности несовершеннолетних за последние пять лет постепенно снижается. Наиболее резкий спад преступности мы наблюдаем в 2020 и 2021 гг., возможно на данные значения повлияла пандемия, так как относительно немалая доля родителей несовершеннолетних выполняла работу дома, дистанционно, соответственно они располагали большим временем, чтоб уделить внимание детям-подросткам.

Доля преступности несовершеннолетних от всех преступлений составляет около 3-3,5%. Однако, рассматриваемый вид преступности обладает высокой степенью латентности. В структуре преступности несовершеннолетних чаще всего встречаются различные формы хищения (кражи, грабежи), чуть меньше – преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, угоны, без цели хищения, насильственные преступления, вандализм. Стоит отметить, что преступность несовершеннолетних, как правило, носит спонтанный характер и отличается от взрослой преступности меньшей организованностью.

Согласно ст. 1 вышеуказанного Федерального закона, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершенно-

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2022).

² Состояние преступности в России в январь-декабрь 2017, 2018, 2019, 2020, 2021 годов, Официальный сайт МВД России, раздел Статистика и аналитика. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>. (дата обращения: 30.09.2022).

нолетних представляет собой систему мер, применяемых в отношении несовершеннолетних и их семей, направленных на выявление и устранение причин и условий преступлений, правонарушений и иных антиобщественных действий, совершаемых несовершеннолетними. К разновидностям применяемых мер законодатель относит социальные, педагогические и правовые. Правовые меры воздействия главным образом подразумевают юридическую ответственность за совершение противоправных действий.

Под бродяжничеством понимается скитание лица с места на место без постоянного места жительства с существованием на нетрудовые доходы. Попрошайничеством считается систематическое выпрашивание у посторонних лиц материальных ценностей (денег, продуктов питания и др.), являющееся для просящего основным средством дохода. Бродяжничество и попрошайничество непременно связаны с процессом десоциализации личности, а также наносит вред обществу в целом, так как практически всегда сопряжены с иными негативными социальными явлениями – алкоголизмом, наркоманией, преступностью, распространением инфекционных заболеваний и т. п. [8, с. 197–198].

Социально опасное положение неразрывно связано с такими категориями, как «безнадзорный», т. е. несовершеннолетнее лицо, контроль за поведением которого отсутствует ввиду неисполнения или ненадлежащего исполнения родителями или законными представителями обязанностей по его воспитанию или содержанию, и «беспризорный» – безнадзорный, не имеющий места жительства или места пребывания [6, с. 102].

В рамках индивидуальной профилактической работы должностные лица, осуществляющие предупредительную деятельность, воздействуют на личность несовершеннолетнего. Для достижения успешного результата проводимой профилактической работы необходимо учитывать несколько факторов.

1. Возраст. Чаще всего подростки совершают правонарушения в возрасте от 14 до 18 лет. Этот возраст считается «переходным», для него характерны легкая возбудимость, половое созревание, неадекватная реакция на некоторые жизненные обстоятельства (например, замечания или критика), повышенная необходимость в общении (в особенности с более старшими по возрасту юношами и девушками). В этом возрасте дети чаще всего формируются в неформальные группы по интересам, которые в дальнейшем, в случае антисоциальной на-

правленности общих взглядов, могут перерасти в преступные группы [9, с. 62].

2. Особенности психики. В данном случае стоит говорить о неустойчивости психики, которая может проявляться:

- в искаженном представлении об общих нравственных категориях, таких как добро и зло, справедливость, честность, смелость и трусость, героизм и т.д.;
 - обостренном отношении ко всему незнакомому ввиду отсутствия жизненного опыта, а также неумении объективно оценивать определенные жизненные ситуации, события, истинные помыслы окружающих людей;
 - высокой эмоциональности и чувствительности; повышенной возбудимости, неуравновешенности, резкой смене настроения;
 - стремлении к самостоятельности, независимости и обособленности от взрослых;
 - стремлении к лидерству;
 - избытке сил, энергии, инициативности;
 - уверенности в возможности избежать наказания за содеянное;
 - повышенной внушаемости и доверчивости и проч.
- [4, с. 91–93].

В силу данных особенностей несовершеннолетние подростки подвержены «романтизации» преступного мира, а также влиянию со стороны взрослых правонарушителей [7, с. 279].

3. Окружающая обстановка. К этой категории в первую очередь относятся семья, друзья, учебный коллектив. При неблагоприятной атмосфере в семье, выражающейся, например, в систематических скандалах, пьянстве, насилии, оскорблениях, разврате, вероятность встать на преступный путь возрастает. Старшие члены семьи, ведущие антиобщественный образ жизни, с высокой вероятностью, вовлекут в совершение противоправной деятельности несовершеннолетнего, который в силу своего возраста склонен к подражанию. Также друзья и одноклассники, которые проводят совместно часть времени ежедневно (в школе, на прогулках и т. д.), с легкостью могут вовлечь друг друга в «авантюры» антиобщественного характера.

Кроме того, источниками отрицательного воздействия на несовершеннолетнего могут выступать молодые люди более старшего возраста (18–35 лет), которые являются для подростка объектом подражания.

4. Организация досуга. Как правило, дети и подростки, не занимающиеся в каких бы то ни было секциях, кружках, имеющие много свободного времени, не развиваются, их интересы и ценности формируются в неправильном русле. В связи с этим несовершеннолетние предоставлены сами себе, а значит увеличивается возможность совершения поступков, неодобряемых обществом, ведь одним из мотивов совершения противоправного действия является отсутствие иных (правомерных) интересов.

5. Образование. Обучение в школе, помимо процесса получения необходимых для нормальной жизнедеятельности знаний, выступает еще и неотъемлемой частью становления лица как личности, своего рода «проводником» из статуса «ребенка» к статусу «взрослого». Закономерностью является то, что подростки и юноши с антиобщественными взглядами чаще других отстают в обучении, остаются на второй год, бросают обучение в школе или иных учебных заведениях. Данный фактор, в свою очередь, порождает пробелы в правосознании несовершеннолетних, которые приводят к рассуждениям о «несправедливости» законов и наказаний [3, с. 147–149].

Для несовершеннолетних правонарушителей характерны:

- постоянная демонстрация пренебрежительного отношения к общественным нормам – сквернословие, курение, потребление спиртных напитков в общественных местах, порча общественного имущества (хулиганство, вандализм);
- бродяжничество и систематические уходы из дома или иных учреждений, где проживает несовершеннолетний;
- необоснованное или даже беспричинное проявление агрессии в адрес окружающих (взрослых, сверстников), а также намеренное создание конфликтных ситуаций;
- половая распущенность;
- демонстративное унижение и оскорбление дисциплинированных детей и подростков, проявляющих усердие в обучении и не склонных к антиобщественным действиям [2, с. 30].

Целью субъектов профилактики преступности несовершеннолетних является исправление несовершеннолетнего и создание благоприятной обстановки вокруг профилактируемого лица, в том числе в его семье, для предупреждения реализации преступных действий [10, с. 82].

Статья 4 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершенно-

нолетних»¹ определяет ряд важнейших субъектов системы профилактики, среди которых особое место занимают органы внутренних дел РФ. В рамках предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних должностные лица органов внутренних дел преследуют следующие задачи: выяснение негативных факторов (причин и условий), способствующих противоправной деятельности несовершеннолетних и принятие мер по их нейтрализации; воздействие на самого несовершеннолетнего и на негативно воздействующую на него среду (семью, друзей и т.д.), если имеются данные о возможности и желании несовершеннолетнего совершить проступок или преступление; выявление взрослых лиц, вовлекающих в преступную деятельность детей и подростков, в том числе в преступные группы [5, с. 61].

В целях противодействия противоправной деятельности несовершеннолетних в МВД России создана специальная служба – подразделение по делам несовершеннолетних, на которую согласно «Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»² возложены следующие обязанности:

- анализ оперативной обстановки на территории обслуживания по линии несовершеннолетних;
- разработка предложений по вопросам совершенствования линии работы специальными органами и учреждениями с несовершеннолетними и их семьями;
- выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в противоправную и антиобщественную деятельность или способствующих данным видам деятельности;
- выявление лиц, совершающих противоправные действия в отношении несовершеннолетних;
- выявление родителей и иных законных представителей, не исполняющих возложенные на них обязанности по воспитанию, обучению, содержанию несовершеннолетних и применение в отношении них соответствующих мер;
- проведение индивидуальной профилактической работы с состоящими на учете несовершеннолетними и их семьями;

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.09.2022).

² О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 (ред. от 28.11.2017) // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.10.2022).

- выявление несовершеннолетних, употребляющих алкогольную продукцию и наркотические средства и иные запрещенные вещества в немедицинских целях;
- выявление мест концентрации лиц, употребляющих спиртные напитки или наркотические средства, мест потребления или возможного сбыта запрещенных веществ;
- проведение мероприятий по установлению подростков, причастных к группам антиобщественной направленности, а также выявлению организаторов и лидеров данных групп;
- пропаганда профилактики правонарушений несовершеннолетних среди населения;
- взаимодействие с иными подразделениями органов внутренних дел, а также специализированными организациями и учреждениями и общественностью по вопросам предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними и др.

Кроме того, должностные лица подразделений по делам несовершеннолетних, согласно Федеральному закону «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹, ведут учет несовершеннолетних лиц, совершивших противоправные или антиобщественные действия, а также неблагополучных семей на обслуживаемой территории для проведения индивидуальной профилактической работы, а также составления статистической отчетности.

В системе органов внутренних дел, помимо подразделений по делам несовершеннолетних, существуют центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (далее - ЦВСНП), которые, являясь одним из субъектов профилактики, а также разновидностью исправительных учреждений, основной целью которых выступает индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетними. Должностные лица ЦВСНП в своей деятельности руководствуются законодательством РФ, а в частности Инструкцией по организации деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, утвержденной Приказом МВД России № 839². В целях предупреждения противоправной деятельности несовершеннолетних вышеупомянутые должностные лица:

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.10.2022).

² О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей: приказ МВД России от 01.09.2012 № 839 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.10.2022).

- изучают личность лица - внутренние качества, интересы, условия и качество жизни, отношения с окружающими, обстановку и атмосферу в семье, отношение к учебе, а также иные обстоятельства, которые бы могли способствовать противоправной деятельности;

- во взаимодействии с оперативными подразделениями органов внутренних дел принимают меры по установлению фактов вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность и лиц, занимающихся вовлечением;

- в случае получения информации о совершенном правонарушении и (или) лице, его совершившем, незамедлительно докладывают руководству для дальнейшей регистрации информации и принятия решения и др. [1, с. 66–67].

Также в случае необходимости в ЦВСНП к несовершеннолетним могут применяться предусмотренные Федеральным законом № 120¹ меры взыскания – предупреждение, выговор, строгий выговор.

Согласно данным статистики², количество выявленных несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения на всей территории Российской Федерации за 2021 г. – 203 898 человек. Выявлено несовершеннолетних, совершивших преступления в Российской Федерации – 33 575 человек. Численность несовершеннолетних, в отношении которых органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних проводилась индивидуальная профилактическая работа – 446 873 человек.

Исходя из приведенных выше статистических данных, можно сделать вывод о том, что на территории Российской Федерации специально уполномоченными органами и должностными лицами ведется активная работа с несовершеннолетними по профилактике преступлений и правонарушений. Число лиц, с которыми проведена профилактическая работа вдвое превышает количество несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения, что может свидетельствовать об эффективности проводимой индивидуальной профилактической работы.

Таким образом, стоит отметить, что органы внутренних дел являются основополагающим субъектом профилактики право-

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.10.2022).

² Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения: 02.10.2022).

нарушений и преступлений. Почти все подразделения полиции, в большей или меньшей степени, в своей повседневной деятельности, ежедневно осуществляют меры по предупреждению и профилактике правонарушений и преступлений. Однако достижение наиболее высоких результатов возможно только во взаимодействии всех государственных, муниципальных и общественных субъектов профилактики правонарушений и преступлений.

Список литературы

1. Алиев Я. Л., Павлик Е. М., Георгиева П. А. Предупреждение преступности несовершеннолетних // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2021. – № 6. – С. 65–69.
2. Борин Б. В., Ишук Я. Г. Понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – №3. – С. 29–34.
3. Габеев С. В. Основные направления оптимизации предупредительно-профилактических мер в борьбе с преступностью в России на современном этапе // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – №3 (7). – С. 146–150.
4. Гришин Д. С. Предупреждение преступности. Разграничение используемой терминологии // Закон и право. – 2020. – №7. – С. 91–93.
5. Зайко Т. М. Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты: монография. Министерство образования и науки РФ, УрГЮУ. – Тамбов, 2017. – 85 с.
6. Криминология: учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.]; под общ. ред. О. С. Капинус. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 1132 с.
7. Новицкий А. А. Профилактика преступлений в Российской Федерации // Сиф. – 2020. – №11 (51). – С. 276–279.
8. Разгильдиев Б. Т. Проблемы понятия профилактики преступления // Вестник СГУА. – 2020. – №5 (136). – С. 195–201.
9. Селиванов А. И., Стрельников К. А., Царегородцев И. Ю. Теоретические основы прогнозирования в оперативно-розыскной деятельности // Вестник экономической безопасности. – 2011. – №2. – С. 60–69.
10. Яковлева М. А. Авторский взгляд на систему субъектов профилактики правонарушений в современной России // Юридическая наука. – 2019. – №8. – С. 81–87.

References

1. Aliev, Ya. L., Pavlik, E. M., Georgieva, P. A. (2021) Prevention of juvenile delinquency [Prevention of juvenile delinquency]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky*. No. 6. Pp. 65–69. (In Russian).
2. Borin, B. V., Ishchuk, Ya. G. (2017) The concept of operational-investigative crime prevention [The concept of operational investigative crime prevention]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation*. No. 3. Pp. 29–34. (In Russian).
3. Gabeev, S. V. (2018) The main directions of optimizing preventive and preventive measures in the fight against crime in Russia at the present stage [The main directions

of optimization of preventive measures in the fight against crime in Russia at the present stage]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra – Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. No. 3 (7). Pp. 146–150. (In Russian).

4. Grishin, D. S. (2020) Crime prevention. Differentiation of the terminology used [Crime prevention. Differentiation of the terminology used]. *Zakon i pravo – Law and Law*. No. 7. Pp. 91–93. (In Russian).

5. Zaiko, T. M. (2017) *Measures to combat juvenile delinquency and youth: legal and psycho-criminological aspects*: monograph [Measures to combat juvenile and youth crime: legal and psychological-criminological aspects: monograph] / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, USGUU. Tambov. (In Russian).

6. Criminology: a textbook for universities [Criminology: textbook for universities] / O. S. Kapinus [and others]; under the general editorship of O. S. Kapinus. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. (In Russian).

7. Novitsky, A. A. (2020) Prevention of crimes in the Russian Federation [Crime prevention in the Russian Federation]. *Skif – Skif*. No. 11 (51). Pp. 276–279. (In Russian).

8. Razgildiev, B. T. (2020) Problems of the concept of crime prevention [Problems of the concept of crime prevention]. *Vestnik SGYUA – Bulletin of the SSLA*. No. 5 (136). Pp. 195–201. (In Russian).

9. Selivanov, A. I., Strelnikov, K. A., Tsaregorodtsev I. Yu. (2011) Theoretical Foundations of Forecasting in Operative-Investigative Activities [Theoretical foundations of forecasting in operational investigative activities]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*. No. 2. Pp. 60–69. (In Russian).

10. Yakovleva, M. A. (2019) Author's view on the system of crime prevention subjects in modern Russia [The author's view on the system of subjects of crime prevention in modern Russia]. *Yuridicheskaya nauka – Legal Science*. No. 8. Pp. 81–87. (In Russian).

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Павлик Елизавета Михайловна, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-2000-2380, e-mail: Lisa1990-07@mail.ru

Пасынков Вячеслав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский университета МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: v_v_pasynkov@mail.ru

Павлов Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Ленинградская область, Российская Федерация, e-mail: pavlovdmitriiii@mail.ru

About the authors

Elizaveta M. Pavlik, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-2000-2380, e-mail: Lisa1990-07@mail.ru

Vyacheslav V. Pasynkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: v_v_pasynkov@mail.ru

Dmitry V. Pavlov, Cand. Sci. (Law), Leningrad Regional Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Leningrad Region, Russian Federation, e-mail: pavlovdmitriiii@mail.ru

*Поступила в редакцию: 10.11.2022
Принята к публикации: 06.12.2022
Опубликована: 30.12.2022*

*Received: 10 November 2022
Accepted: 06 December 2022
Published: 30 December 2022*

Соотношение уголовного преследования и предварительного расследования

М. Ю. Павлик¹, О. А. Чабукиани², О. Р. Шепелёва¹

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В период реформ и поисков наиболее рационального и эффективного построения досудебного производства, отвечающего требованиям состязательности, вопросы соотношения уголовного преследования и предварительного расследования вновь становятся актуальными. Дискуссионность усилена тем, что законодатель в различных статьях УПК РФ использует разное основание для разграничения данных двух понятий.

В работе проанализированы имеющиеся подходы, положения УПК РФ, которые позволили сделать вывод о различных основаниях сравнения уголовного преследования и предварительного расследования, влияющих на протяженность во времени, субъектов. Обоснована необходимость рассмотрения уголовного преследования в широком аспекте, как обязанность осуществления изобличающей деятельности со стороны государственных органов, направленной на реализацию норм уголовного права в части привлечения к уголовной ответственности. Предварительное расследование является лишь частью уголовного преследования и направлено на формирование доказательств, достаточных для последующего справедливого разрешения дела судьей.

Выработка такого подхода и закрепление его на законодательном уровне будут способствовать более целенаправленному формулированию целей предварительного расследования, изменению имеющегося подхода к основным функциям, единообразному толкованию отдельных институтов уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовное преследование, предварительное расследование, изобличающая деятельность, стадия уголовного процесса, органы уголовного преследования.

Для цитирования: Павлик М. Ю., Чабукиани О. А., Шепелёва О. Р. Соотношение уголовного преследования и предварительного расследования // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 148–158. DOI 10.35231/18136230_2022_4_148

The ratio of criminal prosecution and preliminary investigation

Mikhail Yu. Pavlik¹, Oksana A. Chabukiani², Olga R. Shepeleva¹

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg Institute (Branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Saint Petersburg, Russian Federation

During the period of reforms and the search for the most rational and effective construction of pre-trial proceedings that meet the requirements of competition, the issues of the correlation of criminal prosecution and preliminary investigation are becoming relevant again. The controversy is reinforced by the fact that the legislator in various articles of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) uses a different basis for distinguishing these two concepts.

The paper analyzes the available approaches, the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which allowed us to conclude about various grounds for comparing criminal prosecution and preliminary investigation, affecting the length of time, subjects. The necessity of considering criminal prosecution in a broad aspect is substantiated, as the obligation to carry out incriminating activities on the part of state bodies aimed at implementing the norms of criminal law in terms of bringing to criminal responsibility. The preliminary investigation is only part of the criminal prosecution and is aimed at forming evidence sufficient for the subsequent fair resolution of the case by the judge.

The development of such an approach and its consolidation at the legislative level will contribute to a more purposeful formulation of the goals of the preliminary investigation, a change in the existing approach to the main functions, a uniform interpretation of individual institutions of the criminal process.

Key words: criminal prosecution, preliminary investigation, incriminating activity, stage of the criminal process, criminal prosecution authorities.

For citation: Pavlik, E. M., Pasyнков, V. V., Pavlov, D. V. (2022). Sootnosheniye ugolovnogo presledovaniya i predvaritel'nogo rassledovaniya [The ratio of criminal prosecution and preliminary investigation]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 4 (70). Pp. 148–158. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_4_148

В теории уголовного процесса одним из дискуссионных вопросов является соотношение понятий «уголовное преследование» и «предварительное расследование». Ответ на данный вопрос имеет принципиальное значение, так как позволяет выработать наиболее перспективные направления реформирования в целях достижения построения досудебного производства на основе состязательных сторон.

Анализ имеющихся позиций ученых-процессуалистов позволил выделить несколько направлений, различных в зависимости от определения начала осуществления уголовного преследования, сформировавшихся еще в советское время и не получивших своего окончательного разрешения до настоящего времени.

Представители первого направления, придерживаясь мнения, что уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела и имеет место на всем протяжении производства по уголовному делу, вплоть до применения наказания или иной меры уголовного воздействия, считают содержание уголовного преследования более емким, чем предварительное расследование (О. А. Картохина¹, Ю. А. Огарь [9]), является процессуальным средством «обеспечения привлечения лица к уголовной ответственности» [10, с. 223–224].

Представители второго направления рассматривают уголовное преследование и предварительное расследование как функции, существующие наряду с функцией защиты и разрешения уголовного дела (А. М. Ларин [6], Р. Д. Рахунов [11], А. В. Смирнов [13], В. В. Шимановский [16]).

Сторонники третьего направления полагают, что об уголовном преследовании можно говорить лишь в том случае, когда появляется конкретное лицо, приобретающее статус подозреваемого или обвиняемого (А. Б. Соловьев [14], А. Г. Халиулин). Поэтому предварительное расследование – более широкое понятие, тем более что расследование может закончиться и без возбуждения уголовного преследования в отношении конкретного лица (например, в случае прекращения уголовного дела, возбужденного по факту совершения преступления) [15, с. 48].

В рамках четвертого направления следует говорить о начале уголовного преследования с момента осуществления следственных и иных процессуальных действий и принятия процессуальных решений участниками досудебного производства

¹ Картохина О. А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 110–244.

со стороны обвинения, направленных на проверку причастности его к совершению преступления [1].

Несмотря на то что п. 55 ст. 5 УПК РФ определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, а предварительное расследование рассматривается как стадия уголовного судопроизводства, дискуссии о содержании и соотношении данных двух понятий не утихают [7; 8; 12].

На наш взгляд, дискуссионность порождена различными подходами к пониманию сущности и сроками начала и окончания (прекращения) уголовного преследования, имеющимися различными основаниями понятийного аппарата, заложенного в нормативно-правовых актах. Так, например, в п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование обозначается как вид процессуальной деятельности, что логично порождает начало таковой лишь после возбуждения уголовного дела. Трактовка п. 45 ст. 5 УПК РФ о том, что стороны – это участники, которые выполняют на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения, приводит к возможности отождествления двух понятий – «уголовного преследования» и «обвинения». Имеющееся же основание отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения, предусмотренное в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в виде истечения сроков давности уголовного преследования, переносит возможность начала уголовного преследования на момент совершения общественно опасного деяния и не связывает с началом какой-либо процессуальной деятельности.

Анализируя законодательство, а также аргументы, которые приводятся в подтверждение принадлежности к сторонникам одного из четырех указанных выше направлений, приходим к следующим выводам:

Во-первых, рассматривать соотношение понятий «уголовное преследование» и «предварительное расследование» можно по разным основаниям. Если брать временной критерий, то, основываясь на ст. 78 УК РФ и п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, уголовное преследование представляет собой обязанность государства изобличить лицо, совершившее общественно опасное деяние и обеспечить его последующее справедливое привлечение к уголовной ответственности, собрав достаточное количество доказательств. По этому критерию предварительное расследование представляет собой лишь часть уголовного преследова-

ния, заключающаяся в процессуальной деятельности по формированию достаточных доказательств виновности лица в совершении инкриминируемого деяния. Именно по данному критерию следователь был отнесен к стороне обвинения. Всестороннее, полное, объективное расследование должно быть целенаправленным. Вектор задает именно необходимость изобличить конкретное лицо в совершении конкретного преступления, собрав при этом достаточное количество иных доказательств, позволяющих судье при вынесении окончательного решения достичь социальной справедливости.

Во-вторых, если рассматривать по соотношению субъектов, имеющих право осуществления уголовного преследования и предварительного расследования, то при таком основании предварительное расследование меньше, так как зависит от формы и не учитывает возможность осуществления уголовного преследования в суде. Предварительное расследование закончится при направлении уголовного дела с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением для передачи дела в суд, либо при принятии иного окончательного решения, предусмотренного УПК РФ. Уголовное преследование продолжится вплоть до вынесения окончательного решения судом.

В-третьих, если определять объем данных двух видов деятельности в части правового статуса конкретного участника (например, следователя или дознавателя), то тогда предварительное расследование шире и включает в себя формирование доказательств не только виновности лица, но и установления иных обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). При анализе полномочий прокурора следует отметить, что уголовное преследование начинается после надзорной функции за деятельностью следователя, дознавателя, органа дознания [4], т. е. опосредованное осуществление уголовного преследования, воздействуя на дознание [3] и взаимодействуя с руководителем следственного органа. Начальным моментом самостоятельного выполнения данной функции является постановка согласительной резолюции на обвинительном заключении, обвинительном постановлении или обвинительном акте. Возможность пересоставления документа, прекращения уголовного преследования или уголовного дела в целом (ст. 226, 226.8 УПК РФ) является одним из видов отказа от функции государственного обвинения без принятия уголовного дела к своему производству. В ином случае принятие таких решений было бы невозможным.

В-четвертых, поскольку предварительное расследование – это стадия уголовного судопроизводства, то на этом этапе уголовное преследование приобретает процессуальный вид, но может быть ошибочным в части установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Это приведет к тому, что несмотря на то, что предварительное расследование состоялось, уголовное преследование реализовано не будет. Такое уголовное преследование мы называем мнимым.

На сегодняшний день в юридической литературе все чаще высказывается мнение о необходимости деформализации предварительного следствия, переходу к полицейскому дознанию, объединяющему оперативно-розыскную работу, производство следственных действий, в том числе негласных [2].

Нельзя, на наш взгляд, согласиться с данным утверждением. Полицейское дознание без существования следственной деятельности не является гарантом прав участников уголовного процесса, так как осуществляется по уголовным делам, не требующим проведения предварительного следствия. Распространение возможности использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности без соответствующей процедуры легализации их результатов приведет не к ожидаемому учеными состязательному процессу, а к розыскному. Это подтверждается и практикой постсоветских государств, выбравших путь введения в доказывание «новых» следственных действий, по тактике схожих с оперативно-розыскными мероприятиями.

Полагаем, что при трактовке положений действующего законодательства следует исходить из широкого понимания уголовного преследования, частью из которого является осуществление предварительного расследования. Такой подход сделает деятельность следователя, дознавателя целенаправленной, позволяющей обеспечить формирование доказательств, достаточных для вынесения в последующем судьей справедливого решения по результатам рассмотрения уголовного дела по существу; потребует пересмотреть содержание институтов и основных функций, с целью выработки предложений и рекомендаций по достижению состязательности в ходе досудебного производства. Дискуссии, указанные в начале статьи, могут быть разрешены путем приведения норм УПК РФ к единообразному пониманию института уголовного преследования как обязанности государственных органов выявлять и привлечь лицо, совершившее общественно

опасное деяние, к уголовной ответственности. При предъявлении обвинения уголовное преследование приобретает более направленный характер и порождает возможность реализации функции защиты в полном объеме. Круг участников, в полномочия которых включается уголовное преследование, широк: следователь, дознаватель, орган дознания, прокурор. Реализация уголовного преследования таким кругом участников распространяет такую процессуальную деятельность как на досудебные стадии, так и на стадии судебного разбирательства. Поэтому при сравнении уголовного преследования и предварительного расследования следует признать их соотношение как целого и части.

В подтверждение возможности рассматривать уголовное преследование как корреспондирующую ответственность государства на факт совершения преступления и обязанность лица претерпеть в связи с этим определенные лишения, следует рассмотреть и зарубежные модели уголовного преследования. Страны англо-саксонской правовой семьи характеризуются единством субъекта уголовного преследования и отсутствием примеси надзорно-контрольных полномочий к полномочиям по процессуальному руководству [3, с. 7]. В странах романо-германской правовой семьи в силу особенностей становления органов прокуратуры единая модель уголовного преследования отсутствует. Правом начать уголовное преследование в странах континентальной системы могут обладать как полиция, так и прокуратура. В некоторых государствах действует принцип монополии прокуратуры возбуждать уголовное преследование во всех случаях совершения преступления (Германия), в некоторых странах такие полномочия прокурора находятся под контролем вышестоящих органов (Италия) [17].

В странах постсоветского пространства большое значение при формировании института уголовного преследования сыграл разработанный модельный УПК для государств – участников СНГ. В последующем многие из государств пошли по своему пути развития уголовного судопроизводства, наделив либо большими полномочиями прокурора по осуществлению уголовного преследования (Республика Армения, Кыргызская Республика), либо, наоборот, существенно ограничив такие полномочия (Россия, Азербайджанская Республика).

Россия находится в поиске наиболее рационального построения досудебного производства, субъектов, осуществляющих

уголовное преследование, и объема контрольных и надзорных полномочий за такой деятельностью. Изменения в законодательстве не проходят мимо острых дискуссий относительно полномочий участников, возможности исполнения ими главной функции, например, государственного обвинения. Согласно с мнением А. Кругликова о том, что невозможно осуществить в полном объеме от имени государства уголовное преследование в ходе судебного разбирательства при лишении прокурора абсолютного большинства надзорных полномочий за предварительным следствием [5, с. 14]. Существенное изменение в содержании рассматриваемого института были введены в отечественном законодательстве при введении судебного контроля за осуществлением следственных действий и применением мер уголовно-процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права граждан. Имеющиеся преобразования, отказ от европеизации норм уголовно-процессуального права потребует очередного пересмотра полномочий органов уголовного преследования, тщательного изучения национальных особенностей и моделей уголовного преследования на различных этапах отечественного законодательства. Поэтому в юридической литературе вновь будут подниматься вопросы соотношения таких понятий как «уголовное преследование», «предварительное расследование», «обвинение».

Список литературы

1. Агабеков К. С. О начале уголовного преследования в условиях охранительного правосудия // *Мировой судья*. – 2019. – № 1. – С. 14–18.
2. Александров А. С., Поздняков М. Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2014. – № 1(25). – С. 78–82.
3. Алексеева Е. С., Макаренко М. А., Шестакова С. Д. Сравнительно-правовой анализ моделей уголовного преследования и процессуального руководства в уголовном процессе зарубежных стран // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*. – 2021. – № 4(57). – С. 5–14.
4. Гатауллин З. Ш. Уголовное преследование как функция прокурора // *Законность*. – 2010. – № 2 (904). – С. 9–13.
5. Кругликов А. П. Полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования // *Законность*. – 2012. – № 1(927). – С. 12–16.
6. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М.: Юридическая литература, 1986. – 160 с.
7. Макаров В. А. Об особенностях уголовного преследования судьей // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. – 2019. – № 2 (24). – С. 90–101.

8. Мельников Е. А. Уголовное преследование в системе разделения властей (досудебное производство). – М.: Юрлитинформ, 2019. – 168 с. – (Уголовный процесс).
9. Огарь Ю. А. Возбуждение уголовного дела и начало уголовного преследования: проблемы соотношения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – № 4 (45). – С. 133–140.
10. Огарь Ю. А. Начало уголовного преследования и уголовной ответственности: вопросы соотношения // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 03–04 июня 2022 года / под общ. ред. Т. А. Огарь, Д. М. Кокина, сост. Н. И. Кузнецова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 218–224.
11. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. – М.: Госюриздат, 1961. – 277 с.
12. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: свежий взгляд на старые проблемы // Юридическое образование и наука. – 2020. – № 8. – С. 28–35.
13. Смирнов А. В. О процессуальной независимости следователя, защитника и обеспечении законных интересов личности в уголовном процессе // Предварительное следствие в условиях правовой реформы: сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1991. – С. 31–37.
14. Соловьев А. Б. О функциях прокуратуры в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Проблемы совершенствования прокурорского надзора к 275-летию Российской прокуратуры: Материалы научно-практической конференции. – М.: Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1997. – С. 120–126.
15. Халиулин А. Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратуры России. Кемерово: Кузбасеиздат, 1997. – 261 с.
16. Шимановский В. В. К вопросу о процессуальной функции следователя в уголовном процессе // Правоведение. – 1965. – № 2. – С. 175–178.
17. Щерба С. П., Додонов В. Н. Полномочия прокурора на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Англии, Италии и Испании // Законность. – 2011. – № 6(920). – С. 53–57.

References

1. Agabekov, K. S. (2019) O nachale ugolovnogo presledovaniya v usloviyakh okhranitel'nogo pravosudiya [On the beginning of criminal prosecution in the conditions of protective justice]. *Mirovoi sud'ya – Mirovoy sud'ya*. No. 1. Pp. 14–18. (In Russian).
2. Aleksandrov, A. S., Pozdnyakov, M. L. (2014) Put' institutsional'noi reformy predvaritel'nogo rassledovaniya [The path of institutional reform of preliminary investigation]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1(25). Pp. 78–82. (In Russian).
3. Alekseeva, E. S., Makarenko, M. A., Shestakova, S. D. (2021) Srovnitel'no-pravovoi analiz modelei ugolovnogo presledovaniya i protsessual'nogo rukovodstva v ugolovnom protsesse zarubezhnykh stran [Criminal prosecution as a function of the prosecutor]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4(57). Pp. 5–14. (In Russian).

4. Gataullin, Z. SH. (2010) Ugolovnoe presледovanie kak funktsiya prokurora [Comparative legal analysis of models of criminal prosecution and procedural guidance in the criminal process of foreign countries]. *Zakonnost' – Legality*. No. 2(904). Pp. 9–13. (In Russian).
5. Kruglikov, A. P. (2012) Polnomochiya prokurora po vzbuzhdeniyu ugovalnogo dela i osushchestvleniyu ugovalnogo presледovaniya [The powers of the prosecutor to initiate a criminal case and carry out criminal prosecution]. *Zakonnost' – Legality*. No. 1(927). Pp. 12–16. (In Russian).
6. Larin, A. M. (1986) Rassledovanie po ugovolnomu delu: protsessual'nye funktsii [Investigation in a criminal case: procedural functions]. Moskva: Yuridicheskaya literatura. (In Russian).
7. Makarov, V. A. (2019) Ob osobennostyakh ugovalnogo presледovaniya sudei [On the peculiarities of criminal prosecution of judges]. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya – Crime investigation: problems and solutions*. No. 2 (24). Pp. 90–101. (In Russian).
8. Mel'nikov, E. A. (2019) *Ugolovnoe presледovanie v sisteme razdeleniya vlastei (dosudebnoe proizvodstvo)* [Criminal prosecution in the system of separation of powers (pre-trial proceedings)]. Moskva: Yurilitinform. (Ugolovnyi protsess). (In Russian).
9. Ogar', YU. A. (2021) Vzbuzhdenie ugovalnogo dela i nachalo ugovalnogo presледovaniya: problemy sootnosheniya [Initiation of a criminal case and the beginning of criminal prosecution: problems of correlation]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4 (45). Pp. 133–140. (In Russian).
10. Ogar', YU. A. (2022) *Nachalo ugovalnogo presледovaniya i ugovolnoi otvetstvennosti: voprosy sootnosheniya* [The beginning of criminal prosecution and criminal responsibility: issues of correlation] // *Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: Materialy ezhegodnoi vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 03–04 iyunya 2022 goda / Pod obshchei redaktsiei T. A. Ogar', D. M. Kokina, sost. N. I. Kuznetsova*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii. Pp. 218–224. (In Russian).
11. Rakhunov, R. D. (1961) *Uchastniki ugovolno-protsessual'noi deyatel'nosti po sovetскому pravu* [Participants in criminal procedural activities under Soviet law]. Moskva: Gosyurizdat. (In Russian).
12. Rossinskii, S. B. (2020) Dosudebnoe proizvodstvo po ugovolnomu delu: svezhii vzglyad na starye problem [Pre-trial proceedings in a criminal case: a fresh look at old problems]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka – Legal education and science*. No. 8. Pp. 28–35. (In Russian).
13. Smirnov, A. V. (1991) *O protsessual'noi nezavisimosti sledovatelya, zashchitnika i obespechenii zakonnykh interesov lichnosti v ugovolnom protsesse* [On the procedural independence of the investigator, the defender and ensuring the legitimate interests of the individual in the criminal process] // *Predvaritel'noe sledstvie v usloviyakh pravovoi reformy: Sbornik nauchnykh trudov*. Volgograd: Izd-vo VSSH MVD SSSR. Pp. 31–37. (In Russian).
14. Solov'ev, A. B. (1997) *O funktsiyakh prokuratury v dosudebnykh stadiyakh ugovalnogo sudoproizvodstva* [On the functions of the prosecutor's office in the pre-trial stages of criminal proceedings] // *Problemy sovershenstvovaniya prokurorskogo nadzora K 275-letiyu Rossiiskoi prokuratury: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moskva: Izd-vo NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka. Pp. 120–126. (In Russian).
15. Khaliulin, A. G. (1997) *Osushchestvlenie funktsii ugovalnogo presледovaniya prokuratury Rossii* [Implementation of the function of criminal prosecution by the Prosecutor's Office of Russia]. Kemerovo: Kuzbasevuzizdat. (In Russian).

16. Shimanovskii, V. V. (1965) K voprosu o protsessual'noi funktsii sledovatelya v ugovolnom protsesse [On the question of the procedural function of the investigator in the criminal process]. *Pravovedenie – Jurisprudence*. No. 2. Pp. 175–178. (In Russian).

17. Shcherba, S. P., Dodonov, V. N. (2011) Polnomochiya prokurora na dosudebnykh stadiyakh v ugovolnom protsesse Germanii, Frantsii, Anglii, Italii i Ispanii [Powers of the prosecutor at the pre-trial stages in the criminal process of Germany, France, England, Italy and Spain]. *Zakonnost' – Legality*. No. 6 (920). Pp. 53–57. (In Russian).

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Павлик Михаил Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: pavlik-mu@mail.ru

Чабукиани Оксана Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: oksana_kartohina@mail.ru

Шепелёва Ольга Ринатовна, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: zaripova_or@mail.ru

About the authors

Mikhail Yu. Pavlik, Dr. Sci (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: pavlik-mu@mail.ru

Oksana A. Chabukiani, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: oksana_kartohina@mail.ru

Olga R. Shepeleva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: zaripova_or@mail.ru

Поступила в редакцию: 03.11.2022
Принята к публикации: 06.12.2022
Опубликована: 30.12.2022

Received: 03 November 2022
Accepted: 06 December 2022
Published: 30 December 2022

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

В журнале приняты следующие сокращения:

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации.

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации.

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

ГрК РФ – Градостроительный кодекс Российской Федерации.

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации.

ЗК РФ – Земельный кодекс Российской Федерации.

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации.

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации.

ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации.

УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации.

УПК РФ – Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации.

Государственные органы

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации

МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации

ФНС России – Федеральная налоговая служба

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «Ленинградский юридический журнал»

Материал должен быть представлен двумя файлами: 1) статья; 2) заявка.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

1. Определите тип публикации:

- *научная статья / Original article* – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- *обзорная статья / Review* – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- *краткое сообщение / Short Communication* – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

2. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

3. DOI присваивается редакцией после принятия статьи к публикации.

4. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты.
- **Аннотация** имеет следующую структуру:
В первом абзаце «Введение» (рекомендуемый объем 1–2 предложения) кратко обосновывается актуальность статьи.
Во втором абзаце «Основное исследование» необходимо изложить 3–5 основных положений, раскрываемых в статье, например: 1. Проанализировано... 2. Рассмотрено... 3. Обосновано.... Не допускается копирование фраз из основного текста статьи.
В третьем абзаце «Заключение» (рекомендуемый объем 1–2 предложения) подводятся итоги и намечаются перспективы исследования. Слова и словосочетания «Введение», «Основное исследование» и «Заключение» в аннотации не пишутся, в алгоритме приводятся для структурирования текста. Рекомендуемый объем аннотации – 500 знаков с пробелами.
- **Ключевые слова.** Не более 10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.
- **Введение.** Рекомендуемый объем 1–2 абзаца. Обосновывается актуальность исследования и формулируется современное состояние проблемы.
- **Основное исследование**
В тексте основного исследования необходимо сделать 3–5 тематических рубрик в зависимости от содержания статьи, например:
1. Дискуссионность положений доказательственного права
2. Функции предмета доказывания в гражданском судопроизводстве
3. Этапы юридической квалификации
4. Стандарт доказывания
Словосочетание "основное исследование" в теле статьи не пишется, необходимо начинать с названия первой тематической рубрики.
- **Заключение.** Рекомендуемый объем 2–3 абзаца. Подводятся итоги и намечаются перспективы исследования.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. **NB!** НЕ допу-

скается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общественности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок).

- **Информация об авторе.** После списка литературы необходимо указать следующие данные на русском и английском языках: ФИО (полностью); Ученая степень; Ученое звание; Полное название организации без указания организационно-правовой формы; Город; Страна; Идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>); E-mail.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать личный вклад в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
00/00

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ со статьей, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах:

- TIFF (300 dpi)
- PNG
- JPG/ JPEG

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

ПРИ ОТПРАВКЕ файлу присваивается имя типа "Иванов_статья", заявке "Иванов_заявка".

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %. В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном, размещенном в разделе "Авторам" на странице журнала: <https://lengu.ru/mag/leningradskiy-uridicheskij-zhurnal/avtoram-4>

Статья и заявка, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail редакции: lenjurmag@lengu.ru.

Правила оформления библиографического списка

МОНОГРАФИЯ

- Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. – М.: Городец, 2004. – 272 с.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

- Карапетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 5. – С. 3–96.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI

- Акунченко Е. А. Ретроспектива и перспектива понимания объекта и предмета антикоррупционной экспертизы // Lex russica (Русский закон). – 2022. – № 75 (10). – С. 41–53. DOI 10.17803/1729-5920.2022.191.10.041-053.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

- Нахова Е. А. К вопросу о соотношении судебного доказывания и познания в гражданском судопроизводстве // Теория и практика современной юридической науки: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 45–48.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

- Боннер А. Т. О проблеме непосредственного познания судом фактов, входящих в предмет доказывания // Избранные труды: в 7 т. Т. V. Проблемы теории судебных доказательств. – М.: Проспект, 2017. – С. 18–26.

МОНОГРАФИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Pollock F., Maitland F. W. The History of English Law Before the Time of Edward I. Second Edition. 2 volumes. – Clark: The Lawbook Exchange, Ltd., 2007. – 1142 p.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Mukli L., Rista A. Predicting and Analyzing Student Absenteeism Using Machine Learning Algorithm // Integration of Education. – 2022. – Vol. 26. – No. 2(107). – Pp. 216–228. DOI 10.15507/1991-9468.107.026.202202.216-228.

Примеры описания постраничных сносок

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

- Статистический отчет за 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://otchetnost.2018.ru> (дата обращения: 11.11.2019).
- Решение Демского районного суда г. Уфы № 2-818/2020 2-818/2020~М-517/2020 М-517/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 2-818/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nUZbSkO3VIUX/?ysclid=I6asqyum1z583511286> (дата обращения: 02.07.2022).
- Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2017 № 33-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Титоренко Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав подпунктом «а» пункта 6 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogosuda-rf-ot-26012017-n-33-o/?ysclid=I6at0dvyie549772792> (дата обращения: 07.10.2022).

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Christie A. Private International Law Issues in Online Intellectual Property Infringement Disputes with Cross-Border Elements. An Analysis of National Approaches, 2015 – Available at: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_rep_rfiip_2015_1.pdf (accessed 05 June 2022).

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

- О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВС РФ № 2 от 17.03.2004 г.

УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Гражданский процесс зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. А. Г. Давтян. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 256 с.

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

- Дробот С. Е. Принцип разделения и взаимодействия властей в системе российского конституционализма: дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2021. 259 с.
- Дробот С. Е. Принцип разделения и взаимодействия властей в системе российского конституционализма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2021. 29 с.

References

References должны быть представлены в латинице. Необходимо учитывать, что:

- при переводе указанных сведений недопустимо использовать машинный перевод;
- сведения должны соответствовать тексту на русском языке.
- для оформления References целесообразно использовать автоматические системы транслитерации, например, <http://translit-online.ru/> используя две основные формулы:

Для научных статей

Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya zagolovka stat'i* [Translation of the headline of the article]. *Trasliteraciya nazvaniya istochnnika – Translation of the headline of the source*. Vol. 0. No. 0. Pp. 0–0. (In Russian).

Для книг

Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya nazvaniya knigi* [Translation of the headline of the book]. Place: *Izdatel'stvo*. (In Russian).

Примеры оформления References

МОНОГРАФИЯ

- Baulin, O. V. (2004). *Bremya dokazyvaniya pri razbiratel'stve grazhdanskih del* [The burden of proof in civil proceedings]. Moscow: Gorodets. (In Russian).

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

- Karapetov, A. G., Kosarev A. S. (2019). *Standarty dokazyvaniya: analiticheskoe i ehmpiricheskoe issledovanie* [Evidence standards: analytical and empirical study]. *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii – Journal of Economic Justice of the Russian Federation*. No. 5. Pp. 3–96. (In Russian).

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

- Nahova, E. A. (2019). *K voprosu o sootnoshenii sudebnogo dokazyvaniya i poznaniya v grazhdanskom sudoproizvodstve* [On the relationship between evidence and knowledge in civil proceedings]. *Teoriya i praktika sovremennoi yuridicheskoi nauki* [Theory and practice of modern legal science]. Proceedings of 6th All-Russian conference. Pp. 45–48. (In Russian).

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

- Bonner, A. T. (2017). *O probleme neposredstvennogo poznaniya sudom faktov, vkhodyashchikh v predmet dokazyvaniya* [About the problem of direct knowledge by the court of the facts included in the subject of proof]. *Izbrannye trudy: v 7 t. T. V. Problemy teorii sudebnykh dokazatel'stv* [Selected Works: in 7 vol. T. V. Judicial Evidence Theory]. Moscow: Prospekt. Pp. 18–26. (In Russian).

научный журнал

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (70)

Редактор **Т. Г. Захарова**
Технический редактор **Н. В. Чернышева**
Верстальщик **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 30.12.2022. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Oswald, Montserrat. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,25. Тираж 500 экз (первый завод 50 экз.).
Заказ № 1834

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 470-56-74 <http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru